

274086

кн 408

~~А. 815~~ 10

ас
32331

185
943

94

С. С. С. Р.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

**СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
ВОЙНЫ 1914 — 1918 г.**

ЧАСТЬ VII

КАМПАНИЯ 1917 г.

С о с т а в и л

А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

с предисловием

Р. ПИКЕЛЯ.

13 схем

в приложении

*Augstākās kara skolas
biblioteka № 2244*

XII/76

Высший Военный
Редакционный Совет
Москва
1923

281

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ № 815.

ТИРАЖ 2.000.
ПЕТРООБЛИТ № 9667.
ЗАКАЗ № 755.

Военная Типография
Штаба Р.-К.К.А.
(Площ. Урицкого, 10).

274086

Депримаунал
библиотека
В. С. Р.
Или У. А. доника

А 332567

Ос. 32331

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Писать стратегический очерк кампании 1917 года русской армии вещь очень сложная. Здесь совершенно неприменим обычный план стратегических очерков, всегда сводившихся к детальному и микроскопическому исследованию театра военных действий, вооруженных сил сторон, их планов, развития операции, и, наконец, общих выводов и заключений, вытекающих из нее.

Анализировать боевые операции 1917 года вне развития революционных событий, дать им стратегическую оценку вне политической и не на основе последней беспредметно и немислимо.

Это сознавал и автор, приступая к своей работе.

„Мне придется, пишет он в одном из своих примечаний,— невольно (подчеркнуто мною Р. П.) затрагивать политическую сторону событий. Во избежание недоразумений и упреков в одностороннем освещении, предупреждаю, что я буду касаться политической стороны исключительно с точки зрения влияния на ход военных операций и на боеспособность армии того времени“.

Перефразируя известную русскую пословицу приходится сказать по адресу автора, что для него „неволя пуще охоты“. И рад бы он политику не тревожить, но „невольно“ приходится это ему делать, ибо в противном случае стратегический очерк напоминал бы молчалинское „взгляд и нечто“.

Вот эту политико-боязнь нам надо совершенно изжить. И особенно в военном деле. Армия—организм общественный, война прежде всего арена социально-экономических столкновений. Изучая войну, т. е. давая ей стратегическую оценку, не говорить о политике, это значит выбрасывать ребенка из купели вместе с водой.

Стратегия прежде всего политика в войне. И это особенно резко, наиболее выпукло пролвляется в войнах революции.

Мыслимо ли стратегически изучать войны революционной Франции 1793—6 г.г., победные марши Наполеона в Европе, Отечественную войну, Северо-Американскую гражданскую и,

наконец, Великую эпопею гражданских войн в России в 1917—21 г.г. без анализа социально-экономической обстановки. Конечно нет.

Всякая война и армия не какие-то абстрактные, неизменные организмы, или абсолюты. Под колпаком чистой военной теории их изучать нельзя.

Это по своей природе глубоко-диалектические процессы общественного развития, в которых наиболее четко выявляется неразрывная связь между экономикой, политикой и системой вооружения данной страны.

Вот что пишет Маркс по поводу статьи т. Энгельса „Армия“ в одном из писем к нему: „История военного дела дает возможность всего нагляднее подтвердить правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия очень важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии, у древних. Равным образом у римлян лагерное имущество (*resuniae castrorum*) явилась первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отцов семейства. Также цеховой порядок корпорации *Fabri* (ремесленники при войске). Даже особая стоимость металлов и их роль как денег, повидимому, первоначально основывалась на их военном значении, после того как миновал Гриммовский каменный век. Точно также и разделение труда внутри одной отрасли промышленности было впервые проведено в армиях. Тут в сжатом виде — вся история буржуазно-общественных форм“.

Для нас, марксистов, история военного дела в прошлом — это конспект „буржуазных общественных форм“. Нашим современным историкам, стратегам пора поучиться у Энгельса методу и анализу исследования того или иного военного вопроса.

Как известно Энгельс оставил нам ряд блестящих работ по военному делу. Его стратегические анализы, всегда связываемые широким политическим освещением вопроса, изумляют своей глубиной и точностью современников. Задолго до конца Крымской войны он предопределил плачевный исход ее для России. Его статьи о франко-прусской войне приобрели такую популярность среди военных авторитетов, что взгляды Энгельса все лондонские газеты перепечатавали, и почти дословно. В конце августа 1870 года, он почти математически точно указывает на разгром армии Макк-Магона, что и произошло 2 сентября у Седана.

Чем же силен Энгельс в своих военных статьях. Марксистским методом освещения и изучения всякого вопроса.

Исчерпывающе исследовать то или иное общественное явление и определить его значимость вы можете только тогда,

если ваше исследование будет диалектично, об'ективно, научно и исторично. Бесспорно марксистский метод сочетает в себе все эти условия. Это наиболее об'ективный и научный метод каким располагает ныне человеческое общество в области социально-экономических знаний.

„Душу марксизма составляет его метод“, говорит Плеханов в женевском предисловии 1905 г. к I-му тому своих сочинений.

Глубоко прав Франц Меринг, когда он в своей брошюре „Милиция и постоянное войско“ утверждает, что „в военном вопросе более чем в каком-либо другом необходима интенсивнейшая пропаганда наших принципиальных воззрений. В этой области надо устранить колоссальное недоразумение и неясность. Чрезвычайно показательно и весьма неместно для нас, что классические произведения нашей партийной литературы о войне, работы Энгельса и Бюкли, относятся к наименее распространенным их произведениям“. Не во имя коммунистического ригоризма или партийного сектантства мы пропитываем и насыщаем марксистским мировоззрением всю науку в Советской России, но ради об'ективной научности, с целью окончательно разорвать оковы сословного тупоумия, религиозных предрассудков, подхалимства господствовавшим классам, каким была насыщена вся наука.

Знание не ради и не во имя господства одного класса общества над другим, а во имя господства всего, освобожденного от каких бы то ни было классовых группировок, человечества над силами природы, над стихиями вселенной— вот к чему ведет коммунизм.

Да простит меня читатель за некоторое отвлечение в сторону, но оно было неизбежно поскольку мне в предисловии приходится коснуться политической оценки, даваемой Зайончковским развернувшимся событиям в февральской революции.

Его политический анализ страдает крайним суб'ективизмом, отсутствием историчности и полным игнорированием необходимости изучать всякое явление в процессе развития и движения т. е. диалектически.

Такой анализ, конечно, не научен и ценность его минимальна. Беда-то именно и заключается в том, что политические события он не мог продумать марксистски, иначе говоря, не мог дать им об'ективно научного освещения. На развертывающиеся события он смотрит глазами профессионала войны—попавшего в какой-то стихийный водоворот, выбитого из своей колеи, горячего патриота армии, ненавидящего бошей и мечтающего о войне до победного конца. И вдруг революция.

Конечно для него она является непонятным (космическим) явлением.

Причину развала царской армии А. М. Зайончковский видит в..... неумелой политике военного и морского министра Временного Правительства А. Гучкова, обнаружившего „полное непонимание сути военного дела, соединенного к тому же с большим самомнением и решительностью“.

Слишком много чести для Гучкова. Не будь его развал царской армии шел бы своим чередом. Процесс разложения ее был органически связан с ростом и укреплением февральской революции. Армия в те дни была ратным полем, на котором впервые пролетариат России после 1905 года открыто вступил в борьбу с классами капиталистов и помещиков.

Продолжение империалистской войны было в интересах последних, ликвидация ее—в интересах первых. Для этого капиталистам надо было укрепить боеспособность армии, сохранить дисциплину в ней; нам же—разложить ее, распустить по домам.

Царская армия в марте—мае 17 г. была тем чутким барометром, который наиболее точно и верно определял движущие силы революции и степень их организованности. Антагонизм солдатской массы к офицерству разве не является отражением разворачивающейся классовой войны между пролетариатом и капиталистическим обществом.

Временному Правительству противопоставляется Советская Власть, наступлению—братание, войне—мир.

Значение и роль Советов в февральской революции Зайончковским переоценивается. Нерешительной дряблостью политике Временного Правительства он противопоставляет сплоченность, организованность и решительность в действиях Советов. Это не так.

Советы того периода, руководимые меньшевиками и эсерами, были скорее громоотводом для революционных сил, нежели его проводниками.

Весьма ценно приводимое автором признание А. И. Гучкова в письме к начальнику Штаба Главковерха Алексееву от 9 марта 1917 года, что „можно прямо сказать, что Временное Правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов“.

Советы солдатских и рабочих депутатов для Гучкова были сами организованные революционные массы и уже 9 марта, т. е. дней десять спустя после революции, он, как один из самых вдумчивых буржуазных политиков, предвидел ту роль, какую им придется играть по отношению к Временному Правительству. Не Советы вели восставшие массы за собой, а, наоборот, последние беспрерывно толкали их на путь более решительной и непримиримой борьбы с Временным Правительством.

Не даром генерал Данилов на совещании Главнокомандующих от 1 мая 1917 г. в Могилеве на Днестре (см. прилож. № 6) говорил, что „если стать на платформу меньшевиков (т. е. поддержать официальную линию, проводимую совдепами, где преобладали меньшевики—Р. П.) и повести деятельную пропаганду в армии, то мы бы имели успех“ (речь идет о наступлении).

Генерал Аверьянов, соглашаясь с Даниловым, на том же совещании говорил, что „с лицами из совета рабочих и солдатских депутатов сговориться можно, что показал пример посещения его некоторыми известными членами исполнительного комитета, где за чаем открыл им положение вещей“. Какая ирония судьбы.

Царские генералы ищут альянса с совдепами и в знак отсутствия идейных расхождений принимают платформу меньшевиков.

Вполне верно определил положение Советов на том же совещании генерал Гурко. „Советы также не имеют реальной власти и прислушиваются к велению черни“ (т. е. по нашему пролетариата—Р. П.), говорит он. Этого не понимает автор и роль Советов февральской революции сводится у него к руководящей в то время, когда их движение вперед в лучшем случае было лишь бегом на месте.

За недостатком времени и места невозможно перечислить все недостатки и дефекты в анализе автором политической обстановки. Братание, июньское наступление, Корниловский мятеж, Кронштадтская республика и т. д. все это у Зайончковского освещается без какого бы то ни было экономического и классового анализа борющихся сил в революции и трактуется как исторически случайная политика тех или иных вождей.

Подобный суб'ективизм весьма вреден для научного исследования, ибо не дает верной точки зрения в понимании исследуемых событий.

И все же, несмотря на все вышеперечисленные недостатки стратегического очерка, мы должны быть признательны автору за его искреннюю попытку, хотя как он сознается и „невольную“, стратегию связать с политикой. Пора. И в первую очередь нашим военным профессорам и преподавателям высших военных заведений.

Ценность работы заключается в том, что тщательным изучением архивных материалов автору удалось восстановить фактическую сторону событий на фронте в период с февраля по октябрь 1917 года и тем дать возможность будущему исторiku этого периода использовать указанный материал.

Подводя итоги своей работы профессор Зайончковский вопрошает. „Можно ли сделать оценку кампании 1917 года в стратегическом отношении. Я думаю, что нет“.

Верно, если под стратегическим очерком понимать то, что нам приподносилось десятки лет в военно-исторической и теоретической литературе. Совершенно не верно, если помнить, что стратегия—это не только „война двух регулярных армий, двух равных сторон“, но и политика военного дела.

Хороший стратег должен быть серьезным экономистом и вдумчивым политиком.

Этих же качеств мы должны требовать от теоретиков и историков военного дела.

Р. Пикель.

26 апреля 1923 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Предлагаемая VII-я часть Стратегического очерка составляет окончание Общего Стратегического Обзора мировой войны на русском фронте, чем и определяется программа, размеры и характер моей работы. Многое мною исключено из этого труда уже после его составления, почему в некоторых местах изложение носит незаконченный характер.

А. Зайончковский.

ГЛАВА I.

Подготовка к кампании 1917 г. Перемены в Ставке. Предложение союзников. Соотношение сил враждующих сторон к декабрю 1916 г. План Главнокомандующих фронтами и Ставки на 1917 г. Совещание в Ставке 17—18 (30—31) декабря 1916 г. Окончательное установление плана кампании 1917 г. Предложения союзников и состояние их армий. События в феврале 1917 г.

Подготовка России к кампании 1917 года на Европейском фронте началась с сентября—декабря 1916 года под влиянием двух событий, оказавших на нее несомненное воздействие.

Я говорю о болезни начальника штаба Верховного Главнокомандующего Алексеева, который был временно заменен Гурко, и о Румынском погроме, который грозил обратиться в Балканскую эпопею с перенесением туда центра тяжести русской борьбы. Было еще третье событие,—вспыхнувшая в марте революция, которая, впрочем, сыграла значительно большую роль в исполнении кампании 1917 года, чем в подготовке к ней.

Алексеев в ноябре месяце заболел и уехал лечиться в Севастополь. Но он продолжал следить за тем, что делается в Ставке, был не безучастен к этому и, как увидим ниже, оказывал в исключительных случаях свое влияние на то или другое важное решение. Вместо Алексеева во временное исполнение должности начальника штаба вступил командовавший Особой армией, Гурко.

Этим перемены в Ставке еще не закончились. Вслед за Алексеевым ушел и его генерал-квартирмейстер Пустовойтенко, который, судя по сохранившейся в архивах переписке, не имел влияния на оперативный ход событий, ведомых единолично рукой неутомимого труженика Алексеева. Пустовойтенко был заменен Лукомским. Этот последний в отличие от своего предшественника играл, судя по той же переписке, большую оперативную роль. Трудно только пока определенно выяснить был ли он вдохновителем Гурко или же только соучастником и активным исполнителем его главных предначертаний. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что влияние его в этом отношении было велико.

Но и этим перемены в Ставке за время болезни Алексеева не окончились. Учредили новую должность помощника

начальника штаба, на какую-то была назначен Клембовский. Впрочем, оперативное значение его в этот, по крайней мере, период было ничтожно.

Таким образом, вместо одного Алексеева оперативными делами Ставки начали ведать три лица и от этого должен был бы еще более увеличиться коллективный элемент направления в ней дел, о котором было говорено в части VI Стратег. очерка. Однако, властный характер Гурко клал известный предел такой коллективности, что совершенно отсутствовало в работе мягкого характером Алексеева. Человек с твердой волей, с большим самомнением и упорством, Гурко не останавливался перед проведением в жизнь даже таких мероприятий, против которых восставали не только все из сохранивших самостоятельность в суждениях главнокомандующие, но и общий голос армии ¹⁾.

Вопрос о Балканах выступил не сразу, а как результат продолжительного давления на Ставку со стороны союзного командования.

Впервые он был затронут в телеграмме Жоффра к своему представителю при Ставке Жанену от 6 (19) октября 1916 года ²⁾.

Жоффр находил, что совместное летнее наступление союзников явно ослабило боевые средства противника, который потерял инициативу и понес значительный ущерб. Он предполагал, что в течение предстоящей зимы враждебная нам коалиция может или использовать понижение нашей активности для образования сил к кампании 1917 года, или попытаться захватить на главных фронтах громко звучащие и близко к фронту расположенные пункты (Верден, Нанси, Двинск, Рига), или же вывести из строя Румынию.

Союзники должны были для воспрепятствования противнику выполнить какой-либо из этих планов продолжать в течении зимы давление на всех фронтах, где климатические условия это позволяют, приготавливаясь в то же время к решительным совместным наступательным операциям весной 1917 года.

В зависимости от этого ведение зимних операций рисовалось Жоффру в таком виде. На англо-французском фронте должны были продолжаться атаки на Сомме, на итальянском—атаки на Изонцо, на русском фронте операции по усмотрению нашего командования и в зависимости от климатических условий и, наконец, на Балканском полуострове

¹⁾ Эверт так характеризовал Гурко в своем письме к Алексееву от 15/1 1917 г.: „Кавалерийский налет, недостаточная продуманность и изучение дела, громадная самонадеянность и нескончаемое словонизлияние“ (В. Уч. Арх. Ст. д. № 432).

²⁾ Жанен—Алексееву 6/X № 262. Там же д. № 448.

„казалось бы, они должны состоять в производстве серьезного усилия с целью вывести Болгарию из строя и вновь открыть восточный путь“¹⁾).

Весенняя же и летняя кампании должны были состоять из согласованного наступления Западного (французского), русского и итальянского фронтов, как только атмосферические условия это позволят; на Балканском фронте предполагались согласованные действия против Болгарии, „если за зиму ее не удастся вывести из строя“²⁾; в противном же случае против Австрии. На второстепенных театрах намечались действия, достаточные для сковывания имеющихся там сил противника с незначительным расходом собственных.

В то же время Жоффри указывал на необходимость тесного соглашения между союзными главнокомандующими, чтобы иметь возможность сосредоточить все нужные средства в желаемое время в избранном месте. В 1917 году удар врагу предполагалось нанести при полном развитии и напряжении всех сил и средств союзной коалиции.

Почти одновременно с этим румынский посланник указывал³⁾ что в самой Германии в сознании народных масс господствует мысль, что лучше потерять все приобретения на Западе, чем быть отрезанными от Востока. В этом последнем случае для немцев исчезали все политические объекты для дальнейшей войны и Германия, будучи тогда отрезана от всего мира, окажется уже тем самым морально разбитой.

Через несколько дней⁴⁾ Жоффри опять поднимает интересующий его вопрос, но уже в более определенной форме. Он спрашивает, что предполагает Алексеев сделать зимой с Болгарией—нанести ли ей удар с целью совсем вывести из строя или же только нейтрализовать ее. Первое решение казалось Жоффри лучшим, тем более, что операции между Дунаем и параллелью Софии можно было бы вести и зимою.

Вслед за этим последовало новое давление на Алексеева. Жоффри сообщил⁵⁾, что итальянский главнокомандующий Кадорна соглашается на усиление войск в Салониках только при уверенности, что Алексеев имеет действительное намерение предпринять действия, могущие вывести Болгарию из строя. Жоффри просил Алексеева возможно скорее сообщить ему о своем принципиальном согласии на такую операцию против болгар, относительно необходимости которой достигнуто уже полное соглашение между всеми союзными главнокомандующими в высших интересах коалиции.

¹⁾ Перевод с французского.

²⁾ То же.

³⁾ Там же, стр. 163.

⁴⁾ 21/X—3/XI № 279. Там же.

⁵⁾ 28/X—10/XI № 285. Там же.

На эти настояния Алексеев ответил уклончивым письмом от 1 (14) ноября ¹⁾, в котором указывал на меры, принимаемые Россией для спасения румын, при чем после выполнения этой очередной задачи он считал возможным перейти и к рассмотрению Балканского вопроса в более широком объеме.

Алексеев полагал, что военные и политические соображения заставляют нас сжать кольцо вокруг противника именно на Балканах и русские готовы будут выставить сильную армию на этом важнейшем для данного фазиса великой борьбы театре. Задача эта, по словам автора письма, главным образом ляжет на русских, так как убедить румын в важности удара против болгар будет более чем трудно.

Борьба на Балканах угрожала, как писал Алексеев, жизненному для немцев направлению, их сообщениям с Константинополем и Малой Азией, которые с утратой германских колоний приобретали для них значение рынков исключительной важности. Поэтому нельзя считать, что союзники будут наносить удар только болгарам. Удар направлялся бы в самую чувствительную точку для Германии и на защиту Балкан были бы привлечены значительные германские силы.

Поэтому, начал Алексеев, мы должны, решаясь на Балканскую операцию, взвесить условия борьбы и назначить силы, достаточные для достижения цели и для доведения операции до конца. Без этого не следует ее и начинать.

Но такой весьма, впрочем, условный ответ Алексеева был, как увидим из приводимого ниже документа, понят союзниками иначе.

2 (15) ноября совещание во французской Главной Квартире приняло решение, которое должно было лечь в основу действий союзников в кампанию 1917 года. В кратких чертах оно сводилось к следующему ²⁾:

Союзные армии должны подготовиться к весне 1917 года совместные и согласованные наступательные операции, которые имели бы целью придать кампании этого года решающий характер.

Впредь же, в целях воспрепятствования противнику вернуть себе инициативу действий, в течение зимы должны продолжаться уже начатые наступательные операции в том размере, который допускается климатическими условиями отдельных фронтов. Кроме того, к первой половине февраля должны быть подготовлены совместные наступательные действия теми силами и средствами, которыми к тому времени будут располагать союзные армии.

¹⁾ № 5993 В. Уч. Арх. д. Ставки № 448.

²⁾ Телеграмма Жоффра, переправ. Жаненом 7 (20)/XI № 295.
Перев. с французск. Там же.

Если обстоятельства позволят, то общие наступательные операции с использованием наибольшего количества тех средств, которые каждая армия будет иметь возможность ввести в дело, будут начаты на всех фронтах, как только окажется возможность их согласовать.

„Члены Совещания приняли к сведению ясно выраженную волю Верховного русского командования и вместе с ним признают, что союзники должны вывести из строя Болгарию. Такой цели следует достигнуть путем тесно связанных операций Восточной (Салоникской) армии совместно с армиями русской и румынской. Для этого Салоникская армия будет доведена до возможного предела в 23 дивизии, которые наысят местный театр войны“.

Намеченные во французской Главной Квартире вопросы должны были быть рассмотрены на совещании в Ставке Верховного Главнокомандующего с главнокомандующими фронтами, которое и состоялось 17—18 (30—31) декабря. К этому совещанию каждый из Главнокомандующих должен был представить свое предложение о действиях фронта в грядущую кампанию 1917 г.

Тем временем президент Соединенных Штатов Вильсон сделал попытку посредничества к заключению мира „во имя человеколюбия и интересов нейтральных стран“. На это предложение союзные державы ответили, что час мира не настал и в настоящее время еще нет возможности путем прекращения войны достигнуть тех удовлетворений, восстановлений и гарантий, на которые союзники имеют право в силу нападения, жертвой которых они сделались. Начала права и справедливости, говорит ответная телеграмма ¹⁾, провозглашенные президентом Вильсоном, и в частности гарантии для слабых государств и для экономической свободы не могут быть обеспечены иначе, как в зависимости от исхода войны и путем освобождения Европы от прусского милитаризма.

Прежде чем перейти к изложению проектов главнокомандующих в отношении кампании 1917 года и к решению, принятому на совещании в Ставке, остановимся на силах сторон к половине (концу) декабря 1916 года и на их группировке. При этом мы должны иметь в виду, что группировка русских войск имела на срок одной операции (примерно около месяца) по фронтам постоянный характер, так как слабо развитая сеть железных дорог и трудность перевозок не давали возможности увеличить за этот срок войска фронта, а у наших врагов этот вопрос разрешался более чем в два раза скорее.

¹⁾ Мин. Ин. Дел от 12 (25) декабря № 5438. Там же.

В декабре 1916 года началась уже на некоторых фронтах та реорганизационная работа, которая в январе и в феврале 1917 года лихорадочно охватывала все армии, отвлекая внимание всех начальствующих лиц от прямого их на войне дела и окончательно расстраивая и без того слабые кадры войск и их обозы.

Гурко, считая вполне основательно, 16-батальонные дивизии тяжеловесными, возымел мысль сформировать целый ряд новых, 12-батальонных дивизий средствами самих корпусов с таким расчетом, чтобы каждый корпус выделением частей из старых дивизий сформировал бы себе новую 12-батальонную дивизию. Корпуса сами должны были снабдить новые формирования командным составом и обозами, окончательно ослабляя свои и без того уже ничтожные кадры и обозы, которых на третий год войны войскам и без того не доставало. Вновь сформированным дивизиям артиллерия не придавалась и потому они имели как бы легкий маневренный характер для быстрого сосредоточения на определенном участке с целью развития там удара.

Если вопрос о преимуществах 12-батальонной организации по сравнению с 16-батальонной можно считать неоспоримым, если пользу новых маневренных дивизий, не имеющих ни одного орудия, собранных по-ротно из разных частей и не успевших сколотиться и приобрести дух спасенной строевой части можно считать более чем весьма сомнительной, то производство всей этой операции в ближайших корпусных резервах с нравственно подорванной уже и имеющей плохие кадры русской армией, до крайности бедной материальными и техническими средствами, нельзя не признать весьма оригинальным и весьма несвоевременным.

В проведение, вопреки мнению всей армии, этой организации в жизнь Гурко приложил весь свой твердый характер и выказанную им самоуверенность. Январь и февраль корпуса строили новые дивизии, подготавливая в них отличный материал для будущего развала армий.

Таким образом, уже в декабре 1916 года в составе наших дивизий начали появляться и вновь сформированные 12-батальонные.

К 15 (28) декабря наши вооруженные силы на Европейском фронте, считая и румынский ¹⁾, но без Кавказа, составляли 158 пех. дивизий (из них 16 по 12-ти бат.), 5 пех. бригад, 48 кав. дивизий и 4 кав. бригады ²⁾, имея против себя неприятельских 133 пех. и 26^{1/2} кав. див.

¹⁾ Хотя описание Румынского фронта не входит в мою работу, но он был так перепутан с остальными, что невольно иногда приходится его касаться.

²⁾ См. Боевое расписание в прилож. № 1.

В боевых единицах соотношение между сторонами по фронтам выражалось следующими цифрами ¹⁾:

	У нас.	У противн.	Разница.
Северный фронт.			
Батальон	420	199	+ 221
Эскадрон	143	112	+ 31
Легк. оруд.	1148	790	+ 358
Гаубиц	191	238	- 47
Тяж. оруд.	419	672	- 253
Западный фронт.			
Батальон	788	543	+ 245
Эскадрон	288	104	+ 184
Легк. оруд.	1928	1774	+ 154
Гаубиц	261	504	- 243
Тяж. оруд.	348	614	- 266
Юго-Западный фронт.			
Батальон	816	523	+ 293
Эскадрон	143	125	+ 18
Легк. оруд.	1846	1510	+ 336
Гаубиц	314	650	- 336
Тяж. оруд.	229	330	- 101
Румынский фронт.			
Батальон	335	254	+ 81
Эскадрон	240	120	+ 120
Орудий	нет данных ²⁾ .		

Против Северного фронта были расположены исключительно германские войска, против Западного фронта ²/₃ германских и ¹/₃ австрийских, против Юго-Западного, наоборот, ¹/₃ германских и ²/₃ австрийских и против Румынского дивизии всех враждебных нам союзных государств.

Группировка наших войск и примерная группировка противника к этому времени по дивизиям и корпусам показана на схеме № 1 а, б и в.

Главнокомандующие должны были ко времени совещания в Ставке представить свои соображения относительно кампании 1917 года.

Последовавшая в феврале революция заставила вести эту кампанию других лиц и при иной обстановке. Тем интереснее проследить то, к чему готовились, и то, что свершилось; интересно проследить и работу мысли тех последних, которых отживший уже режим выдвинул на вершину военной

¹⁾ В настоящей таблице и в боевом расписании, помещенном в приложении № 1, является невязка в цифрах. Я этого различия не исправляю, так как именно в таком виде обе таблицы фигурировали на совещании в Ставке.

²⁾ Соотношение по армиям смотреть приложение № 2.

власти. Поэтому я уделю несколько страниц изложению взглядов главнокомандующих фронтами.

Главнокомандующий Северным фронтом, Рузский ¹⁾ исходил из того заключения, что его фронт прикрывал пути к столице и, кроме того, имел такие пункты, как Рига и Двинск, занятие которых неприятелем, помимо военного значения, должно было произвести известное моральное впечатление. Поэтому Северный фронт должен при всяких комбинациях иметь особое значение и требовал для обороны излишних войск. Уже только с точки зрения одной экономии было выгодно наступательную операцию вести с Северного фронта. Но, кроме того, он занимал по отношению к армиям противника к северу от Полесья выгодное охватывающее положение и отсюда отходили кратчайшие пути к Восточной Пруссии.

Что касается выбора направления для наступления, то Рузский намечал три района ²⁾:—Рижский плацдарм, от берега моря до Двины,—87 верст, Двинский район—48 верст и фронт между озерами Дрисвяты и Нароч—86 верст.

Первый район давал возможность развить наступательные действия к стороне Туккума, на Митаву и на участок жел. дор. Экау—Нейгут ³⁾.

Туккумское направление не сулило, являясь эксцентричным, особых результатов; Митавское было непригодно для организации на нем широкого прорыва. Но зато наступление, произведенное с юго-восточного фронта Рижского плацдарма на участок жел. дор. Экау—Нейгут, представлялось весьма выгодным, так как оно прорывало железнодорожную линию Крейцбург⁴⁾)—Митава и выправляло наше расположение, вдавненное противником в направлении, угрожающем всему Рижскому плацдарму. Дальнейшее же наше наступление в направлении к Бауску было бы прямой угрозой не только флангу, но и тылу Якобштадтской и Двинской группам противника. Этот же участок являлся на всем фронте Рижского плацдарма единственно удобным для развертывания больших сил и для действия артиллерийских масс.

В Двинском районе, вследствие нахождения в центре его группы озер, операции могли развиваться только или на северо-запад вдоль Поневежской жел. дор. или в юго-западном направлении между Ново-Александровским шоссе и оз. Дрисвяты; но это направление имело, по мнению Рузского, в случае изолированного на нем наступления, очень ограниченное стратегическое значение. С точки зрения местных условий этот участок представлялся вполне удобным для широкого прорыва.

¹⁾ 5/ХП № 9771/Б. Там же, д. № 451.

²⁾ Схема № 1 а и б.

³⁾ Схема № 10.

⁴⁾ Схема № 3.

На третьем участке, между оз. Дрисвяты и Нароч, наступательную операцию возможно было вести только в направлении единственной железно-дорожной линии Свенцяны—Поставы. Самостоятельное значение такой операции едва ли могло быть признано значительным, но при наличии больших сил и средств удар из этого района в связи с ударом из района Сморгони на фронт Свенцяны—Вильна мог бы иметь решающее значение.

Охарактеризовавши в наступательном отношении свой фронт, Рузский переходил к рассмотрению плана всей кампании.

Он находил, что фронт к северу от Полесья представлял большие выгоды для наступления.

Начинаясь у моря к западу от впадения Двины, фронт тянулся до впадения Березины в Неман по дуге, охватывавшей на протяжении свыше 500 верст расположение противника. Столь выгодное для наступления стратегическое положение было крайне желательно использовать. Важнейшими предметами действий для нас являлись районы таких железно-дорожных узлов, как Шавли и Вильно, на овладение которыми и должны быть направлены наши усилия.

Современный грандиозный масштаб войны требовал, по словам Рузского, для решения соответствующей этому масштабу стратегической задачи развития действий на широком фронте, чтобы опасность для врага не свелась бы с нашей стороны на степень тактического успеха. Поэтому необходимо вести операции одновременно с обоих нависших над противником флангов. При таком размахе явится действительная угроза положению противника на фронте к северу от Полесья, за которой встанет для немцев грозный вопрос о прикрытии своей собственной территории.

Рузский, суживая задачу, предпочитал отказаться от нанесения широкого и сильного удара из Рижского района в пользу фронта Поставы—Сморгонь, т. е. на стыке Северного и Западного фронтов, с целью овладения важным стратегическим узлом Вильна—Свенцяны.

Если же, по отсутствию необходимых средств, Северному фронту будет указана еще более ограниченная задача, то Рузский определенно высказывался за выполнение наступательной операции из Рижского района и в частности с юго-восточного его участка.

Время главных операций на фронте определялось, в зависимости от климатических условий, концом апреля (началом мая).

В отношении февральских операций, которые вошли в предположение Совещания во французской Главной Квартире, Рузский признавал их по тем же климатическим условиям неподходящими. Однако, считал полезным восполь-

зоваться замерзанием болот и произвести внезапный удар по обоим берегам р. Аа, пользуясь ослабленным там фронтом неприятеля. Этот удар 12 армия, как уже было изложено выше, и произвела неудачно в последних числах декабря (первых числах января).

Вслед за изложенным докладом и тотчас же после неудачной атаки Радко-Дмитриева в Митавском направлении, Рузский представил расчет войск, орудий и снарядов, необходимых для прорыва из Рижского плацдарма в южном направлении на железную дорогу Митава—Крейцбург.

Расчет этот не потерял значения и в настоящее время, почему я на нем и остановлюсь.

Намеченный участок неприятельской укрепленной полосы, протяжением 8—9 верст, предполагалось рвать открытой силой. Исходя из опыта, что на фронте атаки следовало рассчитывать не более 2 верст на дивизию, Рузский на 8 верст требовал 7 дивизий и 4—5 дивизий для развития удара, а всего 12 дивизий или 6 корпусов. Тяжелых орудий для этой операции артиллеристы потребовали 555 или 139 тяжелых батарей. К этому приходилось прибавить еще 48 батарей для борьбы с артиллерией, 30 для разрушения искусственных препятствий, для стрельбы по живым целям и для воздушной обороны района, а всего более 226 батарей, не включая тех тяжелых батарей, которые должны работать на флангах. Рузский в своих требованиях уменьшил число тяжелых батарей до 79. Снарядов требовалось на прорыв и последующую 10 дневную операцию тяжелых 332.600, легких 429.000 и химических 75.000; минометов большого калибра по 4 на версту фронта; авиационных средств для корректирования стрельбы 14 аппаратов ¹⁾.

Такова смета, представленная Северным фронтом для производства частного удара на второстепенном участке.

Главнокомандующий Западным фронтом Эверт в своих предположениях о ходе кампании 1917 года коснулся общих стратегических соображений ²⁾.

Эверт находил, что наступление к югу от Припяти может иметь лишь второстепенное значение для всего русского фронта и, наоборот, наступая севернее Полесья, мы будем с каждым шагом вперед отвоевывать нашу родную землю, а в случае крупного успеха создается возможность занять Польшу и угрожать Восточной Пруссии. Он считал, что неприятель против Юго-Западного фронта в течение зимы зареется в землю, что сделает и в Румынии, занявши Бухарест, после чего обратится против армии Сарайля. Покончив с ней,

¹⁾ Рузский—Гурко 31/XII 1916 г. без номера. Там же.

²⁾ Эверт—Гурко 11/XII 1916 г. № 3892/2197/6. Там же.

перекинет все немецкие войска против наших фронтов к северу от Полесья или против французов.

На основании этих соображений Эверт полагал, что в 1917 году наше наступление может быть произведено в районе Западного или Северного фронтов и к этим районам необходимо сосредоточить значительные силы, необходимые не только для прорыва фронта, но и для немедленного широкого использования такого успеха.

Западный фронт представлял для этого два выгодных направления—Виленское и Слонимское. Первое угрожало тылу всего немецкого расположения в северо-западном крае, давало нам возможность выдвинуться на линию Неман—Брест и приближало нас к государственной границе Германии. Слонимское направление представляло более трудные топографические условия и, кроме того, при развитии удара на Белосток—Гродна наши наступающие войска подвергались ударам с запада, для обеспечения от которых потребовалась бы особая затрата сил. Кроме того, крупные силы, собранные на этом направлении для главного удара, рисковали быть откинута в болота Полесья в случае контр-удара противника со стороны Вильна на Минск. Эверт полагал более выгодным в стратегическом отношении избрать для главного удара направление на Вильна.

В тактическом отношении Виленское направление также представляло большие выгоды. Здесь наступление было возможно широким фронтом при сравнительно благоприятных тактических условиях, имея открытый тыл, пригодный для маневрирования резервов и расположения артиллерии и в тылу у противника местность, допускающую развитие операций без крупных преград. Главный удар намечался с фронта Кунава—Лостоянце¹⁾, при чем он хорошо сочетался с вспомогательными атаками на Вилии и в районе Вишнева.

Слонимское направление делало крайне трудным организацию единого мощного удара, который должен был, по местным условиям, распасться на ряд отдельных, трудно связываемых атак.

В отношении потребных для удара и развития его сил Эверт приводил следующие данные.

На Виленском направлении при нанесении главного удара на фронте Кунава—Лостоянце (26 в.) требовалось 23 дивизии и, кроме того, для вспомогательных ударов в районе Мартышки—р. Вилия—4 див., в районе Вишнева с прилегающими пассивными участками—5 дивизий и в районе Бакшты также с прилегающими пассивными участками до Немана—2 див. Сверх этого на пассивном участке от оз. Нароч до Мартышки требовалось 2 див. и для развития ударов 8—10 див., а всего

¹⁾ Схема № 1-6.

44—46 дивизий. При таком расчете необходимо было подвести, кроме сосредоточенных за Западным фронтом резервов Верховного Главнокомандующего, с других фронтов еще 23—25 дивизий. Удар на Слонимском направлении вызывал позаимствование с других фронтов в размере 20 дивизий.

Тяжелой артиллерии требовалось 682 орудия, а снарядов для них 814.364 шт. Авиационных средств на каждый корпус по одному воздухоплавательному и авиационному отряду ¹⁾, на каждую армию по одному такому же дивизиону и в распоряжение фронта 5 воздухоплавательных отрядов, бомбометную и истребительную авиационные группы.

В отношении времени операции Эверт находил, что к февралю мы не можем даже сосредоточить потребных сил и находил, что лучшее время года это половина апреля или май.

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом Брусилов своим предположениям о кампании 1917 года предпослал и стратегические поучения общего характера ²⁾.

Указав единственную правильную форму прорывов, принятую им в майской операции 1916 года, он переходил к своим выводам.

По мнению Брусилова, мы могли произвести резкий, полный переворот в ходе войны в нашу пользу только при выполнении следующих непрременных условий:

1) наступление всех союзников на всех фронтах одновременно,

2) отнюдь не ограничиваться одной ударной группой на несколько армий, а иметь таковых возможно большее число и

3) одновременно с атакою, веденною всеми ударными группами, должны вести наступление и все войска решительно на всем фронте армий союзников, чтобы возможно крепче везде связать противника.

Отлично развитая железнодорожная сеть наших врагов давала им возможность быстрых перебросок при действиях их по внутренним операционным направлениям. Мы успеть за ними в этом отношении не могли и поэтому Брусилов рекомендовал при нашем действии по внешним линиям не перекидывать войска во время общего наступления с места на место, а, сосредоточив их до начала общей операции в намеченных местах, навалить при переходе в общее наступление всеми силами сразу, не позволяя противнику действовать по внутренним операционным направлениям и пользоваться удобными путями сообщения.

Методическому и планомерному развитию действий на Балканском полуострове Брусилов придавал при создавшейся обстановке особое значение между прочим и потому, что

¹⁾ 6 разв., 2 артил. ап. и 2 истр.

²⁾ От 1/XII 1916 г. № 4385. Там же, д. № 449.

открывалась полная возможность наступления на Константинополь сухим путем при поддержке Черноморского флота.

Для армий своего фронта Брусилов ставил следующие задачи¹⁾: Галицийским (11 и 7) разгромить живую силу противостоящего им неприятеля на путях ко Львову и овладеть этим важным пунктом; Карпатским (8 и 9)—нанести удар противнику выдвиганием на линию Мармарош Сигет—Быстрица—Сас Реген—Чик Серед с целью облегчить наступление армиям Румынского фронта и обеспечить прочие армии Юго-Западного фронта со стороны Карпат. Задачу Галицийских армий он считал важнейшей.

Во исполнение этих задач намечалось нанесение главного удара 11 и 7 армиями на Львов с развитием концентрического наступления первой в западном и второй в северо-западном направлениях; 8 армия наносила главный удар на Мармарош Сигет и 9 армия своим правым флангом на Быстриц.

Брусилов полагал, что глубокий прорыв на Львовском направлении даст с занятием Львова полную возможность развития успеха в северо-западном направлении и этим серьезно угрожать тылу и флангу противника, оперирующего против армий нашего Западного фронта. С другой стороны успех южных армий фронта создаст благоприятную обстановку для развития операций Румынского фронта.

Выполнение этой операции Галицийскими армиями сводилось к прорыву сильного неприятельского фронта на участках, представляющих для этого более благоприятные условия, и к дальнейшему развитию прорыва решительным наступлением на Львов 11 армией в западном и 7 в северо-западном направлениях. При этом удар 7 армией,²⁾ как фланговый в отношении главнейших путей сообщения противника с западной Галицией и отрезающий его от Днестра и связи с Карпатами, признавался более предпочтительным. Его предполагалось наносить правым флангом армии с фронта Баранувка—Потуторы—Мечищув, протяжением в 16—17 верст. Ближайшей целью ставилось овладение районом Бжежаны и дальнейшее наступление на Бобрку. Одновременно для отвлечения внимания противника производились два частных удара, один к югу от Мечищув и другой против Галича.

Вместе с 7 производила удар и 11 армия в общем направлении на Злочев—Глиняны. Оно являлось кратчайшим на Львов и от него Брусилов ожидал при энергичном развитии наступления наиболее быстрого успеха. Здесь главный удар предполагалось произвести левым флангом на 30 верстном участке Хукалова—Манилув—Могила и вспомогательный от Броды.

¹⁾ 15/XII 1916 г. № 4533. Там же д. № 451. Схема № 1 б и в.

²⁾ Схема № 2.

В случае успеха 11 армии развивать его предполагалось на Злочев или еще западнее.

В конце декабря Брусилову была подчинена и Особая армия, на которую он возложил задачу приковать активными действиями находившегося перед ней противника с целью не позволить ему перебросить свои резервы на Львовское направление. По достижении же нами первоначального успеха развить энергичный удар преимущественно своим левым флангом. Задача эта должна была быть выполнена нанесением главного удара на Милятин—Сокаль и второстепенных на Владимиро-Волынском направлении и на левом фланге армии.

Для производства намеченной операции Брусилов требовал усилить 7 и 11 армии шестью корпусами.

Из армий, действовавших на Карпатах, у Брусилова осталась только одна 8, так как 9 армия отходила к Румынскому фронту. 8 армия должна была наступать на Мармарош—Сигет, имея задачей овладеть этим важным узлом путей, выводящих в Венгерскую долину. При этом главный удар наносился на Керешмезском направлении по обеим сторонам шоссе и частные на перевал Пантер, на хребет Форешек, на Рушполян, в обход Черных Гор, чтобы облегчить атаку на Керешмезском направлении, и на Кирибабу—в тесной связи с наступлением правого фланга 9 армии.

Для производства таких ударов 8 армии требовалось добавить 2 корпуса, а всего на фронт 8 корпусов, т.е. по новой организации те же 24 дивизии.

Расчет технических средств Юго-Западного фронта я приводить не буду, так как по размерам он подобен остальным двум фронтам¹⁾.

Перед нами выдержки из проектов разработанных планов операций трех главнокомандующих и трех начальников штабов. Они дают много материала не только для изучения, но и для размышления.

Полет стратегической мысли, постановка ближайших задач и способов для их выполнения, все это разнообразно в размерах такой большой вилки в отношении стратегических задач, как Вильна—Свенцяны, по предположению Западного и отчасти Северного фронтов, и как Львов—Мармарош Сигет, по предположению Юго-Западного фронта, и в отношении способов их выполнения, как удары в сравнительно ограниченных числом направлениях и как атаки всех фронтов с несколькими ударами и прорывами на участке каждой армии.

¹⁾ Лицам, интересующимся всей сложностью подготовки современной операции для прорыва укрепленных полос, рекомендую подробно изучить работы штабов фронтов и особенно широкую постановку работы штаба Юго-Западного фронта (Сухомлин и Духонин). Мне казалось бы, что не только знакомство, но и ряд практических занятий на фоне этих работ был бы очень полезен в Высших Военно-Учебных Заведениях.

И это после майского (июньского) прорыва, после пяти неудачных Стоходов, после топтания на одном месте 7 и 11 армий и геройских, но бесплодных с точки зрения выхода в Венгерскую долину сентябрьских и октябрьских боев Карпатских армий. Кто же прав—Брусиллов ли, требующий прибавки 8 корпусов для того, чтобы выйти на линию Львов—Мармарош Сигет, или Эверт, не обещающий иначе, как с прибавкой 12 корпусов¹⁾, завладеть районом Вильна? Прав ли Брусиллов со своими атаками по всему фронту, произведшими на немцев впечатление коротких ударов с целью приковать к себе противника²⁾, или Эверт и Рузский, намечавшие мало ударов, но внушительной силы и средств?

Фактически все работы главнокомандующих имели исключительно академический характер, так как Ставка в свою очередь выступила с определенным проектом, принадлежащим перу нового генерал-квартирмейстера Лукомского³⁾.

Соотношение сил в этой записке рисуется так: на Северном фронте мы имели 332 т. шт. и ок. 19 т. саб. против 159 т. шт. и ок. 17 т. саб. противника; на Западном 665 т. шт. и ок. 35 т. саб. против 417 т. шт. и ок. 15 т. саб. и на Юго-Западном 571 т. шт. и 20 т. саб. против 396 т. шт. и 13 т. саб. Даже, если не считать резервов Верховного Главнокомандующего и главнокомандующих фронтами, то все-таки общее наше превосходство, не смотря на отсылку массы войск в Румынию, определялось в 465 тыс. шт. и 16 тыс. саб.

В составе Румынского фронта имелось 255 тыс. шт. (из них румынских 57 т.) и 25 т. саб.; противник же там сосредоточил 245 бат. и 120 эск.⁴⁾

При общей пассивности неприятеля на всем фронте имелись сведения о подвозе им свежих войск против румын и о возможности постепенного отхода этих последних в половине декабря еще на север. Поэтому основной задачей текущего времени Лукомский считал приостановку натиска противника в Румынии, что отражалось на всех наших европейских фронтах, долженствовавших питать Румынский фронт.

Повторив известные уже читателю предположения конференции в Шантильи о необходимости разгрома Болгарии, Лукомский находил, что состоявшееся сосредоточение больших масс русских войск на Румынском фронте и трудность, благодаря плохим железным дорогам, переброски их на другие фронты указывали нам путь для постановки новой очередной задачи, а именно сосредоточенные на Румынском фронте силы увеличить еще более для перехода в наступле-

¹⁾ Абсолютные силы обоих фронтов были почти одинаковы (см. стр. 17).

²⁾ Записки Людендорфа.

³⁾ От 16/ХІІ 1916 г. без номера. В. Уч. Ар. Ставка д. № 701.

⁴⁾ Цифры доклада Лукомского несколько отличаются от разведывательных сводок—там 254 батал.

ние весной 1917 года в связи с союзниками, имея целью разгромить Болгарию.

Но постановка наступательной операции на Балканах, как главной, не отменяла активных действий на других фронтах. Однако, назначить для этого достаточные для всех фронтов силы не представлялось более возможным, а потому, по мнению Лукомского, приходилось отказаться от операции на Западном фронте, требовавшей добавления 21—23 дивизий, и ограничиться выполнением таковых только Северным и Юго-Западным фронтами.

17—18 (30—31) декабря состоялось совещание в Ставке главнокомандующих под номинальным председательством Верховного Главнокомандующего, который присутствовал только на части заседания, и фактическим вр. и. д. начальника штаба, Гурко, который и вел все совещание.

Этот военный совет радикально отличался от бывших при Алексееве. И, если первые имели характер увещательный с компромиссным решением в результате, то последний носил характер санкционирования предположений Ставки, или, вернее, мысли Гурко, которую он хотел заставить разделить с собой главнокомандующих¹⁾. Воля Гурко встретила серьезный отпор со стороны Эверта и Рузского и в отношении плана кампании вопрос остался открытым.

Дебаты на Совещании велись по трем главным пунктам— план летней кампании 1917 года, план коротких февральских ударов и новые формирования пехотных дивизий. Одновременно с этим был поставлен вопрос об отношениях к нам союзников, которые, скрывая, как говорили на Совещании, свои настоящие предположения, требовали от нас наступления, сами же не наступали и, таким образом, одновременного удара нанести врагу не удавалось.

Планы летнего главного удара были изложены выше в проектах главнокомандующих и в записке Лукомского. На Совещании каждая из сторон оставалась при своем мнении и новых доводов, по сравнению с изложенным в приведенных документах, не приводила.

Впрочем, в дебатах Совещания проскользнула и новая идея, принадлежащая Брусилову.

Он считал неправильной постановку главной цели на Балканах, сводившейся только к разбитию болгар. Это была как бы попутная задача для достижения главной цели— взятия Царьграда. Брусилов полагал, что нам лучше отказаться от Польши и приобрести прблывы и Царьград. Поэтому он предлагал назначить определенное, необходимое для операции против Царьграда, количество войск на Балканы, а оставшиеся силы распределить для наступления на

¹⁾ Подлинный протокол заседаний. Там же.

участке к северу от Полесья между Северным и Западным фронтами.

Главкомандующего Юго-Западным фронтом поддержал и Гурко, находивший, что, если мы не возьмем Константинополя, то нам никто его не возьмет. Когда к тому же мы перережем жизненную артерию, соединяющую германцев с Малой Азией, то у последних пропадет смысл дальнейшей борьбы, которая тогда обратилась бы в бесцельное истребление людей. Главкомандующие в общем не возражали против желательности взять Константинополь, но находили, что мы не имеем возможности сосредоточить необходимые для этого силы.

Вопрос был решен заключительными словами Верховного Главкомандующего, который высказался за продолжение наших действий в Румынии. В отношении же действий на русском фронте было указано каждому из членов Совещания представить свои соображения, которые будут рассмотрены в штабе и обсуждены на новом Совещании.

Февральские удары также не встретили сочувствия со стороны главкомандующих северными фронтами.

Рузский предлагал произвести на своем фронте удар со стороны Рижского плацдарма и произвел его, как мы знаем, в конце декабря (начале января), хотя Гурко настаивал на производстве его от Двинска и в феврале.

Эверт предлагал своими силами произвести небольшой удар на северном участке своего фронта и только Брусиллов выступил с предложением нанести удар южнее Станиславова войсками 7 армии.

Вопрос о реформировании пехоты вызвал наиболее жаркие прения. Мысль Гурко заключалась в том, чтобы перейти на 12-ти батальонные дивизии, что выделением из каждой старой дивизии соответствующего числа рот со всей материальной частью, кроме артиллерии и пулеметов, давало на каждый корпус одну лишнюю дивизию. Эти новые дивизии, без полевой артиллерии, поставить на второстепенные участки под прикрытием только позиционной артиллерии.

Такая мера давала, по мнению ее инициатора, возможность собрать для активных действий крепкие старые корпуса с сильной артиллерией и выйти, пробив передовую линию противника, на простор. В крайнем случае предлагалось придать вновь формируемым дивизиям пулеметы, поставленные на двуколки.

И, не смотря на полную невозможность снабдить вновь рождаемые формирования техническими средствами, обозами и артиллерией, дивизии эти начали спешно создаваться во всех корпусах, обездоливая организацию существующих и вводя в армию новые единицы сборного состава со всеми

характерными отрицательными особенностями такого рода импровизованных организаций.

Одновременно с указанными работами по переформированию пехоты на фронте шла и другая организационная работа, в виде образования артиллерийского резерва Верховного Главнокомандующего.

Мысль о сформировании такого резерва пришла Алексееву еще в октябре 1916 года, но приводилась в исполнение только в феврале 1917 года.

Большой недостаток в тяжелых орудиях, невозможность насытить ими все фронты, а также выяснившаяся потребность сосредоточивать в пунктах готовящегося прорыва тяжелую артиллерию в размерах, не соответствовавших нашим запасам, привело Алексеева к мысли образовать артиллерийский резерв.

Для этого каждый фронт должен был во время зимнего затишья выделить определенную часть тяжелых орудий в тыл, откуда они, в предвидении большой операции, назначались на фронты, производящие удары, в размерах по распределению Ставки ¹⁾. И, действительно, к весне 1917 года мы имели сильный XLVIII корпус, который в действительности представлял собою большую группу тяжелой артиллерии особого назначения, состоящую из крупнейших калибров.

Несогласие между собой высших руководителей военными операциями было в отношении плана весенних операций так велико, что после Совещания Эверт вошел с своим особым мнением, которое осталось в делах штаба Ставки без движения, испещренное только пометками Лукомского.

Эверт протестовал против нанесения главного удара на Румынском фронте, считая его рискованным на следующих основаниях ²⁾:

Союзники предполагали для выполнения этого плана довести свои войска в районе Салоник до 6—7 дивизий каждый, т. е. добавить не более, как по 2—3 дивизии, а нам для выполнения столь широкой задачи приходилось сосредоточивать значительные силы за счет остальных фронтов.

Выполнение задуманной грандиозной Балканской операции Эверту в общем представлялось сомнительным. Приходилось выбрасывать немцев из Валахии, форсировать Дунай и разгромить Болгарию на ее территории, и это при полном отсутствии достаточно развитой сети железных дорог.

По этой же причине быстрая перевозка войск с Румынского фронта на другие для нас являлась невозможной, а для немцев вполне допустимой.

Для противника могло казаться чрезвычайно заманчивым, сдерживая наше наступление в пределах Румынии, сосредото-

¹⁾ В. Уч. Архив, д. Ставки № 450.

²⁾ Его записка 21/XII без номера. Там же, д. № 449.

точить достаточные силы для решительного наступления к северу от Припяти. При этом Западный и Северный фронты, обездоленные в отношении войск, могли оказаться не в силах дать решительный отпор такому наступлению.

Эверт находил, что для общего дела союзников необходимы совокупные решительные наступательные действия, но все равно, где именно эти удары будут наноситься, лишь бы они были решительны и наносились нашему главному врагу. Поэтому выбор направления для нанесения ударов должен согласоваться с действительными выгодами каждого из союзников. Наша главная задача состояла в том, чтобы нанести поражения не Болгарии, а немцам и выгнать их из русской земли. („Выгнать не так легко,—заметил Лукомский.—Прежде всего надо стремиться изолировать противника от внешнего мира и, ослабив в подвозе, сделать неспособным долго вести борьбу“).

Свою записку Эверт кончил уже нам известным его мнением наносить удар к северу от Полесья на одном направлении, но внушительными силами и средствами. Обе эти мысли встретили отрицательное отношение в пометках Лукомского.

Судя по всей переписке Ставки за декабрь и начало января ¹⁾, там, несмотря на открытые протесты двух главнокомандующих, Рузского и Эверта, твердо стояла на решении исполнить волю союзников, в виде производства на русском фронте совершенно бесполезных для нас коротких февральских ударов ²⁾ и Балканской операции. Борьба между северными главнокомандующими и начальником штаба разгоралась. Эверт для короткого удара все таки наметил участок к северу от Ошмянны, имея целью оттеснить противника за Вилию, а Рузский определенно заявил о невозможности такой операции, о чем и требовал доложить Верховному Главнокомандующему ³⁾.

На поддержку Эверту и Рузскому выступил Алексеев с суровой критикой результатов Совещания в Ставке в своем докладе от 9/22 января ⁴⁾, который он в копии отправил всем главнокомандующим и Гурко.

Алексеев протестовал против того, что каждому из главнокомандующих указано выработать общий план весенней кампании, тогда как дело Верховного Командования, которому только и известна совокупность всех данных, дать общую мысль плана всей предстоящей кампании.

Задачу эту, с иронией пишет Алексеев, желает вместо Ставки решить союзная конференция в Шантильи.

¹⁾ В. Уч. Арх. Ставка, д. № 432.

²⁾ Директива 1/1 1917 г. Там же.

³⁾ 1/1 № 4478/2346/6 и 2/1 № 25/Б.

⁴⁾ №№ 25—31. Там же.

Он находил, что по существу мысль конференции о необходимости замкнуть с юга кольцо вокруг наших врагов правильна. Она, начиная с сентября 1916 года, настойчиво проводилась русским Верховным Командованием с просьбой существенно усилить союзные войска на Салоникском фронте, чтобы оттуда начать более решительные операции. Мысль эта, не встретившая тогда сочувствия союзников, в декабре ими же была положена в основу плана.

Но тогда было уже поздно говорить о разгроме Болгарии. В декабре приходилось ставить иную задачу, а именно разбить армию центральных держав, сила которой на Балканах и в Румынии достигла к тому времени 30—32 пехотных дивизий, объединенных одним командованием, единою волею и находившихся в центральном положении. Союзники наши еще ничего существенного для создания сильной Салоникской армии не сделали и современная стратегическая обстановка не могла повести к установлению главной операции именно на Балканском полуострове.

Вся тяжесть этой операции должна была лечь на нас и требовала бы исключительных напряжений за счет всех фронтов. При этом перекидка наших войск с Балкан на другие театры была почти невозможна, тогда как противник, располагающий лучшей сетью железных дорог, был свободен в выборе удара и едва ли он ограничился бы сидением на Балканах.

В виду того, что большая часть наших войск была сосредоточена в Румынии и на Юго-Западном фронте, Алексеев, во избежание излишних перевозок, которые могли открыть карты врагу, стоял за нанесение главного удара Юго-Западным фронтом, имея целью прорвать расположение противника в направлении на Львов—Мармарош Сигет.

Вспомогательный же удар для того, чтобы приковать резервы противника, а при ослаблении их произвести прорыв, нанести армиями Западного фронта. Частные удары надлежало также произвести, сообразуясь с обстановкой, силами и средствами, Северным и Румынским фронтами.

Сильное возражение со стороны Алексеева вызвала и мысль Гурко о поголовной переорганизации нашей армии.

Этот вопрос, писал Алексеев, требует очень осторожного к себе отношения. Не отрицая необходимости усилить армию, нельзя упускать из вида, что противник может начать свои операции и захватить нас в тот момент, когда почти все существующие войсковые части будут ослаблены выделением штабов, кадров, личного состава и имущества на формирование новых частей, не говоря о том, что они сами содержатся в некомплекте. К тому же вновь формируемые части будут еще неспособны к какой бы то ни было серьезной боевой работе. Особенно же неудачно было решение производить

переформирование в пределах корпусов, благодаря чему все корпуса могли быть расстроены одновременно.

О февральских коротких ударах Алексеев в своем докладе ничего не писал, но в сохранившейся в его делах записке для памяти они называются гибельными для нас, если не вызываются исключительной крайней нуждой, обусловливаемой критической где-либо обстановкой. Ставка же „опасно“ обуславливала время производства этих ударов только „переходом союзников в наступление на англо-французском фронте“. И нельзя не согласиться во всяком случае с полной безжизненностью этих ударов, если вникнуть в смысл следующей телеграммы Клембовского Брусилову ¹⁾: Для февральских коротких ударов „должны быть выбраны участки, удары с которых по свойствам местности и в зависимости от силы укреплений противника дадут полную уверенность в успехе без затраты значительных средств и без больших потерь и не будет риска, что они разовьются в большой бой“.

Откровенный и твердый голос Алексеева оказал свое действие. 24 января (6 февраля) Верховным Главнокомандующим был утвержден доклад Гурко ²⁾, согласно которому операция летом 1917 года выливалась в такую форму. Главный удар наносится Юго-Западным фронтом из района 11 и 7 армий на Львовском направлении с вспомогательными ударами в направлении на Сокаль и Мармарош Сигет. На Румынском фронте наступление производится с целью разбить находившегося перед армией противника и занять Добруджу. На Северном и Западном вспомогательные удары на участках по выбору главнокомандующих.

Что касается до коротких февральских ударов, то в действительности они были произведены только на бумаге в прениях между главнокомандующими и Ставкой. Союзники в самом деле смотрели на русскую армию, как на свои цветные контингенты, игравшие у них роль исключительно пушечного мяса. Когда в конце концов Ставка предписала главнокомандующим произвести эти удары, то союзники уведомили, что, в виду неготовности английской армии, их надо произвести в первых числах марта ³⁾. Климатические условия сделали это невозможным даже и для услужливой русской Ставки.

Вопрос о подготовке к весенней кампании 1917 года на русском фронте закончу общей характеристикой предположений наших главных союзников и состояния их армий.

На этот раз по инициативе самой Французской Главной Квартиры ⁴⁾ было установлено решение развить в 1917 году главный удар со стороны англо-бельгийско-французского

¹⁾ 20/1 № 642. Там же.

²⁾ 23/1 № 614. Там же.

³⁾ Лукомский—Алексееву 27/1 № 874. Там же.

⁴⁾ Доклад Кривенко от 8/1 1917 г. № 8. Там же.

фронта. Не было определено установлено только время начала операции.

Главнейшим стремлением держав Согласия должно было служить удержание инициативы в своих руках. Между тем, противник, мобилизовав уже все свои средства, заканчивал к февралю формирование дополнительных 13 германских дивизий и был в состоянии с этого времени приступить к попытке нового крупного контр-маневра.

Таким образом, февралем определялось начало наступательных операций при условии сохранения за нами инициативы. Но Россия и Италия в феврале выступить не могли и удар приходилось наносить франко-англо-бельгийскому фронту, находясь некоторое довольно продолжительное время в изолированном положении.

Интересно проследить соотношение сил и средств обеих сторон на этом фронте, чтобы судить о том, могли ли англо-французы начать решительную наступательную кампанию одни, не требуя со стороны русской армии коротких февральских ударов, вызвавших столько споров и разногласий. В этом отношении цитируемый документ дает очень много интересных данных.

Так, к февралю 1917 года соотношение сторон на англо-французском фронте выражалось 180 дивизиями войск Антанты против 131½ дивизий германцев, т. е. превышением первых на 48½ дивизий. По количеству батальонов это превосходство было еще более значительным, а именно 2251 батальон против 1333 немецких батальонов.

Орудий союзники имели 17.213 (из них 9642 тяжелых) против 9.900 (из них 5510 тяжелых) немецких. Относительно количества снарядов определенных данных не имеется, но документами подтверждалось большое превосходство таковых у союзников по сравнению с противником. В этом отношении интересно привести некоторые данные. На мартовской 1916 года конференции в Шантильи был показан возможный во французской армии запас легких снарядов к 1 июля в 20 милл. В действительности же Франция подала к этому сроку на фронт—к Вердену 25 милл., к Амьену 10 милл. и сохранила в запасе те же 20 милл.

Количество аэропланов у союзников равнялось 1877, а у противника 760.

В тылу фронта имелось 4 железнодорожные линии, позволявшие перемещение в суточный срок до четырех дивизий к любой точке фронта от фланга до фланга. В распоряжении одного французского фронта имелись автомобильные средства, позволявшие одновременную перевозку от любого узлового района к позициям 12 пехотных бригад в срок, соответствующий 12 километрам в час, без прекращения автомобильной транспортной службы на фронте.

Число французских дивизий, находившихся в стратегическом резерве, т. е. фактически на отдыхе, доходило до 46.

При таких противоположных условиях велась война на западе и востоке союзного фронта.

Цитированные данные были в руках Гурко во время Петроградской конференции представителей союзных армий в январе 1917 года¹⁾, но неизвестно, как он использовал эти материалы для защиты интересов русской армии и для избежания напрасного пролития русской крови. Невольно вспоминаются правдивые слова Алексеева об отношении французских союзников к нам в письме его к Жилинскому, приведенные мною в первых главах VI части Стратег. оч. войны 1914—18 г.г.

Наступивший февраль прошел в обычном зимнем затишье на фронтах, а также в обильной переписке и в спорах высшего командования и их штабов.

Наиболее жгучими вопросами служили разграничительные линии между фронтами, февральские удары, выделение тяжелой артиллерии в резерв Верховного Главнокомандующего и грозный призрак разрушения транспорта, а вместе с этим недоодевание на фронте. Впервые также перед высшим командованием открыто стал в более широком объеме вопрос об упадке духа в войсках, о противодисциплинарных эксцессах и о развитии сильной пропаганды среди солдатских масс против войны и существовавшего государственного строя. По крайней мере соответствующие предупреждения о принятии необходимых мер были впервые преподаны сверху и дошли до войсковых масс²⁾.

И, действительно, русская армия того времени представляла собой материал, пригодный для разложения.

Достаточно вспомнить три года войны, заведшей армию в тупик сплошных укрепленных полос, при чем масса пролитой крови не дала возможности выйти на простор маневренных операций; уничтоженные кадры (в полках XVIII корпуса, например, оставалось в среднем по 5 кадровых офицеров на полк, но и такие ничтожные кадры сводились, благодаря принятой реорганизации армии, в полном смысле к нулю); негодную подготовку пополнений, которая велась безо всякой связи с войсками на фронте и их командирами³⁾ и разращенный состав пополнений, благодаря длительному пребыванию их в запасных частях и малой там работы.

Если прибавить к этому недоодевание солдат, доходившее до того, что на Юго-Западном фронте им выдавали по одной

¹⁾ Очередной съезд представителей союзных главнокомандующих на этот раз происходил в Петрограде.

²⁾ Личные воспоминания.

³⁾ Осенью 1916 г. была, впрочем, налажена связь между запасными и действующими частями.

селедке в день, то станет ясно, что такая армия была тучным черноземом для быстрого развала. Для этого необходим был только небольшой толчек, который и последовал вслед за разывшейся в марте революцией.

Вопрос о разграничительных линиях наибольшее значение имел для фронтов к северу от Полесья. Северный фронт, прикрывавший пути на Петроград, включал в себя и направление Вильна—Полоцк¹⁾, обеспечиваемое I армией. Западный фронт, имевший задачей прикрывать пути на Москву и к центру России, считал, что для такой цели он должен включить в себя и пути от Вильна на Полоцк. Поэтому Эверт требовал подчинения ему стоящей на этих путях I армии или, по крайней мере, части этой армии к югу от р. Дисенки. Рузский считал в свою очередь, что без сохранения в его руках Вильна-Полоцкого направления он не может быть спокоен за свой левый фланг. Опыты же прежних операций показали, что это важное направление, находившееся на стыке двух фронтов, не обеспечивалось надлежащим образом.

Хотя мотивы, приводимые Эвертом и состоявшие в том, что, в случае прорыва противника на Полоцк, армии Западного фронта будут отброшены на Полесье, а Северный фронт сохранит путь отхода на Петроград, и признавались более существенными, но Ставка приняла компромиссное решение. Разграничительная линия между фронтами была оставлена без изменения, а для обеспечения Полоцкого направления указывалось Северному фронту иметь резерв за левым флангом I армии, а Западному за правым флангом 10 армии²⁾.

На практике это было исполнено сосредоточением Северным фронтом в резерве на Полоцком направлении одной бригады, а Западным фронтом вновь сформированной дивизии³⁾.

Другим ненормальным положением относительно разграничительных линий между фронтами являлось включение участка к югу от р. Припяти в Западный фронт, тогда как он естественно тяготел к Юго-Западному. Вопрос этот предполагалось решить передачей части 3 армии из Западного в Юго-Западный фронт.

Короткие удары продолжали служить предметом пререкания между главными действующими лицами и в феврале.

На запрос Алексеева из Севастополя о пользе таких ударов, непосредственно обращенный к главнокомандующим фронтами, были в общем получены отрицательные ответы.

Рузский находил⁴⁾, что обособленные короткие удары при силе современных укрепленных позиций и обилии мощных

¹⁾ Схема № 1-6.

²⁾ Утвержд. доклад Гурко 2/11 № 980 В. Уч. Арх., д. Ставки № 450.

³⁾ То же дело.

⁴⁾ 31,1 № 601/Б. Там же.

технических средств у противника мало достигают своей цели, если неприятель не ослабит до крайности своих сил на намеченном для удара участке. В данное же время, таким операциям не соответствовало ни время года, ни производившиеся на фронте переформирования. В частности в Рижском районе удар не сулил успеха, в виду сосредоточения там значительных неприятельских сил после нашей декабрьской операции, а в районах других армий нельзя было ожидать удачи, благодаря недостатку в них наших сил.

Эверт считал ¹⁾, что намеченный на его фронте февральский удар может принести ожидаемую от него пользу только в случае большого успеха, на который по обстановке и имеющимся средствам рассчитывать трудно. Ограниченный же успех, не получивший достаточного развития в глубину, не окажет ни малейшего влияния на ход дела на фронтах союзников, потому что противник его легко ликвидирует ближайшим частными резервами.

Так как в даваемых для удара союздах и, в особенности, в тяжелой артиллерии и снарядах Эверт был стеснен, то он не рассчитывал коротким ударом оттеснить противника за р. Вилию, без чего пользы для дела он не видел. Поэтому от намеченного удара он ожидал вред только для нас, в виде больших потерь, расхода снарядов и задержки в подготовке к весенней операции.

Брусиллов на этот раз присоединился к остальным главнокомандующим, считая короткие удары с присутствием им малым успехом невыгодными в нравственном отношении ²⁾.

Алексеев телеграфировал Гурко, что, на основании полученных им мнений главнокомандующих, он просит доложить государю, что с своей стороны считает эти удары нецелесообразными и не отвечающими обстановке ³⁾.

Короткие удары были отменены, но не по требованию Алексея, а с благословения союзников, руководство которых русскими операциями в бытность во главе Ставки Гурко положительно приняло характер верховного командования.

Через генерала Кастельно он запросил французскую главную квартиру, что ей более улыбается— начать ли общее наступление на своем фронте в начале марта и тогда русские войска поддержат союзников немедленными короткими ударами, а максимальные действия разовьют в начале мая, или же, если союзные войска начнут свои операции после 1 апреля, то русские армии перейдут к решительным действиям до 1 мая ⁴⁾.

¹⁾ 31/1 № 5350. Там же.

²⁾ 1/11 № 416. Там же.

³⁾ 5/11 № 82. Там же.

⁴⁾ Ген. Кастельно.—Воен. Мин. 7/11 № 10/С. Там же.

Союзники остановились на последнем решении, и короткие удары были отменены ¹⁾.

Покончив вопрос с февральским наступлением, фронты могли начать подготовку к решительным весенним операциям.

Напомню, что план этих операций вылился в окончательной форме в решение нанести главный удар 7 и 11 армиями Юго-Западного фронта, вспомогательный удар Западным и частный Северным фронтами.

Рузский на совещании в Ставке определенно стоял за производство своего наступления, если оно будет иметь частный характер, со стороны Рижского плацдарма. Но к февралю он изменил свое решение в пользу Двинского района. Было ли это следствием нежелания натягивать отношения со Ставкой, или как результат мало успешной операции на Митавском направлении, или следствием агентурных сведений о готовившемся наступлении немцев в Двинском направлении ²⁾—сказать трудно.

В виду того, что Северный фронт мог рассчитывать только на свои силы, Рузский решил развить активные действия исключительно на участке около 11 верст на фронте Ново-Александровское шоссе—д. Кухалишки ³⁾, имея целью овладение первой полосой укрепленной позиции противника. В дальнейшем, в случае удачи, предполагалось расширить сделанный прорыв нажимом на фланги неатакованных участков, а, если окажется возможным, то и действиями конницы в тыл противника, чем заставить его отойти с ныне занимаемых им сильно укрепленных позиций. Такими действиями Рузский рассчитывал привлечь на себя неприятельские резервы и облегчить наступательные операции наших союзников и наши на других фронтах.

Ближайшей задачей ударной группы ставилось, по предложению Главкосева, овладение полосой укреплений по линии Гринюшки на берегу оз. Медум-М. Кщавя—Кухалишки и закрепление названного рубежа за нами.

Удар предполагалось произвести под начальством командующего 5 армией Драгомирова (Абрама), в распоряжение которого сосредоточивалось 14 пехотн. дивизий. Две из них предназначались для обороны пассивного участка на правом фланге ударной группы на фронте Тенис (против остр. Глаудана)—Ново-Александровское шоссе и одна бригада для обороны левого фланга на фронте Кухалишки—д. Мялка, на берегу оз. Дрисвяты. Для нанесения же собственно удара предназначались 8¹/₂ див. и для развития его в резерве командарма 3 дивизии, а всего 11¹/₂ див. или 138 бат. при 288 лег. и 266 тяж. орудиях.

¹⁾ Гурко-Алексееву 8/11 № 30. Там же.

²⁾ Сообщен. Лукомского 11/11 № 1315 Там же.

³⁾ Схема № 3.

Русский находил необходимым, по опыту декабрьской и январьской операций, иметь для закрепления успеха за ударными еще второлинейные корпуса. Поэтому с началом операции предполагалось с Рижского района перекинуть две дивизии, а недостающий корпус второй линии требовался с другого фронта.

Мортирная и легкая артиллерия должны быть использованы при своих корпусах, а вся тяжелая распределялась между корпусами, наносящими первый удар. Наиболее же крупные калибры образовывали особую группу. Снарядов требовалось 207 тыс. тяжелых и 500 тыс. легких; авиационных аппаратов 39.

12 и 1 армии должны были по этому плану демонстрировать путем энергичных поисков и газовых атак, а также обращать особое внимание—12, на прикрытие путей к Риге и на участок Плаканен—Икскуль и 1, на обеспечение Полоцкого направления и левого фланга 5 армии¹⁾.

Эверт сохранил свое намерение атаковать на направлении Молодечно-Вильна²⁾, но сократил участок атаки до 18 верст на фронте Кунава—Чухны, имея ближайшей задачей овладение районом Сола—Жуйраны—Гражишки.

Удар должна была наносить 10 армия, в которой, при ослаблении соседних 2 и 3 армий до опасной степени, возможно было сосредоточить 28 дивизий (по 12 батальон.). Из них 12 див. для непосредственного удара, две—в армейский резерв и четыре—в резерв фронта. Из оставленных десяти дивизий этой армии шесть назначались на правифланговый 65 верстный участок от оз. Нароч до д. Шалудьки, при чем на эти силы возлагалось и нанесение вспомогательного удара на фронте Черняты—Перевозы, и четыре дивизии на левифланговый 60 верстный участок армии, сохраняя одну дивизию в армейском резерве.

Из 28 дивизий 10-й армии 7 вовсе не имело полевой артиллерии, 4 имели только по одному дивизиону, а тяжелых орудий набиралось в общей сложности 203³⁾.

Брусиллов никаких видоизменений в свои предположения не внес и просил только прибавить ему три трехдивизионные корпуса⁴⁾, которые указывал сосредоточить к 15/28 марта в Черновцы и Проскурове⁵⁾.

К 1917 году русская армия по своей численности и по снабжению ее всем необходимым достигла возможного в положении государства развития. То широкое участие, которое приняли в деле изготовления технических средств общественные организации, союзные державы и даже военное мини-

¹⁾ 22/11 № 1078, Б. Там же.

²⁾ Схема № 3.

³⁾ 23/11 № 5966, 2770 б. Там же.

⁴⁾ 15/11 № 589. Там же.

⁵⁾ 20/11 № 646. Там же.

стерство в период управления им Поливановым, помогло выйти из создавшегося при Сухомлинове тупика. Но беда нагрянула с другой стороны. Расстройство транспорта, а вместе с тем и недостаток продовольствия приняли угрожающие размеры. На Северном фронте запасов оставалось на два дня, на Западном перешли на консервы и сухарный запас, на Карпатах люди сидели на селедках, а на Румынском фронте положение было еще хуже. На Юго-Восточных дорогах прекратился всякий вывоз, вследствие неподачи подвижного состава; мельницы остановились, будучи переполнены мукой, которая не вывозилась. Из-за переполнения складов соломенной прекратился убой скота. Из-за неподвоза угля остановились многие заводы, работающие на оборону. В угольном районе шахты и железные дороги заносились снегом, так как не было рабочих для расчистки. Короче, приходилось констатировать полное расстройство транспорта ¹⁾.

Третий год тяжелой войны без видимых успехов, без надлежащей подготовки ее техническими средствами, с разрушенными кадрами, с погибшим опытным офицерским составом и с неоправдавшим в большей части своего назначения высшим командованием не мог не оказать воздействия и на всю толщу армии.

Русский считал Двинск и Ригу двумя особенно распропагандированными гнездами. Пришедший оттуда в Юго-Западный фронт VII Сиб. корпус был, согласно докладу Брусилова, совсем разложившимся. Люди отказывались идти в атаку, одного ротного командира подняли на штыки. В 3 армии произошел ряд беспорядков, кончившихся расстрелами, из-за выдачи денег вместо сахара. Вообще, армия, по словам Русского, представляла собою сборную милицию, в составе которой много элементов пользовалось первым удобным случаем для брожения и пропаганды на почве недоедания. И этот столь либеральный в кадетских кругах после свержения монархии главнокомандующий требовал введения на заводах контр-разведывательных отделений ²⁾. Боеспособной армия оставалась только там, где еще сохранилась вера в начальника и спайка командного состава с солдатской массой.

Отголоски настроений и событий внутри страны доходили до офицерского состава и не оставались без последствий ни на его мировоззрение, ни на его душевное настроение.

На фронте чувствовался какой-то душевный гнет, какое-то затишье перед бурей, апатия и безразличие, так часто предшествующие катастрофе.

Катастрофа и разразилась в первых числах марта.

¹⁾ Лукомский Алексею 9/II № 1234. Там же.

²⁾ Прот. совещ. в Ставке 17—18/XII—1916 г. Там же, д. № 701.

ГЛАВА II.

Революция. Реформы Гучкова. Разложение армии. Действия в марте и потеря Червищенского плацдарма. Опасения за Петроград. Колебание относительно плана действий.

В последний день февраля старого стиля на позициях было получено официальное для сведения корпусных командиров извещение о революции в Петрограде и о временном занятии столицы революционерами; потом в течение последующих дней шли с быстротой молнии известия о предполагаемом отречении царствовавшего императора, о состоявшемся его отречении в пользу сына, об отказе от престола от имени и этого последнего и о передаче его брату, вел. кн. Михаилу Александровичу, и, наконец, и об отказе этого последнего¹⁾.

Таким образом, революция в первой своей части в борьбе против монархии прошла на фронте бескровно и очень быстро, вылившись при этом в форму наиболее благоприятную отказа царствовавшей династии от своих прав и освобождения армии от данной присяги.

Вопрос безболезненно переходил в плоскость исключительно борьбы за новое строительство жизни народа, т. е. фактически к борьбе политических партий. Под этим знаком борьбы партий и прошел весь остальной период войны до Октябрьского переворота, когда вопрос о войне стал на единственную практическую точку зрения немедленного выхода из состава борющихся держав.

Фактически участие России в войне надо считать законченным в марте 1917 г., когда выяснилось со стороны Временного Правительства и в частности со стороны объединившего в своих руках посты военного, морского министров и большинство функций Верховного Главнокомандующего Гучкова, полное непонимание сути военного дела, соединенное к тому же с большим самомнением и решительностью.

Короткое, но чреватое печальными для армии последствиями управление Гучкова вооруженными силами России

¹⁾ В дальнейшем мне придется невольно затрагивать политическую сторону событий. Во избежание недоразумений и упреков в одностороннем осуждении предупреждаю, что я буду касаться политической стороны исключительно с точки зрения влияния на ход военных операций и на боеспособность армии того времени.

выразилось тремя актами, несомненно оказавшими влияние на дальнейший ход боевых операций.

Первое, в чем Гучков проявил особую энергию, состояло в молниеносном увольнении и смещении до 60% лиц высшего командного состава действующей армии, названных им поименно ¹⁾. При этом было уволено из числа главнокомандующих фронтами и командующих армиями 6, да, кроме того, двое сами отказались от работы с Гучковым на фронте (Каледин и Лечицкий), итого 8; начальников штабов фронтов и армий 5, корпусных командиров 35 (из всего числа корпусов около 70), не говоря уже о начальниках дивизии и проч. Вторым актом было столь же быстрое переустройство всего внутреннего уклада жизни войск и устройство его на совершенно неприемлемых по самой сути военного дела основаниях ²⁾.

Обе эти меры, хотя по существу в известных рамках необходимые, должны были проводиться в жизнь весьма осторожно, опытной и ответственной за ход боевых операций рукой. Удаление же командного состава сделано было, судя, по крайней мере, по документам, сохранившимся в архиве кабинета военного министра, единолично Гучковым, под влиянием его личных симпатий и того кружка быстро меняющих свой политический облик искателей приключений, которые с начала марта потянулись к дому военного министра „искать счастья“.

Что касается до перемены оснований воинского уклада, не затрагивающего личных симпатий и антипатий нового военного министра, то здесь, можно полагать, Гучков стал невольной игрушкой сложившейся обстановки. ³⁾

„Прошу верить, писал Гучков Алексею уже 9/22 марта ⁴⁾, что Временное Правительство не располагает какой-либо реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, которые допускает Совет Рабочих и Солдатских депутатов... В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным отдавать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета“ ⁵⁾.

Результатом указанных мероприятий явился развал армий, прогрессирующий с угрожающей быстротой ⁶⁾.

¹⁾ Его письмо к Алексею 19/III № 36. Дела каб. в. мин. № 43. Центрархив.

²⁾ Я не привожу этих мер, потому, что это привело бы к перечислению всех мероприятий Гучкова. Несомненно, что многие из них принесли бы пользу, если бы были проведены с большей последовательностью и умением.

³⁾ Изложенное на этих страницах является результатом личных впечатлений автора, проверенных детальным изучением Архива кабинета военного министра времен Гучкова и Керенского.

⁴⁾ № 33 В. Уч. Арх. д. Ставки № 450.

⁵⁾ Это интересное письмо помещено в Приложении № 3.

⁶⁾ „То, что мы с уверенностью предполагали, пишет Людендорф (Мемуары, стр. 343), случилось; русская революция ослабила босую силу армии“.

Третий вопрос, разрешенный в бытность Гучкова военным министром, касался выбора Верховного Главнокомандующего. Назначенный на этот пост бывшим императором вел. кн. Николай Николаевич был смещен Временным Правительством, не доехав до Ставки. Исполнение его должности было возложено на начальника штаба Алексеева. Временное Правительство в принципе остановилось на утверждении его в этой должности. Гучков же перенес решение вопроса в плоскость баллотировки кандидатуры Алексеева главнокомандующими фронтами и армиями, при чем в баллотировке участвовали и те шесть лиц этого состава, которых Гучков приказал уже отчислить за негодностью от занимаемых ими должностей ¹⁾.

С этой стороны отзыв об Алексееве в общем был благоприятен.

Но против назначения Алексеева восстал председатель Государственной Думы и ее Временный Комитет. В своем заседании 19 марта Комитет постановил, что прежняя боевая деятельность Алексеева и его отношение к вопросам внутренней политики делают неотложным освобождение его от должности Верховного Главнокомандующего. По мнению председателя Думы, единым генералом, совмещавшим в себе блестящие стратегические дарования, широкое понимание политических задач России и способность быстро оценивать создавшееся положение, являлся Брусилов. Но, несмотря на такую лестную оценку председателя Государственной Думы и ее Комитета, выбор Временного Правительства остановился на Алексееве.

Новый Верховный Главнокомандующий вошел к военному министру с докладом о состоянии армии, который в большей своей части приводится мною в подлиннике.

„События последних дней, писал Алексеев ²⁾, резко изменили картину и стратегическую обстановку. Балтийский флот является в данное время не боеспособным и трудно рассчитывать на восстановление его к началу плавания. Из Петрограда в армию распускаются по всем направлениям агитаторы, призывающие к неповиновению начальству, взывающие к солдатам об установлении выборного начала на офицерских и командных должностях; производятся аресты офицеров и начальствующих лиц, чем подрывается их авторитет. Разложение тыла армий идет быстрым темпом и в некоторых местах волна разложения уже докатывается до окопов.

„При таких условиях возможно, что близок тот страшный час, когда отдельные части армий станут совершенно негодными к бою. Упадок духа, замеченный в офицерском составе,

¹⁾ Вся переписка о назначении Алексеева пол ецена в Приложении № 4.
²⁾ 9 III № 2091 В. Уч. Арх., д. Ставки № 450.

как следствие недоверия и травли, не обещает победы, особенно принимая во внимание, что исключительно на офицерском составе всякой и особенно нашей армии зиждется ее сила.

„Последние сведения, которые поступают со всех сторон, указывают, что германцы сосредоточивают против Северного фронта значительные продовольственные и огнестрельные припасы и начинают здесь усиление своих войск. Все это указывает на то, что они готовят возможность и исполнимость быстрого и сильного удара в направлении на Петроград.

„В связи с развалом в данную минуту Балтийского флота и с опасением, что такой же развал при существующих условиях начнется и в сухопутных армиях, нет никакой надежды, что мы успешно и уверенно, как раньше, будем сдерживать волну германского нашествия. Германцы, оперируя на суше и одновременно действуя на Балтийском море с производством десанта в Финляндии и на южном побережье Финского залива, могут заставить нас совершенно очистить направление на Петроград и в июне месяце могут при удаче достигнуть столицы.

„Потеря же столицы, в которой сосредоточено главнейшее производство боевых припасов, знаменует собой наше поражение, конец войны, кровопролитное междусобие и ярмо Германии Для спасения создавшегося положения и закрепления того, что произошло, является безусловно необходимым успокоить армию, сделать ее боеспособной, вернуть доверие солдата к офицеру, прекратить травлю и унижение офицера и в кратчайший срок привести в порядок расстроившийся Балтийский флот. В этом направлении необходимо принятие неотложных и решительных мер, не медля ни одного дня, так как в противном случае с гибелью армии гибнет и Россия. Петроград в опасности, а с ним в опасности и вся Россия и германское ярмо близко, если только мы будем потакать Совету рабочих депутатов и идти дальше по пути разложения армии, вместо энергичного водворения дисциплины не только в войсках, но и в народных массах“.

Вслед за этим докладом Алексеев 12/25 марта обратился к Гучкову с новым письмом¹⁾ в ответ на приведенное выше письмо этого последнего. В нем он говорил о том, что весну мы встречаем в некомплекте, с расстроеными обозами, с уменьшенным, благодаря новым формированиям, количеством артиллерии на 1000 бойцов и имея едва 8 пулеметов на полк и то без соответствующего обоза.

Относительно союзников, писал Алексеев, мы приняли уже соответственные обязательства и теперь дело сводилось

¹⁾ № 2188,792. Там же.

к тому, чтобы отсрочить их или совсем уклониться с меньшей потерей нашего достоинства. Им пришлось уже сообщить, что вследствие организационных работ и расстройств транспорта мы можем начать активные действия не раньше 1 мая. Но Алексеев приходил к тому заключению, что и этого нового обязательства мы выполнить не можем и что русским армиям придется в ближайшие 4 месяца сидеть спокойно, не предпринимая решительной широкого масштаба операции. Но на войне приходится считаться не только со своими желаниями, но и с волей противника, что Алексеев и рекомендовал Гучкову иметь в виду, несмотря на „реальные условия современной обстановки“¹⁾.

„Воля“ противника в это время была еще против наступления на нас. Людендорф пишет в своих мемуарах (стр. 343), что общее положение на немецком фронте до июня было таково, что им не следовало добиваться на русском фронте больших боевых столкновений. Особенно же главное немецкое командование опасалось, что преждевременная атака может задержать разложение русской армии. Надо было, по выражению Людендорфа, выждать время, чтобы это разложение пустило более глубокие корни.

А между тем союзники определенно решили начать свою операцию на Западном фронте 8 апреля нов. ст. и требовали нашего условленного содействия. Так как, по заявлению Гучкова, наши армии в лучшем случае могли получить пополнения не ранее 3—4 месяцев, до истечения которых неприятель сам мог нас атаковать, то Алексеев признал необходимым внести изменение в план действий, установленный для армий Европейского фронта.

Он предполагал перейти до июня—июля к строго оборонительному плану действий в стратегическом смысле, т. е. к отказу от атаки противника и к принятию армиями фронтов такого распределения сил, которое обеспечивало бы устойчивость положения и возможность сосредоточения надлежащих сил в точке удара противника даже при серьезных размерах его операций. Содействие же англо-французскому наступлению могло бы выразиться в ряде демонстративных действий и в передвижении крупных войсковых частей преимущественно по грунтовым дорогам.

На Кавказском же фронте мы должны были продолжать развивать начатые там действия²⁾.

Но к концу марта Алексеев уже переменял свой взгляд на необходимость обороны. Перемену эту следует приписать мнению большинства главнокомандующих о предпочтитель-

¹⁾ Алексеев подчеркнул фразу письма Гучкова.

²⁾ Директива 12/III № 2216. Там же.

ности наступления и неудачному оборонительному бою за Червищенский плацдарм.

Из главнокомандующих только Рузский приходил к определенному заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне. Свое мнение Рузский основывал на том, что внутренние события отозвались на армиях его фронта „весьма болезненно“, а также на расстройстве продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов и на ненадежности укомплектований.

Зато Гурко, заменивший Эверта на посту главнокомандующего Западным фронтом, и Брусилов стояли за решительные наступательные действия. Оба высказали ту мысль, что если не откроем их мы, то это сделает противник тогда, когда ему будет удобно. Отказ от содействия нашим союзникам, поставя их в трудное положение, не избавит и нас от необходимости втянуться в упорные, но длительные бои, но тогда, когда в свою очередь мы не будем в состоянии рассчитывать на помощь наших союзников в случае их частной или общей неудачи.

Расстройство армии и ее снабжения окажет свое вредное влияние несколько не в меньшей степени при обороне, чем при активной операции, но результаты неуспешной обороны и неудачного наступления не одинаковы. В первом случае последствия могут быть роковыми для всего последующего периода войны; при наступлении же, даже в худшем случае, начатые нами удары замрут без последствий и обе стороны останутся в прежнем взаимном положении. И, наконец, чем скорее мы втянем наши войска в боевую работу, тем скорее они отвлекутся от политических увлечений.

Изложив мнения старших начальников в армии, Алексеев высказывал и свой взгляд.

Учитывая наше крайне тяжелое положение в отношении продовольственном, транспорта, металла, „недобросовестного поведения рабочих Петроградского района“¹⁾ и принимая во внимание кризис, переживаемый армией, он тем не менее считал, что обречь себя на оборону до июня—июля мы не имеем права.

Наш стратегический фронт, растянутый на 1650 верст, не мог иметь везде сильные резервы. Противник всегда будет иметь возможность собрать более сильную ударную группу и достигнуть успеха ранее, чем мы соберем надлежащие силы для обороны, пользуясь нашей слабо развитой и совершенно неприспособленной даже к интендантским перевозкам железнодорожной сетью.

¹⁾ Автор затрудняется объяснить смысл этой непонятной для него фразы Алексеева.

Можно сказать, писал Алексеев, что чем слабее устойчивость войск, тем желательнее предпринять с ними активные действия. Первоначальный успех может вызвать воодушевление, подъем духа, что, в связи со сбором сил в точке удара, может обеспечить широкий успех и парализовать предприятия неприятеля на других фронтах.

Это последнее Алексеев считал особенно важным, в виду слухов о том, что противник намерен предпринять операцию на Петроград. Рузский только при одних таких еще совершенно неопределенных слухах уже настойчиво требовал о высылке на Северный фронт новых четырех корпусов, желая свое превосходство на этом фронте над противником увеличить с двух раз до трех.

Такую страховку Петрограда Алексеев считал гораздо более выгодным произвести не пассивным увеличением Северного фронта, что поведет к равномерной растяжке наших войск на остальных участках, а сильным ударом там, где по свойствам противника легче обеспечить себе успех. Отсюда Алексеев делал вывод, что, как ни тяжело наше положение, но нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и настойчивым желанием союзников ¹⁾).

А между тем представители центральных управлений военного министерства нарисовали в Ставке следующую неприятную картину ²⁾).

Интендантских запасов в стране для полного продовольствия армии было недостаточно не только для образования на фронтах запасов, но и на ежесуточную потребность. Приходилось или сокращать число едоков, или уменьшать суточную дачу.

Производство снарядов крупных калибров, патронов, ружей и орудий значительно понизится вследствие недостатка угля, металла, расстройству транспорта и переживаемых событий. Формирование артиллерийских частей сильно задержится.

Укомплектование людьми подавать на фронт в ближайшие месяцы в потребном числе нельзя, так как во всех запасных частях происходили брожения.

Укомплектование лошадьми задержано, так как по условиям транспорта и необходимости не ослаблять полевые работы все реквизиции лошадей прекращены.

Благодаря расстройству железнодорожного транспорта, не было возможности одновременно подавать на фронт и ежесуточное довольствие, и припасы для образования запасов. Невозможно было также одновременно делать оперативные перевозки и подвозить к армии все необходимое.

¹⁾ 30/III—№ 2637. Приложение № 5.

²⁾ Записка Лукомского 20/III В. Уч. Арх., д. Ставки № 450.

Балтийский флот потерял всякую боеспособность и не был никакой надежды на скорое приведение его в порядок. Минная оборона Балтийского моря будет к весне совершенно не налажена.

В рядах армии продолжался упадок духа среди офицеров, брожение в войсках и значительное дезертирство.

Такова была безотрадная картина вооруженных сил страны и ее боевых средств, с которыми обновленный Гучковым высший командный состав должен был перейти в решительное наступление с впервые развевающимися знаменами мертворожденного Временного Правительства.

В то время, как Россия переживала внутренний кризис, повлекший за собой развал армии, центральные державы находились на краю полного истощения и невозможности продолжать войну. Действительность, с которой мы знакомимся в настоящее время по той картине положения Германии, которую дают Гинденбург и Людендорф, на много превосходит все наши предположения, бывшие во время войны.

Германия выкачала из своей страны все, что мог дать народ. Все возрасты от 17 до 45 лет уже стали под знамена, а требование Верховным Командованием всенародного ополчения от 15 до 60-летнего возраста встретило протест правительства. Немцы с огромным напряжением и ценою ослабления своих кадров и запасов пополнений создали к весне новых 13 дивизий, которые следовало считать последним усилением их армии. Но эта мера существенно не изменила соотношения сил, и Антанта превосходила центральные державы в отношении численности армий приблизительно на 40%.

Промышленность в Германии испытывала такое жестокое потрясение, что в период наибольшей военной опасности Верховное Командование принуждено было вернуть частной промышленности несколько заводов и выделить из строя на заводы 125 тысяч квалифицированных рабочих. И все же Германия даже при таком полном напряжении не могла состязаться с противниками в отношении производства военных материалов. „Положение было невероятно трудно и почти безвыходно“, пишет Людендорф¹⁾.

„Нечего было больше думать о наступлении. Надо было сохранить резервы для обороны... Голодная блокада, организованная нашими врагами, бросила нас не только в физические страдания, но и в моральное отчаяние“...

Положение Австрии было еще хуже и она серьезно мечтала выйти из войны, официально заявив, что австрийская армия дольше, чем до зимы, драться не может.

С другой стороны, положение Антанты улучшалось об'явлением Северо-Американскими Штатами 10/23 марта войны

¹⁾ Ludendorff: „Meine Kriegserinnerungen“.

Германии. Все последствия этого события должны были полной тяжестью лечь на весы военного счастья только в 1918 году, но первые американские дивизии начали прибывать на театр военных действий уже с июня 1917 года, а главное,—Антанта получила сразу большой приток материальных средств.

Тем временем на фронте продолжалось зимнее затишье, иногда прерываемое на разных участках оживленной деятельностью артиллерии, обстрелами химическими снарядами, газовыми и минными атаками, поисками разведчиков и борьбой за передовые пункты с целью улучшить положение своих частей¹⁾.

Но примерно через две недели после начала в России революции противник усилил свою активную деятельность первоначально для того, чтобы выяснить, какое впечатление произвела революция на стойкость наших войск, а потом с целью мирной пропаганды.

Так 13/26 марта²⁾ неприятель произвел довольно сильный натиск к юго-востоку от Барановичи на р. Шаре и после целого дня боя отеснил на участке Александровской ж. д.—Лабузы части IX корпуса на восточный берег реки. Наши контр-атаки с целью восстановить положение были отбиты. Т. 149 с. 13

15/28 марта была попытка противника к наступлению в 7 армии на фронте XII корпуса у д. Ямницы, но атака его отбита нашими войсками. На следующий день была такая же попытка и с теми же результатами в районе Мартыновки, на Огинском канале близ р. Ясельды.

17/30 марта частное наступление было обнаружено на фронте 10 армии, а на следующий день на фронте 2 армии. Наконец, 20 марта (2 апреля) были сильные натиски противника в Двинском районе, по обе стороны Поневежской жел. дор., и в 10 армии, к югу от м. Крево.

Все изложенное являлось как бы прелюдией к той катастрофе, которая вслед за этим разразилась на Червищенском плацдарме, принесла нам большие потери и не могла не отразиться в дурную сторону на моральном состоянии русской армии, только что начавшей переживать внутренний душевный разлад.

История потери Червищенского плацдарма является интересной не только в смысле исследования значения плацдармов и их отрицательных сторон, но и в смысле рутинного

¹⁾ Ежедневные донесения. В.Уч. Арх. дела Ставки.

²⁾ Схема № 1-6.

иногда отношения лиц высшего командного состава к тем задачам, которые они ставили войскам¹⁾.

О Червищенском плацдарме беспокоились все, начиная от начальника штаба Верховного Главнокомандующего, не говоря уже о заботливом Эверте, суетливом Леше (Командарм 3) и командире III корпуса (Янушевский), попечению которого он был вручен. Целые комиссии приезжали делать осмотр этого плацдарма и, не смотря на всю заботливость, на нем все-таки разразилась мартовская катастрофа.

Появление Червищенского плацдарма относится к июлю—августу 1916 года, когда 3 армия совместно с 8 наступала к Стоходу и застыла на этой реке, встретив сильное сопротивление немцев. При этом в некоторых местах наши части успели переправиться на левый берег реки и укрепиться там.

Одним из таких участков и был район д. Рудка—Червище²⁾, где наши войска переправились через реку и укрепились между д.д. Ст. Червище—Геленин, заняв участок в 8 в. по фронту и около 3 в. в глубину.

В августе, когда операция под Ковелем была изъята из Юго-Западного фронта и передана Эверту, он решил нанести между прочим сильный удар на Камень - Каширский и для этой цели направление от Червище было самым кратчайшим. Левобережный плацдарм решено было для этого здесь расширить и усилить. Однако расширить его не удалось и такая попытка привела к неудачному для нас бою у Червище в последних числах августа ст. стилия. Атака на Камень-Каширский была отменена и дальнейшие действия на Стоходе были, как известно, перенесены в более южное направление, но Червищенский плацдарм продолжал существовать, не смотря на то, что всякие активные операции на этом направлении впредь и не предполагались.

А между тем в течении всего описываемого периода главнокомандующий фронтом и командующий армией неустанно ставили III корпусу определенную задачу упорно оборонять Червищенский плацдарм. Почему и на каких основаниях маневренно важный только в течении нескольких дней августа пункт обратился в руках высшего командования в пункт абсолютно важный и на всю кампанию—определить трудно. Леш объяснял это желанием удерживать перед фронтом возможно больше немецких войск.

Между тем с февраля немцы начали сосредоточивать против Червищенского плацдарма свои войска, а пленные стали

¹⁾ Меня могут законно упрекнуть, что, описывая подробно Червищенскую катастрофу, я не выдерживаю программы всего труда. Наши архивы не дают нам пока возможности приступить к описанию тактических действий войск, а потому, рискуя нарушить план всей работы, я и помещаю в нее несколько тактических эпизодов, представляющих особый интерес.

²⁾ Схема № 4.

определенно указывать на их намерение атаковать его в то время, когда находящаяся в тылу река разольется.

Ставка интересовалась, каковы в этом случае намерения командующего 3 армией и принимаются ли меры для противодействия возможным попыткам противника получить здесь легкой успех¹⁾. Леш ответил на это полным успокоением, считая положение плацдарма прочным и обеспеченным от легкого успеха немцев²⁾.

В конце февраля у Леша начинала уже проглядывать некоторая тревога за плацдарм, вызванная приказом отправить отсюда в артиллерийский резерв 32 тяж. дивизион. На всем фронте армии оставалось только два тяжелых дивизиона и Леш доносил, что при таких условиях и, в особенности, при вскрытии р. Стохода, удержание в своих руках плацдарма становится крайне ненадежным³⁾.

Ставка начала принимать меры к увеличению артиллерии⁴⁾, но никому не пришла мысль подумать о том, для какой же собственно практической цели служило нам удержание плацдарма и не было ли более правильным его очистить.

Оказывается, что и здесь злую роль сыграли намечаемые февральские удары. На фронте 3 армии таковой должен был быть произведенным именно со стороны Червищенского плацдарма⁵⁾.

Наконец 16(29) марта в штабе фронта стали опасаться за положение плацдарма и появилась мысль о необходимости его очистить. Главкоюз запрашивал заключения командарма 3 „о необходимости и возможности удержания этого плацдарма“⁶⁾, на что Леш отвечал, что „оставить плацдарм теперь, после стольких работ, крайне нежелательно; он все же привлекает на себя неприятельские силы“⁷⁾.

Таким образом, существование плацдарма, по крайней мере на ближайшие дни, было решено в положительную сторону, не смотря на то, что командир корпуса считал его совершенно непригодным, как исходное положение для наступления крупных сил⁸⁾.

Червищенский плацдарм⁹⁾ представлял собой полосу земли на левом берегу р. Стохода между д. Тобола и Геленин, длиною по фронту около 8 верст и в глубину около 3-х. Местность ровная, совершенно открытая, спускавшаяся поло-

¹⁾ 22/II № 1639 В.-Уч. Арх., д. Ставки № 450.

²⁾ 23/II № 815. Там же.

³⁾ 28/II № 886. Там же.

⁴⁾ Лукомск. пол. Ген. Инсп. Арт. 28/II № 1834. Там же.

⁵⁾ Показ. Наштакор. 3. Там же д. № 798.

⁶⁾ 16/III № 6628. Там же.

⁷⁾ 19/III № 1273. Там же.

⁸⁾ 17/III № 243а. Там же, д. № 797.

⁹⁾ Схема № 5.

гими скатами как в долину Стохода, так и на запад в болотистые леса, которые на всем протяжении фронта подходили почти вплотную к нашим окопам первой линии. Грунт большей частью был торфяной. В тылу плацдарма простиралась открытая болотистая долина Стохода, шириной от 1 до 1½ версты с многочисленными рукавами и протоками, весной сплошь заливавшаяся водой. Через долину имелось 12 пешеходных и 2 колесных моста, из которых ко дню боя остался в целости только один колесный и 2—3 пешеходных моста, а остальные были или снесены, или залиты быстро подымавшейся водой. Оставшиеся переправы все время держались под сосредоточенным огнем неприятельской артиллерии.

В инженерном отношении плацдарм был оборудован четырьмя линиями окопов, из которых крайняя западная должна была служить, вследствие малой глубины плацдарма, главной линией обороны. В связи со многими узлами обороны и многочисленными ходами сообщения вся площадь представляла сплошной лабиринт окопных работ, которые до крайности затрудняли маневрирование. Большинство окопов было насыпано из торфа и они осыпались от одного только сотрясения воздуха при разрыве тяжелых снарядов. Прочных бетонированных укрытий не существовало и самые важные постройки были покрыты 2—4 рядами бревен, не выдерживавших огня тяжелой артиллерии. Связь была устроена только надземная, порядком указанным инструкциями, без принятия в соображение тех особых условий, в которых находился плацдарм.

Оборона данного участка левого берега Стохода была возложена на III корпус в составе частей 27, 73 пех. и 5 стр. дивизий с 3 морт. и 32 тяжел. арт. дивизионами и 7 и 8 штурмовыми батареями. Участок правого берега реки к северу от Червищенского плацдарма оборонялся IV конным корпусом, а к югу от него до р. Черевахи прикомандированной к III корпусу бригадой казаков из состава IV конного корпуса с приданными ей двумя ротами стрелков из корпусного резерва и дивизионом 27 арт. бригады.

В частности 73 и 5 стр. дивизии были расположены на левом берегу реки следующим образом¹⁾:

Участок 73 дивизии. На правом фланге от Стохода, верстах в 2-х севернее д. Нов. Червище четыре роты 107 полка, имея остальные на правом берегу реки. В районе д. Тобола три батальона 108 полка и южнее до стыка с 5 стр. дивизией 3¾ батальона 292 полка; в дивизионном резерве, в укрепленном редюите всего дивизионного участка шесть рот 290 полка, один батальон которого находился на правом берегу реки в корпусном резерве.

¹⁾ Схема № 5.

Участок 5 стр. дивизии. В районе к западу от д. Рудка Червище и примыкая к участку 73 див. три батальона 19 стр. полка, из которых один в дивизионном резерве в редюите, к югу от д. Рудка Червище; далее к югу 18 стр. полк, имея два бат. в первой линии и один бат. в полковом и дивизионном резервах. На участке этого полка находилось 4 траншейных орудия. На крайнем левом фланге, упираясь в Стоход, стоял 17 стрелк. полк с одним траншейным орудием, имея три роты в дивизионном резерве. В корпусном резерве на правом берегу Стохода 20 стр. полк.

Всего на плацдарме было сосредоточено $17\frac{1}{4}$ батал. и на правом берегу реки остальные части корпуса, всего $12\frac{3}{4}$ бат.

Вся артиллерия корпуса, кроме пяти траншейных орудий, занимала позиции на правом берегу реки.

Согласно боевого расписания всего для участия в борьбе за плацдарм имелось 81 лег. ор., 6 пол. мор. и 17 тяж. ор., которые были расположены так: 2 тяж. и 4 легк. бат. (24 легк. и 9 тяж. ор.) к северу от д. Нов. Червище, одна легк. бат. (6 легк. ор.) к югу от этой деревни, три легкие и одна тяжелая (18 легк. ор. и 4 тяж. ор.) к югу от дороги из Рудка Червище в д. Грива; три легких и одна тяжелая (15 легк. и 4 т. ор.) за стыком 17 и 18 стр. полков и три легких и одна мортирная (18 л. ор. и 6 п. м.) против участка Геленин—Боровые.

Таким образом, артиллерия была сосредоточена в трех группах, более могучих на флангах, для действия перекрестным и фланговым огнем, и исключительно легкая в центре против мостов. Дальность расположения батарей от неприятельских окопов не превышала 5 верст, а в центральных батареях $3\frac{1}{2}$ —4 вер.

Артиллерийские наблюдатели были расположены на левом берегу реки вблизи пехотных окопов; связь с ними надземными телефонами, сигнализацией флагами и ракетами.

Со стороны противника против Червищенского плацдарма действовали Баварская кавал. дивизия от Стохода до д. Ст. Червище, 1-я ландв. див. от этой последней до Геленина и 9 австр. кавал. дивизия далее на юг.

В начале марта были сюда подвезены еще войска, количество которых для штаба III корпуса оставалось неопределенным.

В ночь с 20 на 21 марта (2—3 апреля) вода в Стоходе неожиданно и очень быстро поднялась, снеся и затопив не только большую часть мостов, но и низменные части окопов.

С четырех часов утра 21 марта (3 апреля) неприятель начал обстреливать пункты расположения штабов и резервов на правом берегу; с 6 час. он перенес свой огонь на переправы и резерв 5 стр. дивизии у Рудка-Червище, а также на все батареи правого берега. К 7 часам огонь достиг наи-

большого напряжения, распространившись и на передовые окопы 18, 19 и 292 полков, а потом и 107 полка, при этом противник стрелял и химическими снарядами. Торфяные окопы рассыпались и на участке 107 полка в них хлынула вода, совершенно отрезав правофланговые роты этого полка. Остальные роты впоследствии отошли через переправу № 8.

Направленные из корпусного резерва с правого берега реки в 7 $\frac{1}{2}$ час. два батальона подошли к переправам только около 15 час., когда на той стороне реки уже стояли немцы. В 8 $\frac{1}{2}$ час. телефонная связь штаба 73 дивизии с левым берегом реки прекратилась.

На фронте 5 стр. дивизии сильный обстрел окопов противником начался в 9 час. химическими снарядами, одновременно с огнем тяжелой и легкой артиллерии вдоль окопов. Но более сильный огонь был направлен на 18 стр. полк. В 9 час. на фронте 19 полка немцы пустили дымовую завесу. Соседние части 292 полка начали отходить во 2-ю линию окопов. Было предположено, что в этом случае они займут уступное положение по отношению к стрелкам, а резерв 73 див. атакует во фланг прорвавшегося противника.

Но немцы решили произвести прорыв на фронте 18 стр. полка, по которому после 11 час. они открыли самый сильный огонь, продолжая таковой и по батареям, по штабам полков и наблюдательным пунктам, которые сносились один за другим. Здесь, кроме артиллерии, на узком фронте одного полка действовало не менее 20—25 неприятельских бомбометов.

Между 13 и 14 часами немцы произвели демонстративную атаку 107 полка, легко нами отбитую, и ворвались в окопы 18 полка, быстро распространяясь в тыл 19 и 17 полков.

Что сделалось с 17-м полком остается неизвестным. „Живой или мертвый, говорит расследование этого печального события, он в полном составе остался в руках немцев“.

Вся связь к этому времени между штабами, батареями и батальонами порвалась, каждая часть действовала отдельно. Рудка-Червище оказалась уже занятой противником и только остаткам некоторых батальонов удалось переправиться на правый берег реки по сохранившемуся, но сильно обстреливаемому мосту № 8.

Что же за все это время делала русская артиллерия правого берега реки. Батареи, поддерживавшие участок 73 дивизии, дольше сохранили связь с войсками и своим огнем помогли отбить здесь демонстративную атаку, но действовать против участка 5 стр. дивизии они по дальности не могли. На этом же участке артиллерия с самого начала боя потеряла связь со своими наблюдателями. Ни одна из неприятельских батарей не оказалась пристреленной, благодаря неисправности воздушных аппаратов. Бронированного телефон-

ного кабеля не было и провода рвались от сотрясения воздуха. Сигнализация флагами в дымовой и пыльной завесе от разрывов не была заметна. Подаваемые с фронта для открытия огня сигналы ракетами не были, в виду их бледности и кратковременности горения, заметны, хотя были отлично видны немецкие сигнальные ракеты с ярким продолжительным горением.

При таких условиях батареи участка 5 стр. дивизии были предоставлены самим себе и действовали на удачу по собственным соображениям. Они открыли заградительный огонь перед фронтом 18 и 19 стр. полков в то время, когда неприятель сосредоточил сюда всю силу своего огня, но, в виду телефонного указания командира корпуса не стрелять шрапнелью по окопам, прекратили этот огонь как раз в ту минуту, когда противник кинулся густыми цепями на плацдарм.

Таким образом, здесь артиллерия не оказала существенной помощи своей пехоте.

К вечеру бой прекратился, выведя у нас из строя более 12 тыс. человек, преимущественно без вести пропавшими. Наша оборона сосредоточилась на правом берегу реки.

Людендорф пишет в своих мемуарах, что он был удивлен количеству захваченных пленных. Но успех этот не соответствовал политическим намерениям германского правительства и, как свидетельствует Людендорф, его приказано было не развивать.

Неудача на Червищенском плацдарме произвела большое впечатление и на войска, и на высшее командование. Она повлекла за собой удаление от должностей всех руководителей операции и производство, по приказанию Гучкова, подробного расследования¹⁾.

„Причина неудачи, по мнению одного из участников этой операции²⁾, та же, что имела место и при оставлении других плацдармов, а именно смешение понятий „плацдарм“ и „передовая позиция“. Между тем понятия эти диаметрально противоположны и только при исключительных обстоятельствах внешние признаки плацдарма и передовой позиции могут так совпасть, что внутренне значение их может потерять силу. В данном случае, таких обстоятельств не было, а потому сносный плацдарм оказался никуда негодной позицией... Червищенский плацдарм немцы взяли потому, что он не мог по естественным своим свойствам быть позицией и не мог быть обращен в таковую имевшимися в распоряжении корпуса искусственными средствами“.

¹⁾ Дела Ставки №№ 797, 798, 796, 450, 452.

²⁾ Показ. нач. шт. III к-са Егорьева. Там-же, д. № 798.

Вслед за начавшейся революцией, высшее командование, как Ставки, так и, в особенности, Северного фронта начало опасаться, что немцы постараются использовать естественный развал русской армии и предпримут операцию против Петрограда. Поэтому началось усиление Северного фронта войсками с Западного и Юго-Западного фронтов, что являлось необходимым также и в виду выяснившегося „окончательного развала Балтийского флота“, как это определяла Ставка.

Таким образом, 9(22) марта было сделано распоряжение о перекидке двух отдельных дивизий с дивизионом артиллерии каждая, из района Молодечено в район Вольмар — Рига ¹⁾ и двух корпусов из Проскурова и Тарнополя в район Двинска ²⁾. В свою очередь и Северный фронт делал у себя перегруппировку, сосредоточивая войска в Двинский район, откуда летом намечалось производство удара.

При этом сосредоточении впервые пришлось встретиться с новой приходившей данной. Переброска 4 особой дивизии из Риги в Двинск была задержана на две недели, чтобы она не была сочтена, как мера противодействия в отношении происходивших в Двинске волнений ³⁾.

А между тем немцы, в ожидании большого наступления на англо-французском фронте, сосредоточили там главное свое внимание, силы и средства, оставив на русском фронте после начала нашей революции только едва достаточное для обороны число войск.

27 марта (2 апреля) англо-французы начали свой комбинированный против немцев удар от Арраса и Реймса, обещавший решительные результаты. Этот удар потребовал от немцев огромного напряжения, больших потерь и почти полного расхода резервов и запасов.

Битва народов, которая должна была решить их судьбы, протекала с огромными жертвами, нося по истине истребительный характер. Но вскоре в ходе этой грандиозной борьбы, наступило какое то затишье и равновесие. Введение в дело всех немецких резервов и их систематические и упорные контр-атаки приостановили движение союзников.

Большой тактический успех союзников, вызвавшийся во взятии сильных позиций противника, был несомненен, но стратегическое положение сторон не изменилось.

Несогласованность операций Западного и Восточного Европейских фронтов давала свои горькие плоды. „Я не могу не подумать, пишет Людендорф в своих воспоминаниях, что было бы, если бы Россия наступала бы в апреле и мае и одержала ряд небольших успехов. Нам предстояла бы тогда,

¹⁾ 9/III № 2923. Там же, д. № 450.

²⁾ 15/III № 2259. Там же.

³⁾ Рузский в Ставку 9/III № 1379/Б. Там же.

как и осенью 1915 года, очень тяжелая борьба. Наши боевые припасы уменьшились бы в угрожающей степени. По зрелом размышлении нас спасла только русская революция».

Некоторое отступление армий центральных держав на французском фронте очень беспокоило Рузского. Он боялся, что немцы, сократив фронт против англо-французов, смогут вывести вместе с внутренними формированиями до 40 дивизий для маневра.

„Нельзя отрицать, писал Рузский¹⁾, что оценка событий, происходящих внутри нашей родины, может подвинуть их на развитие наступлений против нас. Военный министр на совещании в Пскове выяснил, что состояние флота в отношении его боеспособности и минных средств внушает опасения, почему правый фланг армий Северного фронта, а также подступы к Петрограду являются не обеспеченными“. Поэтому Рузский просил вновь пересмотреть намеченный на весеннюю операцию план действий, в целях усиления войск на Северном фронте. Он рекомендовал передать сюда одно из управлений армий с юга и возложить на эту армию оборону Рижского и Финского побережий, включив в нее и всю Финляндию. Кроме того он требовал переброски к себе на фронт еще четырех корпусов.

Кроме того Рузский еще раз подымал излюбленный им вопрос о переброске на Северный и отчасти на Западный фронты максимума сил, чтобы при благоприятной обстановке перенести центр наших наступательных действий на фронт Рига—Двинск—Молодечно.

На эти предложения Алексеев ответил длинной телеграммой²⁾. „Считаю, писал он, что имеющиеся в вашем распоряжении 505 батал. до 420 тыс. штыков должны быть способны не только удерживать стоящего против вас неприятеля, не превосходящего пока 250 батал., 200 тыс. штыков, но оказать и сопротивление десанту... Обстановка и намерения противника еще не определились и войска Юго-Западного фронта являются резервом для Румынского фронта. Сила обязательств перед союзниками может потребовать от нас содействия итальянцам при обстановке, несколько схожей с весенней обстановкой 1916 года. Остаюсь при убеждении, что при существующей обстановке и соотношении сил создание обороны Петрограда может быть достигнуто соответственным изменением расположения ваших сил. Опыты предшествовавшего времени указывают, что рассчитывать на широкий успех атаки войсками Северного фронта нельзя; продвижение же на несколько верст вперед на том или другом участке общего стратегического положения нашего не улучшит, почему вно-

¹⁾ 14/III № 1465/Б. Там же.

²⁾ 16/III № 2285. Там же.

сильное коренное изменение в план наших действий нет оснований».

Слагавшаяся обстановка на Балтийском морском театре и мощность ледяного покрова вызывали опасения и в отношении обороны Моонзундской укрепленной позиции, а в частности острова Эзель, о предполагаемом захвате которого немцами разведка давала указания.

Район Моонзундской позиции оборонялся тремя полками 107 пех. дивизии, четырьмя легкими батареями, четырьмя ездящими пулеметными командами, Аренбургским пограничным конным дивизионом, одной тяжелой батареей и саперной ротой, всего 9 батал., 54 пулем., 24 легк., 4 тяж. ор., 4 сот. и одна саперная рота.

Этот отряд считался при сложившихся условиях недостаточным и Алексеев согласился усилить его направлением туда из Ревеля 118 пех. див., 428 пех. полка и трех легких вылазочных батарей, а также увеличить там количество огнестрельных припасов. Кроме того приказано было подтянуть, в виде резерва к Пернову, бригаду 135 пех. дивизии, находившуюся на побережье между Ригой и Перновым.

При этом условия гарнизона Моонзундской позиции должны были иметь: на остр. Эзеле—5 полк. пехоты, 36 легк. и 4 тяж. ор., 3 сот. и 1 сап. р.; на остр. Даго—1 п. пех., 6 легк. ор. и 1 сот. и в резерве на материке 2 пол. пехоты. Таких сил, по мнению морских властей, ведавших обороной этой позиции, было достаточно для ее удержания¹⁾.

Беспокойство руководителей наших операций на севере все более увеличивалось и шло с разных сторон. Слухи и агентурные сведения беспокоили Рузского, который не без основания ожидал натиска немцев именно на Петроградском направлении и беспокоился о поведении Балтийского флота, который в свою очередь боялся, что сухопутные войска отойдут от побережья и откроют Ревель, оперативную базу флота.

Опасения Рузского выразились в следующей телеграмме его начальника штаба в Ставку²⁾: „Ваш вывод о том, что в силу сложившейся обстановки выполнение флотом Балтийского моря поставленных ему задач грозит самыми тяжелыми условиями и что раньше середины лета восстановление боевой готовности флота не представляется возможным, выдвигает в еще более острой форме вопрос о пересмотре стратегических задач наших фронтов, с целью найти средства для усиления правого фланга Северного фронта и подступов к Петрограду. Нельзя ограничиться констатированием факта, а необходимы соответствующие и своевременные решения.

¹⁾ Докл. вр. и. д. верх. гл. без номера и числа.

²⁾ 27/III № 1704. Там же.

Обстановка возможного недалекого будущего слишком ответственна и требует энергичных мероприятий⁴. В ряду таких, на первом месте ставилась заблаговременная переброска сил в район угрожаемого побережья.

Моряки особенно заботились об обеспечении Ревеля сухопутным гарнизоном, что вызвало грустную заметку Алексеева — „откуда же я его теперь возьму?“¹⁾. Тем, о чем заботился Гучков, я утруждать читателя не буду и ограничусь только приведением резолюции Алексеева — „какая цель писания таких писем с выдержками из прописей?“²⁾.

Складывавшаяся обстановка заставляла подумать и о Финляндии, которая пока наблюдалась весьма незначительными силами, но в случае борьбы на этом фронте туда требовалось много войск.

В Финляндии был расположен XLII корпус из двух пех. дивизий и кавбригады. Артиллерийская оборона побережья состояла из 423 орудий с неподвижной установкой устаревших систем 1867 и 77 годов. Скорострельных орудий было всего восемь. Инженерная подготовка состояла из трех линий позиций, далеко не законченных еще своей постройкой³⁾.

1) По линии Нурмо—Таммерфорс-Инго, имеющая целью задержать высадившегося на материке противника и не допустить его вторгнуться в центральную озерную часть Финляндии; она состояла из отдельных небольших позиций между озерами и имела пассивный характер. Для занятия этой позиции необходимо было 4 корпуса. 2) По линии Ионсу—Нейшлот—Вильманstrand—Финский залив, где она связывалась с морской позицией у Ловен-саари; позиция носила активный характер и требовала 8 корпусов. И 3) тыловая позиция у Выборга на 4 корпуса. Наибольшую готовность имела первая позиция⁴⁾.

Чтобы окончательно охарактеризовать обстановку, в которой приходилось действовать новому Верховному Главнокомандующему, упомяну о состоявшемся распоряжении Временного правительства совместно с Исполнительным Комитетом Рабочих и Солдатских Депутатов о сокращении пайка на фронте до 2 фунтов и дачи фуража до 8—6 ф. овса при 5 ф. сена⁵⁾; о полном разложении армии, выразившемся в нежелании целых частей исполнять боевые приказы⁶⁾, и о начавшемся на фронте братании с немцами⁷⁾.

¹⁾ Письмо Гучкова 27/III № 6034/283. Там же.

²⁾ Письмо Гучкова 27/III № 6036/285. Там же.

³⁾ Схема № 1а.

⁴⁾ Доклад Клембовского—Алексееву 27/III без номера. Там же.

⁵⁾ Прик. Алексеева 20/III № 2719. Там же. Мера эта была вызвана полным расстройством транспорта и народного хозяйства.

⁶⁾ Выше упомянутый доклад Клембовского. Там же.

⁷⁾ Указания Ставки без числа, но перед Пасхой. Там же.

Все это вместе взятое, казалось бы, давало необходимость умам пытливым подумать о том, по какому же пути вести Россию дальше... Продолжать ли выполнение наших обязательств по отношению к союзникам, которые много от нас требовали, но мало нам давали, или же честно выйти из боя для того, чтобы все силы приложить к новому строительству народа русского.

Достаточно приведенных коротких фактов, чтобы понять, что страна в самый разгар революции, принявшей уже классовый оттенок, являлась страной больной, неспособной к участию в больших задачах международного характера.

Ни Временное правительство в целом, ни Гучков ¹⁾ с Керенским, ни, наконец, избранные им специалисты, не могли, естественно, выполнить трудной задачи восстановления боеспособности армии. Для этого надо было ждать людей с твердой волей, с истинным пониманием всего смысла военного ремесла и не садящихся между двумя стульями, которые и появились много месяцев позднее... Такая армия не могла считаться подходящим орудием для ведения международной войны и исполнения принятых перед союзниками обязательств...

Правительству и Верховному Командованию предстояло стать на тот или другой путь. Оно избрало первый, как это видно из нижеприводимой директивы Алексеева ²⁾.

„Из донесений главнокомандующих, писал Алексеев, на сделанный запрос, какое влияние могут оказать переживаемые ныне государством события и известное расстройство в вопросе снабжений армий на характер наших военных решений на предстоящую весеннюю и летнюю кампании, видно, что большинство полагает, что нет причин для внесения изменений в основную идею уже принятого плана... Сохранение идеи наступательных действий тем более желательно, что производимое противником сокращение своего Западного фронта может предоставить в его распоряжение значительные резервы и возможность при посредстве их произвести наступление против нас, чтобы использовать предполагаемое внутреннее расстройство, как армии, так и государства“.

„Союзники наши начали 27 марта решительные действия против немцев на Западном фронте. Учитывая настоящую обстановку и наши обязательства перед союзниками, принимая во внимание общее состояние армии и ее снабжений, я решил сохранить общую идею плана и при благоприятных условиях, по возможности, в первых числах мая произвести ряд наступательных действий“.

¹⁾ „Военный министр и его сотрудники живут не фактами, а иллюзиями“ помечил Алексеев на одном из писем Гучкова. (От 13/IV № 52333 там же).
²⁾ 30/III № 2647. Там же.

„Если противник предупредит нас, то на замышляемые им удары, по мере их выяснения, особенно же против Северного фронта с угрозой столице, ответить или общим переходом в наступление всеми фронтами, или, сообразуясь с обстановкой, ударом двух фронтов там, где наши приготовления будут более закончены...“.

„1) При выполнении задач главнокомандующим рассчитывать на те силы, которыми они располагают в данную минуту.

„2) На усиление Северного фронта назначаю к перевозке с Кавказа десять батальонов и 5 Кавказ. каз. дивизию с ее артиллерией. Войсками этими предпочтительнее усилить XLII корпус“.

„3) До выяснения обстановки и для обеспечения возможности быстрого усиления особо угрожаемых неприятелем направлений числить в резерве главноверха: на Северном фронте один армейский корпус, на Западном два корпуса, на Юго-Западном три корпуса и на Румынском один корпус...“.

„4) Северному фронту предоставляется ныне использовать войска, назначаемые в резерв Главноверха для обороны побережья севернее Риги...“.

„5) Главные для удара направления назначаются примерно для Юго-Зап. фронта прежние, для Западного на Вильно и для Северного, если обстоятельства позволят ему перейти в наступление, на Митаву“.

„6) Кавказскому фронту организовать наступательные действия, сообразуясь с продовольственными средствами, чтобы шире использовать успехи англичан в Месопотамии и сохранить протяжение своего стратегического фронта“.

„7) Черноморский флот должен быть готовым оказать полное содействие возможным операциям Румфронта на нижнем Дунае и в Добрудже“.

„8) Возлагаю на особую заботливость и ответственность командующего Балтийским Флотом скорейшее восстановление боеспособности этого флота“.

Далее следовали распоряжения о подчинении Балтийского флота и морских крепостей Северному фронту и установление разграничительных линий, более соответствующих задачам фронтов. При этом район южнее р. Дисенки был передан от Северного Западному фронту, а весь район южнее Припяти отошел к Юго-Западному фронту.

9 (22) апреля для усиления Северного фронта, в виду все продолжавшегося беспокойства за Петроград, был назначен к перевозке с Юго-Западного фронта I армейский корпус, что положило начало изменению только что отданной директивы ¹⁾. Две дивизии этого корпуса располагались в районе

¹⁾ Тел. Алексеева 9, IV № 2 (путевой) там же.

Тапс—Вейсенштейн, третья в районе Нарва—Иеве ¹⁾). Кроме того прибывающие сюда дивизии с Западного фронта располагались 132-я в районе Велены и 112 в районе Ст. Режица ²⁾).

Вышеприведенная директива Алексеева вызвала, как и надо было ожидать, большой обмен мнений между ним и главнокомандующими.

Рузский все сильнее и сильнее опасался за Петроградское направление. Ему удалось уже заставить Алексеева усилить его фронт более, чем предполагалось. Но для Рузского это было мало и он нашел возможность, правда совершенно в легальной форме, довести свое несогласие с Алексеевым до ведома Гучкова ³⁾).

„С болью в сердце“, ответил на это Верховный Главнокомандующий ⁴⁾), передано Северному фронту лишних против предназначенных пять дивизий, как средство для прикрытия северных направлений на Петроград и для нравственного успокоения за столицу. В распоряжении Рузского находились, по мнению Алексеева, столь значительные силы по сравнению с силами противника, что говорить о трудности усилить оборону Моонзундских островов не приходилось ⁵⁾).

Алексеев считал наиболее угрожаемым Рижский район, так как только там атака с сухого пути могла быть соединена с производством десанта. Самостоятельная же десантная операция для угрозы Петрограду требовала, по мнению Верховного Главнокомандующего, столь больших средств, которых, судя по выхватыванию отдельных дивизий с нашего фронта для переброски на французский, у противника не имелось.

Но Рузский не согласился с Алексеевым в отношении направления главного удара из Рижского района на Митаву, считая более выгодным удар в направлении на Эккау в связи с активным выступлением со стороны Иксюльских предместных укреплений. В таком духе им и указана была задача 12 армии ⁶⁾).

Гурко, заменивший Эверта на посту главнокомандующего Западным фронтом, не возражая против директивы по существу, указывал только, что ослабление его фронта в пользу Северного заставляет уменьшить его операцию 10 армией на Виленском направлении до таких размеров, что подымается вопрос не выгоднее ли совсем от нее отказаться. Собранными же на Виленском направлении средствами усилить

¹⁾ Схема № 1а.

²⁾ Тел. Данилова 10/IV № 2001/Б. Там же.

³⁾ Рузский—Гучкову 5/IV № 1898/Б. Там же.

⁴⁾ 14/IV № 3018. Там же.

⁵⁾ По данным 1/14 апрел. Сев. фр. имел 530 бат. против 249 неприятельских.

⁶⁾ Его письмо к Алексееву 19/IV № 2142/Б. Там же.

мощность удара, намечаемого на другом месте нашего Европейского фронта ¹⁾.

В свою очередь Алексеев возражал против равномерной разброски войск Юго-Западного фронта. Он еще раз высказывал особое пожелание о сосредоточении возможно больших сил к избранному участку удара.

Соотношение сил наших и противника на этом фронте в числе пехотных дивизий выражалось таким образом: Особая армия имела 21 против 21 неприятельских, 11 армия—23 против 11, 7 армия—28 против 14 и 8 армия 12 против 7 неприятельских. Итого против наших 84 дивизий противник имел 53 с тенденцией уменьшать это число путем переброски на французский фронт. „Ради полного напряжения своих сил, писал Алексеев, в районе важнейшего удара, мы могли бы оставить на фронте примерно 55—57 дивизий и собрать для атаки и развития успеха, не считая войск первой линии, от 27 до 29 дивизий, увеличив резерв и создав вторую линию дивизий, примерно в районе Тарнополя, откуда и двинуть их в пункт, где удастся прорыв“ ²⁾.

Брусилов в ответ на это ссылаясь на опыт майского прорыва 1916 года и отстаивал прежнюю точку зрения. Свою телеграмму Брусилов неожиданно кончал докладом „по долгу службы и совести“, что ожидать от предстоявшей операции больших результатов при сложившихся на фронте условиях нельзя ³⁾. Очевидно, что за месяц развала армии оптимистическое настроение и этого наиболее по своему поведению приемлемого для солдатских масс того времени главнокомандующего стало сильно понижаться.

В развитие приведенной директивы Алексеева на Северном фронте было обращено особое внимание на оборону побережья. Для этого сформировали новую армию, во главе которой было поставлено управление 1 армии, переброшенное от Двинска в Валк. Составлявшие же раньше 1 армию войска отчасти отошли вместе с новой разграничительной линией к Западному фронту, отчасти же были включены в состав 5 армии.

В новую 1 армию были включены: 1 арм. корп., в составе 22, 24 и 161 пех. дивизии, XXXVII арм. корп. из 120 пех. дивизии, 508 оп. друж., 19-го мортирного дивизиона и сборных, в большинстве ополченских, конных сотен и инженерных частей, 121 и 135 пех. дивизии, 3 и 4 группы позиционных батарей, 4 Донск. каз. дивизии, сап., телегр. рот и прочих специальных частей.

¹⁾ 19/IV № 7432/3033 б. Там же.

²⁾ 17/IV № 23 (пут.). Там же.

³⁾ 24/IV № 1613. Там же.

На армию возлагалось обеспечение побережья Балтийского моря от высадок противника, как в районе Рижского залива от Петерскапелле ¹⁾ до района Балтийского флота, так и в районе Финского залива; в случае же высадки противника преградить его продвижение вглубь нашей территории ²⁾.

Командующий армией возложил оборону Финского залива на I корпус, расположив его на фронте Тапс—Катеринен—Иеве; одну дивизию этого корпуса командарм удержал в своем резерве. Оборона Рижского залива от Войсте (граница с участком Балтийского флота) до Петерскапелле была возложена на XXXVII корпус, в состав которого вошли и дивизии 121 и 135. Большая часть этого корпуса сосредоточивалась на фронте Пернов—Квеленштейн и выделяла бригаду в резерв. 4 Донск. каз. див., составляя также резерв командарма, располагалась на крайнем левом фланге, у Лемзала ³⁾. Такое распределение войск „для обороны“ против несуществовавшего еще противника вызвало справедливую и резкую критику со стороны Алексева ⁴⁾.

На Западном фронте задачи 2 и 10 армиям не были изменены и только, в виду перемены разграничительных линий, управление 3 армии было переброшено с юга на север, на Полоцкое направление. Новой 3 армии, в состав которой вошли из 10 армии XX и XXXV корпуса и части Северного фронта, передаваемые с новым разграничительным участком, указывалась задача прикрывать Полоцкое направление и обеспечивать пути на Москву через Витебск—Смоленск ⁵⁾.

Юго-Западный фронт никаких новых, интересных в стратегическом отношении, распоряжений не отдал.

¹⁾ Схема № 1а.

²⁾ Дир. Рузского 5/IV № 1899/8.

³⁾ Пож. по 1 арм. 19/IV № 4596. Там же.

⁴⁾ 30/IV № 3350. Там же.

⁵⁾ Дирек. 31/III № 7024. Там же, д. № 476.

ГЛАВА III.

Усиливающийся развал армии. Предположения о наступлении Северного фронта. Замена Алексеева Брусиловым. Наступление Юго-Западного фронта. Действия на Северном и Западном фронтах. Отступление Юго-Западного фронта.

А между тем, внутри страны борьба за армию продолжалась.

„Я рассчитывал, писал Алексей Гучкову 28 апреля (11 мая)¹⁾, что к середине мая тяжкая духовная болезнь, охватившая армию, ослабнет настолько, что мы будем способны начать атаку, а первый успех поднимет угасший воинский дух войск.

„Я рассчитывал на наиболее прочные корпуса, которые своим первым порывом и примером оздоровят больной организм армии и вернут всех солдат к сознанию необходимости исполнить честно свой долг перед отечеством“. Но через два месяца революции не только иллюзии Алексеева начали рассеиваться, но вера в победное будущее начала оставлять и Брусилова, этого первого революционного генерала, который более отзывчиво, чем кто-либо другой, отнесся к гучково-керенскому переустройству армии.

„Внутреннее состояние войск“, доносил он Алексею²⁾, „под влиянием непрекращающейся германской пропаганды и пагубного внесения политики в части, значительно ухудшилось и, не смотря на все принимаемые строевым начальством меры, грозит развалом их“.

Алексеев, приводя этот отзыв в своем письме к Гучкову, указывал также на отсутствие прилива укомплектований из запасных батальонов, на увольнение, совершенно неожиданное для Ставки, из рядов войск людей 40-летнего возраста, что окончательно ослабило строй, на ухудшение подвоза продовольствия и фуража и требовал принятия неотложных мер для приведения армии в порядок. „Мы сделаем все от нас зависящее, кончал он, чтобы выполнить наступление, но общее состояние солдатской массы может разбить нашу волю и искренние желания“.

¹⁾ № 3288 В. Уч. Арх., д. Ставки № 453.

²⁾ От 24/IV. Там же.

Обращение Алексеева было в пустую, так как 30 апреля (13 мая) Гучков сдал столь бесславно занимаемый им пост военного министра.

На следующий день, 1 (14) мая в Ставке под председательством Алексеева произошло „историческое“ совещание главнокомандующих, принципиальным вопросом на котором было рассмотрение того значения, которое может иметь для армии ожидаемое об'явление „декларации прав солдата“.

Отношение всех главнокомандующих к этому акту было почти одинаково отрицательное. Но на совещании были поставлены и другие вопросы, сводившиеся в общем к тому, что же делать дальше. Обмен в этом отношении мнений номинальных руководителей русской вооруженной силы имеет такое историческое значение, что обойти его молчанием нельзя, и протокол совещания помещается мною в полном виде в приложении ¹⁾.

В результате совещания главнокомандующие решили ехать в Петроград, чтобы открыть своим коллективным выступлением перед Временным Правительством и Советом Солдатских и Рабочих Депутатов глаза на развал армии и во имя спасения родины просить его прекратить.

Опубликование декларации прав солдата как будто бы грозило даже выходом в отставку большей части „кабинета“ главнокомандующих.

4 (17) мая состоялось в Петрограде выступление коллектива военно-начальников перед представителями обоих правительств, но оно никакой пользы не принесло.

Декларация прав была об'явлена; главнокомандующие раз'ехались по своим штабам и только Алексеев вскоре был заменен, по приказу нового военного министра Керенского, Брусиловым.

В первой половине мая старого стиля немцы прекратили переброску своих сил с нашего Западного фронта, что дало Алексееву повод опасаться нанесения ими частного удара примерно на фронте Сморгонь—Крево—Листопады ²⁾. Было обращено на это внимание Гурко ³⁾.

Из Парижа сообщались сведения о намерении противника, приостановив в течение мая наступление англо-французов, немедленно предпринять атаку Риги с суши и с моря. Но Алексеев, „продолжая считать наиболее чувствительной точкой Северного фронта Рижский район“, предполагал, что при преследовании наших сил 12 и 1 армии (всего 274 бат. против

¹⁾ Приложение № 6.

²⁾ Схема № 16.

³⁾ 13/V № 3645. Там же.

99 бат. противника), немцам был не по средствам могучий удар на Ригу, совместно с крупной операцией с моря.

Все еще веря в идею общего наступления, Алексеев боялся, чтобы избыток сил на севере не пропал бы бесплодно при предстоявшей общей наступательной операции. Поэтому он указал Северному фронту собрать в районе Полоцка сильный резерв в 4—5 дивизий за счет 12 и 1 армий.

Перемещение войск предполагалось совершить походным порядком как в целях демонстративных, так и в целях оздоровления войск, на которые бездействие влияло вредно. „Пусть лучше теперь проявятся возможные случаи неповиновения, как печальный результат разращения армии всеми новшествами, чем тогда, когда наружно все придут к мысли о необходимости наступления, а внутреннее состояние части войск останется ненадежным“—так кончал Алексеев свою директиву¹⁾.

Новый главнокомандующий Северным фронтом Драгомиров считал, в отличие от Рузского, нежелательным удар в Рижском направлении и находил, что наибольший успех может быть достигнут на Двинско-Ковенском направлении при совместной атаке с Западным фронтом. Поэтому он предполагал приступить к соответствующей перегруппировке войск фронта, если будет отменено сосредоточение у Полоцка 4—5 дивизий в резерв Верховного Главнокомандующего²⁾.

„Приветствую надежду главкосева на вероятность выполнения подчиненными ему войсками наступательной операции“, отвечал Алексеев, отменяя сосредоточение резервной группы у Полоцка³⁾ и давая для предстоящего наступления следующую директиву:

Атаки Северного и Западного фронтов должны быть согласованы по времени и поставлены в связь с ударом Юго-Западного фронта, почему общие указания о времени последуют от Ставки.

Нанесение главного удара на участке к северу от р. Припяти возлагалось на Запфронт, который должен был произвести его на наиболее важном и опасном для противника направлении. Удару Севфронта придавалось значение серьезной вспомогательной атаки, которая при благоприятных условиях могла получить широкое развитие.

Запфронт усиливался на счет Северного 112 и 132 пех. дивизиями и 203 артил. бригадой, а этот последний должен был произвести усиление ударной группы за счет 1 и 12 армий.

¹⁾ От 13/V № 3646. Там же.

²⁾ 16/V № 2544/Б. Там же.

³⁾ 29/V № 3767.

Ставка рассчитывала приступить к активным операциям около 20 июня (2 июля)¹⁾, ставя этот срок, главным образом, в зависимости от оздоровления армии.

Это было последнее оперативное распоряжение Алексева на должности Верховного Главнокомандующего... Следующий шаг по углублению развала армии в виде декларации прав солдата требовал новых лиц—Гучкова сменил Керенский, а Алексева Брусилов.

Наступательный порыв главнокомандующего Северным фронтом быстро стал проходить. Уже 27 мая (9 июня) он доносил новому Главковерху, „что на Северном фронте переход в наступление раньше конца июня или начала июля будет невозможен. Для этого потребуются произвести довольно сложную переброску войск, восстановить инженерную подготовку, пополнить ряды, обеспечить подвоз продовольствия и дать время упрочить нравственное состояние войск и развить наступательный порыв, пока еще весьма слабо выраженный“²⁾.

• Тем не менее Брусилов назначил начальным днем предначеченных наступательных операций 10 (23) июня для Юго-Западного фронта и 15 (28) июня для остальных³⁾.

При этом было признано необходимым усилить Юго-Западный фронт из состава Румынского еще одним армейским (XLV) и одним конным (V) корпусами.

Но уже 2 (15) июня Брусилов телеграфировал Керенскому:⁴⁾

„На Северном фронте впечатление пестрое, на Западном тоже, но несколько лучше. Предполагаю атаковать на Юго-Западном фронте 12 (25) июня. Раньше невозможно. В общем считаю, что есть шансы на успех, размер которого теперь невозможно определить. Сообразно назначенным числам легко распределить ваши раз'езды“.

В армию вводился новый элемент духовной подготовки, в виде революционного экстаза Керенского... Фронт намеченных ударов обратился в фронт сплошных митингов в присутствии военного министра Керенского, места которых усердно и точно отмечались на разведывательных картах германского генерального штаба. Для того, чтобы Керенский успел объехать все ударные корпуса, наступление Юго-Западного фронта было отложено на 4 дня⁵⁾. Могучее влияние морального воздействия на войска обратилось в руках Керенского в средство более вредное, чем полезное.

¹⁾ 21/V № 3814. Там же.

²⁾ № 2702/Б. Там же.

³⁾ 27/V № 3910. Там же.

⁴⁾ № К 5576/238 б.

⁵⁾ Телегр. Ставки 12/VI № 4193. Там же.

Новый главнокомандующий Юго-Западным фронтом, Гутор, отдал свою директиву для наступления 3 (16) июня¹⁾.

Армиям фронта была поставлена задача разбить противника, противостоящего на путях ко Львову²⁾.

Во исполнение этого приказывалось: Особой армии не допустить короткими ударами переброску находившихся против нее сил на Львовское направление. 11 армии прорвать позицию противника на фронте Пресовце—Бышки и развивать успех в северном и северо-западном направлениях, имея ближайшей задачей овладение Золочевским районом и дальнейшее развитие действий на Глиняны. 7 армии прорвать позицию противника на фронте Куропатники—Топелиха, имея ближайшей задачей овладение районом Бжежаны и дальнейшее развитие действий на Бобрку. 8 армии нанести, прикрывая операцию со стороны Карпат, удар на своем правом фланге с целью проникновения в долину р. Ломницы и дальнейшего развития успеха на Калуш и Болехов.

В резерве фронта оставались 1 гв. корпус в районе Езерна, II гв. корпус—в районе Бурканув и подходившие с Румынского фронта XLV арм. корп. в районе Тарнополя и V кав. корп. у Чорткова.

Особая армия решила возложенную на нее задачу выполнить рядом демонстраций на Ковельском и Владимиро-Вольнском направлениях со стороны левобережных плацдармов Стохода в районе Величка и Киселина³⁾.

11 армия правофланговыми корпусами (1 Турк., V арм., VII кон., XXXII арм.) должна была упорной обороной обеспечивать наступление левофланговых корпусов. V Сиб. корп., удерживая свой участок к северу от д. Звижень⁴⁾, должен был прорвать позицию противника к югу от этой деревни.

XVII корпусу указывалось, прочно удерживаясь на фронте Гарбузов—Грабковце, атаковать противника совместно с правым флангом XLIX корпуса и овладеть участком позиции Грабковце—Пресовце. XLIX к-с должен был атаковать своим правым флангом совместно с XVII и левым флангом в направлении на Годов в тесной связи с VI корпусом. Этому же последнему указывалось сделать прорыв на участке Конохи—Бышки. В резерве армии оставалось 1¹/₂ дивизии и в армейском районе у Езерна был расположен I гв. корпус фронтового резерва⁵⁾.

Таким образом директива выливалась в производство главного удара в четырех разных пунктах на фронте Граб-

¹⁾ № 2277. Там же, д. № 390.

²⁾ Схема № 6.

³⁾ Директива от 14/VI № 09210. Там же, д. № 454.

⁴⁾ Схема № 7.

⁵⁾ Директива от 5/VI № 159. Там же, д. № 329.

ковце—Бышки (около 20 вер.) частями трех корпусов при наличии семи пех. корпусов.

Атаку было приказано начать 18 июня (1 июля) в 9 час., при чем „инициатива штурма“ была командармом передана в руки командира VI корпуса и левого фланга XLIX ¹⁾.

7-ая армия отдала свои распоряжения директивой 8 (21 июня ²⁾), согласно которой правофланговым корпусам армии (XLI, VII Сиб. XXXIV и XXII) ставилось ближайшей задачей выход на линию Жуков—Бжежаны—Адамувка—Мечищув ³⁾, а левофланговым (III Кав. и XXXIII) упорно удерживать занимаемые позиции.

Между ударными корпусами задачи были распределены таким образом: XLI корпусу овладеть участком неприятельской позиции Шибалин—Посухов и далее развить энергичное наступление для овладения переправами через р. Золотая Липа; VII Сиб. корп., прорвав неприятельскую позицию, выйти на линию Адамувка—Ольховец; XXXIV—на линию Ольховец—ст. Мечищув и XXII, овладев высотами, перед его фронтом находившимися, также направить главный удар на север, к ст. Мечищув. III Кавк. корпус должен был овладеть высотой, перед его правым флангом находившейся, и в дальнейшем обеспечивать XXII корпус от возможных контр-атак противника слева ⁴⁾.

Командующий 8 армией Корнилов решил выполнить возложенную на него задачу прикрытия операции Юго-Западного фронта со стороны Карпат и нанесения удара на его правом фланге с целью проникновения в долину р. Ломницы и дальнейшего развития успеха на Калуш и Болехов следующим образом: ⁵⁾.

XII корпусу, в составе 6 дивизий (1 Заамурской, 19, 117, 11, 164 и 56), прорвать позицию противника между железной дорогой Станиславов—Галич и деревней Пацикув ⁶⁾ включительно и в дальнейшем развивать успех в общем направлении на Калуш. Первоначальной задачей корпусу ставился выход на линию селений Иелзуполь—Сельце—Ценжув—Павелче—Рыбно—Посеч—Стебник.

XVI корпусу приказывалось выдвинуться для содействия атаки XII корпуса за день раньше передовыми частями к шоссе Лаховце—Росульна и в район Яблонка—Пороги. Здесь прочно укрепиться и подготовиться к атаке противника у Богрувки.

На корпуса, расположенные на Карпатах (XI, XXIII и XVIII), возлагались демонстративные задачи.

¹⁾ 17/VI № 3087. Там же.

²⁾ № 107533 Там же, д. № 487.

³⁾ Схема № 7.

⁴⁾ Дир. 14/VI № 107677. Там же.

⁵⁾ Схема № 8. Пацикув между Посеч и Лисец Ст.

Армейский резерв сосредоточивался: 2 полка 79 пех. див. у Усцерики, 7 кав. див. в районе Делятыня, 3 Кавк. каз. див. в районе Надворной и Кавказская туземная див. в районе Тлумача ¹⁾).

8 армия должна была начать атаку на несколько дней позже атаки остальных армий фронта.

16 (29) июня на полях Юго-Западного фронта на тех же местах, где год тому назад захлебнулся прорыв 1916 года, вновь началась более грандиозная по своим размерам и по количеству введенной в дело тяжелой артиллерии подготовка нового прорыва.

Бывают люди, сочетания и целые организмы, которым судьба как бы навязывает большую историческую роль, но она же, злая, не наделяет их теми качествами, которые необходимы для надлежащего использования благоприятно подготовленной обстановки.

Юго-Западному фронту, этому второстепенному в стратегическом отношении театру военных действий России, судьба два года подряд давала возможность сыграть решающую роль в жизни русского народа. И если в 1916 году в армии ощущался недостаток тяжелой артиллерии, если главный здесь руководитель операций, Брусилов, был стеснен и связывавшей его Ставкой, и навязанным ему командным составом ²⁾ и не подготовленной в политическом отношении армией, то в 1917 году обстановка была совершенно иная.

Брусилов был Верховным Главнокомандующим, с полной мощью стратегического творчества; недавно возведенный на этот пост он, как главнокомандующий Юго-Западным фронтом, сам подготовлял операцию этого фронта. Старый командный состав был смнен и армии фронта вели в бой уже новые командиры, избранные Брусиловым..... Многие из них протестовали против вводимых в армию новых основ, но протесты эти относятся преимущественно ко времени Керенского, когда развал армии пустил уже свои корни, но не ко времени Гучкова, когда именно и культивировалась почва для грядущего развала. Но и эти словесные протесты, при существовании Поливановской комиссии ³⁾, авторитетной в глазах правительства и проводившей в жизнь все проекты переустройства армии, могли ли правящей партией приниматься за действительный протест? Полупротест, оканчивающийся иногда служебным повышением, невольно мог считаться, как нечто второстепенное.

¹⁾ Директива 11/VI № 190 Там же, д. № 489.

²⁾ См. Стратегич. очерк войны 1914—18 г. ч. 5.

³⁾ А. А. Поливанов — военный министр 1915—16 г., связанный близкими отношениями с Гучковым, был назначен этим последним Председателем Комиссии по переустройству армии. (Прим. ред.)

Летнее наступление 1917 г. прошло в общем под знаком митингов, уговоров и полного в этом отношении единения между Керенским и ведущими в бой командирами с частым прикрытием командиров комиссарами и комитетами ¹⁾.

18 июня (1 июля) 11 и 7 армии начали свою атаку. Особая армия приступила к указанным ей демонстрациям, которые, не оказывая никакого влияния на ход военных действий, продолжались в течение всей операции. 8 армия должна была начать свою атаку 25 июня (7 июля).

11 армия имела в первые два дня некоторый успех. XLIX корпус овладел д. Коржилув, а XVII д. Пресовце ²⁾. На следующий день армии была поставлена задача прочно удерживаться левым флангом на линии Конюхи—Бышки и развить прорыв в общем направлении на Жабин ³⁾. В дело вводится и 1 гв. корпус (из резерва фронта), которому приказано было овладеть Жабинскими высотами.

7 армия также имела в первый день боя обычный для начала прорыва успех на фронте Шибалин—Посухов, но встреченное сильное сопротивление противника, а потом и ряд контр-атак приостановил дальнейшее продвижение и даже заставил наши войска на правом фланге у Шибалина отойти в исходное положение. На 19 (2-е) армии приказано было восстановить положение на фронте Шибалин—Посухов и сосредоточить все усилия на западном берегу Золотой Липы на фронте Посухов—Ольховец ⁴⁾.

Но бои этого дня успеха уже не имели. Наступательный порыв двух армий фронта, наносивших главный удар, приостановился и они начали топтаться на месте.

Сравнивая успехи двух соседних армий, главнокомандующий войсками фронта решил центр тяжести наступления перенести на 11 армию, возложив на 7 только обеспечение операции 11 армии.

23 июня (6 июля) армия эта после артиллерийской подготовки вновь перешла в наступление и имела незначительный тактический успех. На этом дело и остановилось. 24 (7) числа командарм приступил на фронте армии к перегруппировке, этому всегдашнему признаку отказа от неудавшегося плана. Перегруппировка должна была быть закончена к утру 27 июня (10 июля) для начала новой атаки.

На фронте 7 армии текущие дни ознаменовались только очередной сменой командарма.

Тем временем в дело вступила 8 армия, долженствовавшая по мысли руководителей операции играть второстепенную роль и вновь сыгравшая первую. Как блестящий фейерверк

¹⁾ Все дела Юго-Западного фронта.

²⁾ Схема № 7.

³⁾ Дир. армии 19/VI № 162 Там же.

⁴⁾ Ежедн. донесен. Юго-Зап. фр. и директ. 7 арм. Там же, д. № 315 и 487.

блеснул ее прорыв на Калуш, этот последний победный отблеск умирающей старой армии, чтобы обратиться в сплошной позор, бесценно сопровождавший ее до полного разложения.

23 июня (6 июля) XVI корпус начал вспомогательную атаку и сбил противника с его передовых позиций, завладев ими на фронте Лаховце—Дзвиняч¹⁾ и от Яблонки вверх по р. Быстрице. Здесь корпус на следующий день удачно отбил все неприятельские контр-атаки, а 25 июня (7 июля) начал наступление и XII корпус под командой своего молодого и революционно настроенного корпусного командира Черемисова.

Воодушевленные наступательным порывом, во главе с заслужившим доверие массы Черемисовым, шесть дивизий корпуса удачно прорвали передовую, промежуточную и главную позиции противника на всем намеченном фронте от Ямницы до Загвоздья¹⁾, захватив свыше 7 тысяч пленных и 48 орудий. Высланная для развития прорыва конница была задержана на правом берегу р. Луквы огнем неприятельской пехоты.

На 26 июня (9 июля) ударным корпусам 8 армии было приказано продолжать наступление с общей задачей выхода на линию Галич—Калуш. XII корпусу ставилось ближайшей задачей выдвижение на линию д.д. Козина—Викторув—Майдан—Гуциска—Лисец, установив прочную связь с левым флангом 7 армии и обеспечив себя со стороны Галича. XVI корпусу указывалось выйти своим правым флангом на линию Садзава—Хлебовка²⁾.

Главкоюз приказал с своей стороны возобновить атаки 11 и 7 армиям, причем 11 указывалось атаковать 27 (10), имея ближайшей задачей выход на Золотую Липу, и 7 армии 28 июня (11 июля) с целью овладеть Бжежанам³⁾.

Одновременно с этим Главковерх начал беспокоиться об опасности, грозившей правому флангу 8 армии со стороны Рогатина при быстром ее наступлении на Калуш.

Он неоднократно указывал главкоюзу, а этот последний Корнилову на необходимость развивать главный удар на Рогатин, усматривая в этом взаимодействие 8 армии с ее северными соседями и меру для продвижения вперед 7 и 11 арм. Все указания главкоюза оставались Корниловым без внимания.

Решительная телеграмма Брусилова с категорическим требованием переменить 8 армией направление главного удара

¹⁾ Схема № 8. Загвоздь между Посеч и Станиславов.

²⁾ Директива 25/VI № 1857. Там же, л. № 489.

³⁾ Дир. 25/VI № 3078. Там же, л. № 390.

на Рогатин пришла уже тогда, когда наступление армии в общем приостановилось ¹⁾.

Прорыв 8 армии развивался с большой быстротой и в нем, кроме XII корпуса, приняли участие также на его правом фланге XXXIII корпус и на левом XVI. Уже к вечеру 27 июня (10 июля) на правом фланге войска наши заняли Галич и линию р. Ломницы до Калушского шоссе; на левом фланге XVI корпус занял линию Невочин—Пороги. 28 (11) был занят Калуш, а к 30 (13) мы продвинулись до линии Копанка—Мосциска—Долге—Камень—Небылов—Гринки. К этому времени наступательный порыв армии угас, низменные инстинкты взяли верх, войска перепились в Калуше, а с другой стороны противник успел перекинуть сюда резервы, и успех 8 армии прекратился. „Русская армия была уже не та“, отметил Людендорф в своих мемуарах.

Тем временем остальные армии фронта быстро разлагались, не выказав и того первого наступательного порыва, который показала 8 армия. „Считаю долгом донести, писал командарм 11 ²⁾, что, не смотря на победу 18 и 19 июня, которая должна была бы укрепить дух частей и наступательный порыв, этого в большинстве полков не замечается, а в некоторых частях господствует определенное убеждение, что они свое дело сделали и вести непрерывно дальнейшее наступление не должны. В свою очередь Главковерх обращал внимание главноюзу на громаднейший процент разбежавшихся и ушедших в тыл.

Не в недостатке войск, писал Брусилов, дело, а в том, что дух войск слаб и... требовал от ближайших начальников больше твердости и энергии для под'ема духа в своих частях ³⁾.

И, действительно, уже 24 июня (7 июля) командарм 11, Эрдели, произведенный Керенским авансом за грядущие успехи на поле сражения в генералы-от-кавалерии, доносил о том, что его войска отошли под натиском неприятельских контр-атак в исходное положение и что при неустойчивости духа пехоты его ближайшая задача состоит в удержании исходного положения ⁴⁾. Мысли Эрдели были поддержаны и главноююзом Гутором, который доносил, что современные войска неспособны к длительной и упорной борьбе, что их часто нужно отводить на отдых, и требовал присылки свежих корпусов ⁵⁾.

Как бы в противовес этому Корнилов и Черемисов ответили своим блестящим порывом на Калуш, сумев сохранить этот наступательный порыв на несколько дней/

¹⁾ 2/VII № 4684. Там же.

²⁾ От 23/VI № 3382 Там же, д. № 454.

³⁾ От 24/VI № 4505. Там же.

⁴⁾ № 3412. Там же.

⁵⁾ 25/VI № 3072. Там же.

Сравнение поведения войск на двух соседних участках, войск, одинаково разложенных, невольно заставляет задуматься над ролью командного элемента в этот печальный период русской военной истории. Люди с характером, с истинным энтузиазмом и военным талантом могли нечто сделать и с развалившейся массой солдат. Удел же бесталанных одинаков при всяких армиях и при всяких режимах.

Прорыв Корнилова поучителен и в другом отношении. Он еще раз подтвердил, что для армий разлагающихся единственным способом ведения войны является неуправляемый победоносный порыв вперед. Тоска обороны и трудности отступления посильны только спаянным бойцам. В 8 армии командный состав сумел внушить наступательный порыв своим частям, умело организовав им первую победу, и победоносно вел их до предела единоличного наступления, без поддержки соседей.

Но когда свежие резервы противника прекратили естественное наступление 8 армии и ей пришлось перейти к трудной для подобного состава войск обороне, то наступила необходимая реакция и все пошло на смарку.

Мы не имеем возможности проследить во что вылилось бы наступление 8 армии, если бы во главе 7 и 11 армий стояли бы действительно талантливые командармы, сумевшие внушить своим войскам первой победой наступательный порыв. У немцев не хватило бы резервов крепко заткнуть Калужскую дыру и весьма возможно, что начавшийся на фронте 8 армии победный пожар захлестнул бы своей заразной волной все части Юго-Западного фронта и помог бы в пламени своего бушующего огня выковать новую победоносную русскую армию...

Период Корниловского наступления можно отметить и той новой, скажу, пагубной в военном отношении ролью, которую в оперативном отношении начали играть комиссары времен Керенского. Комиссар 8 армии, Максимилиан Филоненко, сообщая непосредственно Керенскому об успехе прорыва XII корпуса, присовокуплял¹⁾:

„Настроение войск превосходное и при отсутствии репрессий одной силой убеждения достигнут полный порядок. Считаю долгом высказать мнение, что, как по условиям местности, так и по психологическим, развитие удара и успеха к западу от Галича имеет гораздо большие шансы, чем повторение удара 7 армией, где условия местности и настроение войск и начальников после понесенной неудачи понижают вероятность успеха. Одновременно с настоящим командарм 8 предлагает главнокомандующему передать резерв от Бжежан. Я потому прошу вашего вмешательства в дело, что оно, по моим све-

¹⁾ От 26/VI № 1882. Там же.

дениям, может получить решение не на основании оперативных соображений, а служебной конкуренции начальников, и особенно потому, что принятием предложения командарма Главкоюз признает неправильность выбранного им операционного направления главного удара 7 армией⁴.

Перл такого вмешательства комиссара, приставленного с исключительной целью следить за контр-революционностью командного состава, в оперативные дела не требует для военных читателей особых комментариев тем более, что Гутор помимо этого письма направил в распоряжение Корнилова II гв. корпус¹).

Первый период летних операций Юго-Западного фронта следует считать законченным удачным прорывом Корнилова на Калушском направлении.

С 1—2 (14—15) июля здесь произошла приостановка, начались перегруппировки для нового развития операций совместно с наступлением на других фронтах, к краткому рассмотрению событий которых за истекший период мы и обратимся.

Комбинированное наступление фронтов к северу и к югу от Полесья не удалось и в 1917 году, как оно не удалось и в предыдущем. Предполагаемое наступление к северу от Полесья приходилось беспрестанно откладывать не только по „политической“ неготовности войск и соответственно с этим неготовности инженерной обработки плацдармов, но и по частой смене командного состава.

В этом отношении новый Главковерх Брусилов проявил особую предусмотрительность. Вынеся, например, впечатление из вполне лояльных докладов командарма 5 о всех недочетах армии, на которую возлагалась решительная роль в грядущей операции, что настроение у него пониженное, он предлагал сменить его заблаговременно, чтобы не пришлось смещать во время операции²).

В результате всего изложенного Брусилов телеграфировал Керенскому³), что он отложил сроки наступления на Северном фронте на 5 (18) июля, на Западном не позже 3 (16) июля и на Румынском не позже 9 (22). Причиной откладывания выставлялось нежелание войск наступать. Но и последние намеченные сроки вслед за этим были отложены для Северного и Западного фронтов соответственно на 9 (22) и 6 (19) июля.

Тем временем войска обоих фронтов занимались перегруппировками и политическими подготовками.

¹) Его донесение от 27/VI № 3162. Там же.

²) 24/VI № 4491. Там же.

³) 26/VI № 4523. Там же.

На Северном фронте все это выразилось в следующих общих чертах:

Образование в марте—апреле нового участка 1 армии для обороны побережья Финского и северной части Рижского заливов позднее было признано бесцельным. Управление 1 армии было вновь перекинуто на Зап. Двину, а 1 и XXXVII корпуса были переброшены с побережья на фронт 5 армии, долженствовавшей нанести главный удар. Но едва управление 1 армии стало на Зап. Двине, как необходимость облегчить Корнилову управление громоздкой 8 армией заставило перекинуть его на левый фланг Юго-Западного фронта, в Сучаву.

Вторым частным вопросом Северного фронта был вопрос об Икскюльской предмостной позиции, этого подобия таковой же на Стоходе. Только в июне был категорически поставлен вопрос о том, нужен ли при сложившихся стратегических условиях Икскюльский предмостный плацдарм, имевший по фронту 4 версты и занимаемый пятью батальонами с пулеметами. По обсуждении вопроса в четырех инстанциях, от комкора до Главковерха, пришли к единогласному решению, что он не нужен, а при современном моральном состоянии войск даже и опасен. Но в виду политического значения плацдарма, удерживаемого два года, было решено сохранить его до окончания наступательных операций Северного фронта¹⁾.

Третьим вопросом была подготовка к наступлению, которое на Северном фронте решено было вести 5 армией из Двинского района в направлении Двинск—Вильно,²⁾ и, наконец, четвертым вновь возобновившиеся слухи об ожидаемом наступлении германцев на Ригу.

Эти слухи заставили направить одну пехотную бригаду с двумя батареями из 12 армии на Венден, 10 Туркестанскую стр. дивизию из Финляндии на Вольмар и 5 кавдивизию в район станций Лигат-Зегевольд³⁾.

Остается еще упомянуть о беспорядках в Петрограде, имевших место 3—5 (16—18) июля и потребовавших направления туда части войск с Северного фронта, чтобы положение этого фронта охарактеризовать следующей выдержкой телеграммы командарма 5 Юрия Данилова⁴⁾ к его другу Лукомскому, начальнику штаба Брусилова.

„5 армия, писал он, будет к 8 июля готова, насколько возможно при нынешних обстоятельствах, к наступлению и я не теряю надежды на возможность частичного успеха, если не произойдет дальнейшего ослабления армии в пользу Петро-

¹⁾ Наштаверх Главкосеву 29/VI № 4605. Там же.

²⁾ Директива 7/VI № 2881/Б. Там же д. № 475.

³⁾ 29/VI № 3260/Б. Там же. Схема № 10.

⁴⁾ Ген. Кварт при Ставке первого состава.

⁵⁾ 6/VII № 4604. Там же, д. № 454.

града... Но передо мной невольно разворачивается вопрос, насколько намечаемое наступление стратегически и политически целесообразно.

„Наши союзники смолкли на всех фронтах и недвижимы. Наступление на Юго-Западном фронте захлебнулось; на нашем Западном фронте дела, видимо, не клеятся. Наконец, очередным и самым насущным вопросом является оздоровление Петрограда и тыла, откуда к нам льются и будут литься укомплектования, хотя нас численно усиливающие, но нравственно и качественно расслабляющие. Без этого оздоровления продолжение войны немыслимо и это должно быть признано властью имеющими. При таких условиях наступление 5 армии будет конечная судорога, выпуск последних паров. Не наступит ли вслед за ним даже при частичном успехе реакция духа и не лучше ли перемена задачи и пересмотр общей директивы?“

Западный фронт, долженствовавший наносить главный удар на Вильно, решил произвести его с Молодеченского направления войсками 10 армии. Согласно директивы главкозап Деникина, сменившего на этом посту Гурко, который был уволен Керенским за протест против опубликования декларации прав солдата, наступление должно было развиваться следующим образом ¹⁾:

10 армии, наносившей главный удар в общем направлении от Молодечно на Вильно, было поставлено первоначальной задачей овладеть линией Сола—Жуйраны—Ошмяны—Гражишки ²⁾.

3 армии, расположенной южнее, содействовать в первый период всеми средствами продвижению 10 армии, особенно на своем левом фланге. По мере же продвижения 10 армии к указанной выше линии развить ее наступление в общем направлении на Вильна с целью выйти на р. Ошмяну. 2 армии в это же время перейти в наступление в общем направлении на Слоним. В районе западнее Молодечно располагался X корпус, находившийся в резерве Главковерха, и XX корпус в резерве главкозап в районе Михневичи—Олевец.

После многих откладываний атака на Западном фронте была назначена на 9 (22) июля.

Атака в общем сразу же захлебнулась и уже директивой от 10 (23) июля ³⁾ Западному фронту указывалось перейти к обороне, в виду печальных событий на Юго-Западном фронте и развала частей 10 армии.

Центр тяжести событий вновь переносился на Юго-Западный фронт.

¹⁾ Директива 10/VI № 8494. Там же, д. № 476.

²⁾ Схема № 116.

³⁾ № 10159. Там же.

Фактически наступление Юго-Западного фронта или, вернее, 8 армии при топтании на месте 11 армии и совершенной небоеспособности 7 прекратилось 30 июня (13 июля) и стоило нам потерь в трех армиях 1.222 офиц. и 37.500 солд., что составляло 14% всего состава, причем несомненно лучшего элемента.

В виду выяснившегося полного неуспеха 7 армии и крупного успеха 8 решено было произвести перегруппировку, усилить 8 армию за счет 7 и произвести удар 11 и 8 армиями, первой в направлении на Злочев и второй—на Рогатин¹⁾.

Главкоюзом была с этой целью отдана 28 июня (11 июля) новая директива²⁾, согласно которой:

Особая армия должна была продолжать выполнение прежней задачи.

11 армия перейти не позже 30 июня (13 июля) в решительное наступление в общем направлении на Злочев, энергично стремясь достигнуть Золотой Липы.

7 армии, передав в 8-ю II гв. корпус, всемерно сковывать противника, не позволяя перебрасывать противостоящие части. 30 июня (13 июля) начать артиллерийскую подготовку позиции у Бжежан, энергично готовясь к повторению атаки, для чего употребить все меры к восстановлению боеспособности ударных корпусов.

8 армии, усиленной II гв. и II кавалер. корпусами, продолжать теснить отступающего противника и наступать на северо-запад по обоим берегам Днестра на Жидачев, обеспечивая себя со стороны Карпат.

Резерв фронта—XLV корпус в районе Тарнополя и XXV корпус в районе Верба—Рудня.

Но нашей новой наступательной операции не удалось увидеть света. Отказы войск становиться на позиции, митинги, нежелание переходить на новые позиции и прочие специфические особенности русской вооруженной массы того времени задерживали перегруппировку, и операция, все время откладывавшаяся, осталась в проекте. 6 (19) июля последовал удар со стороны немцев.

К началу этого наступления в состав 11 армии входило 10 корпусов и 2 кавдивизии (1 Турк. VII кон., XXXII, V Сиб., XVII, XLIX, V, I гв., VI и XXV арм., 11-я кав. и Забайк. каз. див.), при чем на левом фланге, где только что происходили наши наступательные операции и где последовал удар противника, стояло 7 корпусов (5 на фронте и 2 в резерве), всего 240 бат., 40 эск., 100 тяж. и 475 легк. и гауб. оруд. Со стороны противника на этом участке имелось только 9 дивизий, всего 83 бат., ок. 60 тяж. и 400 легк. и

¹⁾ Схема № 9.

²⁾ № 3182. Там же, д. № 390.

морт. оруд., т.е. мы превосходили неприятеля на этом участке в $2\frac{1}{2}$ —3 раза.

7 армия состояла к началу наступления австро-германцев из 4 корпусов (XLI арм., VII Сиб., XXXIV и XXII арм.) и Оренбург. каз. див., всего 168 бат., 24 эск., 168 тяж. и 350 легк. ор.

6 (19) июля противник с рассветом открыл артиллерийский огонь по корпусам левого фланга 11 армии и почти одновременно его пехота повела наступление на фронт Пеняки—Млыновце¹⁾. Атакованные части самовольно ушли назад. Противник устремился в открытый промежуток и начал развивать свой удар в юго-восточном направлении. Начался неудержимый отход войск на восток. Многие части, получив боевые приказы, обсуждали их на митингах, в комитетах, упускали время, а то и совсем отказывались выполнять их.

К вечеру левый фланг 11 армии отступил примерно на линию Чепеле—Ратище—Млыновце. На фронте 7 армии было спокойно.

Параллельно с описанием „неудержимого отхода войск“ совместно с митингами, уговорами, обсуждениями, решениями и прочими атрибутами невероятного переустройства армии того времени интересно проследить и работу высшего командования.....

Уже 7 (20) июля Брусилов писал главноюз Гутору¹⁾, что войск у него больше, чем надо, но необходимо заставить их драться. Не допускаю мысли, чтобы между сосредоточенными в районе прорыва частями не нашлось доблестных и верных долгу полков, которые не остановили бы небольшие части противника, наступающие только потому, что перед ними отходят. „Приказываю не только принять все меры к тому, чтобы остановить наступление противника, но энергично перейти в контр-атаку и восстановить положение. Отхода 7 армии не допускаю. Не допускаю и мысли, что развитие успеха противника может угрожать Тарнополю. Комиссара Савенкова, армейских комиссаров и комитеты прошу помочь командному составу и призвать войска к исполнению долга“.

С утра 7 (20) июля противник продолжал развивать прорыв. XVII корпус, 11-й армий, неудержимой волной отходил назад. Посылаемые на поддержку и для контр-атак части XLIX корпуса отказывались в большинстве случаев их исполнять или выказывали полную неустойчивость, уходя, под влиянием только одного артиллерийского огня.

К полудню линия фронта атакованного участка 11-й армии проходила уже через Заложце—Куклинце. V арм. корпус был отведен, в виду угрозы обхода его правого фланга, на

¹⁾ № 4848. Там же, д. № 454.

линию Куклинцы—Конюхи. I гв. корпус, смененный в ночь на 7 (20) июля V арм. корп., самовольно ушел в Вишневец.

На 8/21 июля 11-й армии была поставлена задача перейти в контр-атаку на всем фронте Заложце—Будылов при содействии 7 армии, долженствовавшей перейти в наступление на фронте Будылов—Бышки (севернее Куропатники) в северо-восточном направлении. Но к вечеру части 11-й армии самовольно отошли за р. Серет и остановились на фронте Ратище—Глядки—Будылов, имея далее до Куропатники VI корпус, переданный в 7 армию.

Брусилев на действия этого числа реагировал приказанием возможно энергичнее развивать операции на Северном, Западном и Румынском фронтах, а на Юго-Западном подтвердил к исполнению операцию 8 армии от Галича на Рогатин, выказав на этот раз уже не требование, а только „полную уверенность, что Тарнополь не будет отдан и войска Ю.-З. фронта не допустят позора, чтобы прорыв не был локализован“¹⁾.

С утра 8 (21) июля противник, поведя энергичное наступление вдоль Тарнопольского шоссе, сбил части XVII корпуса, также отошедшие на восток от Серета. К вечеру противник занял предместье Тарнополя, отбросив V арм. корпус на юг; корпус утратил связь с VI арм. корпусом, оставшимся на Стрыпе. Для заполнения образовавшегося разрыва были двинуты с юга, от Россоховца, находившиеся в резерве XLV и части XXXIV корпусов.

Отступление левофланговых корпусов 11-й армии вынудило 7 армию загнуть свой правый фланг (VI и XLI корпуса) по линии Деньшев—Потуторы.

К вечеру корпуса 11-й армии сосредоточились за Серетом на фронте Заложце—Тарнополь—Мышковце; отброшенный на юг V арм. корп. ночевал северо-западнее Мышковце, а далее до Стрыпы был разрыв.

Правофланговые корпуса 7 армии (VI и XLI) отошли с наступлением темноты на фронт Россоховец—Увсе—Славентин.

Положение 7 армии становилось катастрофическим. Брусилев начал принимать ряд решительных мер. Первой из них была чехарда высшего командного состава. Гутора сменили с поста главноюжа, назначив Корнилова. Командарма 11, Эрдели, отправили командовать недерущейся Особой армией, взяв оттуда исправлять положение 11 армии Балуева. От наступления на Рогатин со стороны Галича отказались и Корнилову было предоставлено право отвести правофланговые корпуса 8 армии на выгодный рубеж, когда он признает это нужным, не ожи-

¹⁾ Телеграммы от 8/VII №№ 4883 и 4904. Там же.

дая распоряжения Брусилова ¹⁾. Западному фронту приказано не повторять удара, если первый не удастся, а иметь в виду, вместо указанного ему наступления, отправить X корпус на Ю.-З. фронт ²⁾. Но Западный фронт не мог ни наступать, ни уделять резервов для других фронтов. Тыл его был наполнен „взбунтовавшимися войсками“ и ему необходимо было иметь в своих руках хоть одну свободную дивизию для обеспечения войск, стоявших на фронте ³⁾.

Корнилов, вступив в командование фронтом, сразу отказался от Брусиловской системы уговаривания и отдал ряд самых настойчивых приказов воспретить, в виду исключительной серьезности обстановки, в сфере боевых действий всякого рода митинги, а в случае попыток их устраивать, рассеивать оружием. Эти распоряжения было указано считать боевыми приказами, не подлежащими никакому обсуждению, не исключая и комитетов ⁴⁾.

В отношении дальнейшего ведения операций Корнилов остановился на единственном, напрашивавшемся с самого начала катастрофы решении, отвести 7 и правый фланг 8 армии на восток.

9 (22) июля противник оставил в покое 11 армию и направил свой удар на 7. С рассветом три его роты с пулеметами двинулись вдоль обоих берегов Стрыпы на юг и обратили в бегство 126 и 2 финл. дивизии. На позиции остался только офицерский и унтер-офицерский состав и несколько солдат. Беглецов ловили высланные в тыл раз'езды ⁵⁾. Образовавшийся на Серете прорыв на участке Мышковце—Микулинце был заполнен успевшими переправиться на восточный берег реки частями V арм. корпуса и Забайкальской каз. дивизией. XLV арм. корпус только к ночи стал собираться в районе Тарнополя.

К вечеру противник занял на этом участке Росоховец и Увсе. Но еще около 15 часов неприятель перешел в наступление и против левого фланга 7 армии, сбив части XXII корпуса в районе Славентина.

Попытки восстановить здесь положение не привели к успешным результатам.

Вследствие отхода XXII корпуса начал самовольно оставлять свои позиции и III Кавк. корпус, правофланговый в 8 армии. Он отошел на линию Носов—Больчовцы.

В ночь на 10 (23) правофланговые корпуса 7 армии отошли на линию Микулинце—Бурканув, а VII Сиб. и XXII арм. на-

¹⁾ 9/VII № 4912. Там же.

²⁾ 9/VII № 4940. Там же.

³⁾ Разговор по Юзу. Там же.

⁴⁾ То же.

⁵⁾ Донесение 7 армии 9/VII № 4. Там же.

чали, согласно отданного приказа, отходить на линию Бурканув—Олеша—Монастержиска.

В связи с отходом 7 армии и в исполнение директивы главкоюза 8 армия начала отход на линию Монастержиска—Угорники—Надворная—Тартарув. Правый и левый фланги фронта оставались на месте.

События на Ю. З. фронте отразились и на других фронтах. 9 (22) июля Брусилов телеграфировал главкозапу, ¹⁾ что его донесения определенно рисуют неспособность XX корпуса к повторным ударам. „Повторные удары частями других корпусов могут расстроить и эти части, не дав ощутительного результата, почему ставлю первой* вашей задачей сохранение боеспособности армии, чтобы отнюдь не повторилось происшествие в Юзфронте, когда расстроенные атаками части бросили от незначительного удара со стороны противника позиции и начали неудержимо отступать. Особенно обращаю внимание на важность Сморгонского направления“ Эти же указания были повторены Северному и Румынскому фронтам, которым главной задачей ставилось сохранение армии. В случае достигнутого при атаке первоначального крупного успеха разрешалось его энергично развивать, но, если бы такой успех сразу достигнут не был, то отнюдь не производить повторных ударов, окончательно расстраивающих части ²⁾.

Таким образом, Главковерху необходимо было пройти через кровавую катастрофу предшествовавших дней, чтобы понять к чему была пригодна его разложившаяся армия и отказаться от призрачной возможности наступательных операций.

Одновременно Брусилов указывал Корнилову на необходимость наметить ряд последовательных рубежей, на которых войска 7 и 8 армий могли бы задерживаться в случае дальнейшего отхода. При составлении этих соображений он приказывал иметь в виду необходимость удержания в наших руках и надежного обеспечения г. Черновцы, а также горы Ботошул и левого фланга 8 армии, чтобы дать возможность оставаться на месте Румынскому фронту ³⁾.

Брусилов таким окончательным рубежом намечал линию р. Серет до Чорткова, далее по заранее укрепленной позиции Тлусте—Торске, потом по Днестру до Жежава и далее на Снятын, потом по р. Черемошу до Вижниц (Куты) на соединение у Ростока с заранее укрепленной позицией, затем по этой позиции до Брязы с переходом к горе Ботошул на соединение с Румынским фронтом.

¹⁾ 10/VII № 4954. Там же.

²⁾ 10/VII № 4953. Там же.

³⁾ 10/VII № 4987. Там же.

Смотря на эту позицию, как на предел отхода, Брусиллов считал более желательным, если обстановка позволит, занять от Трембовля линию на Бучач, Поток и далее по существующим позициям на Коломыя, Куты (Вижниц), Селетин и далее примерно от Бязы на Ботошул.

10 (23) числа противник вновь перешел в наступление против левого фланга 11-й армии на фронте Мышковце—Микулинце и, сбив части V арм. корп. и Забайкальской казачьей дивизии, форсировал Серет. Попытки восстановить положение были безуспешны. К месту прорыва были двинуты 151 пех. див. и гвард. Петровская бригада (Преображенский и Семеновский полки).

Около полудня неприятель перешел в наступление также между Стрыпой и Серетом. Некоторое время части XXXIV корпуса и 104 дивизии сдерживали противника, но, обессиленные массовым дезертирством, принуждены были отойти на линию Островчик—Брикуля, что повлекло отход и левофланговых корпусов 7 армии на линию Брикуля—Олеша—Монастержиска. 8 армия продолжала отход на линию Монастержиска—Угрунув—Надворная—Тартарув.

В этот день левофланговые корпуса 8 армии перешли в состав 1 армии, занявшей участок между 8 и 9 армиями.

Тем временем дезертирство увеличилось в грандиозных размерах. На фронтах к этому времени образовались, в виде протеста против развала армии и сверху и снизу, разные ненормальные для правильной армии организации в образе ударных батальонов, батальонов смерти и даже женских батальонов. За одну только ночь батальон смерти при 11-й армии задержал в районе Волочиска сколо 12 тысяч дезертиров. Корнилов начал борьбу с этим самыми решительными и крайними мерами включительно до расстрела. На трупы расстрелянных прикреплялись ярлыки с надписью „дезертир“¹⁾.

С утра 11 (24) июля противник начал развивать наступление на фронте Мышковце—Микулинце и потеснил наши войска далее на восток. 1 гв. корпус, передвинутый из Вишневец на Тарнопольские позиции, самовольно бросил, под влиянием отхода V корпуса, Тарнополь и отошел в восточном направлении. Только гв. Петровская бригада упорно удерживала врага, потеряв за этот день 80% офицерского состава.

Поздно вечером левофланговые корпуса 11-й армии отошли под давлением наступавшего противника, на линию Плотыч—р. Гнездна—Трембовля.

Между Серетом и Стрыпой неприятель весь день вел наступление, и к вечеру правый фланг 7 армии был отброшен на линию Будзанов—Романов—Петликовце. Во время боя многие части уходили в тыл, бросая свои позиции.

¹⁾ Разговор по прям. пр. Пронина и Раттеля 10/VII. Там же.

Западнее Стрыпы противник прорвал расположение XXII корпуса у Олеша и к ночи левофланговые корпуса 7 армии отошли назад, выравнявшись с 11-й армией на линии Петликовце—Езержаны—Барыш, 8 армия продолжала отходить под прикрытием арьергардов на линию Барыш—Нижниев—Младотынь.

Корнилов по поводу событий этого дня доносил, что обстановка на фронте 7 армии в связи с усиливающимся отходом войск и разложением в них исключает всякую возможность прочно закрепиться на занятой позиции и не дает уверенности в быстром прекращении наступления противника, не смотря на все принятые меры. Солдаты не желали рыть окопов и предпочитали нести потери от огня. Для того, чтобы хоть немного оторваться от противника, приходилось каждый раз отходить несколько верст к югу и эта обстановка постоянных отходов еще более разваливала нравственный облик войск.

Корнилов указывал на необходимость экстренного принятия самых решительных мер для приведения армии в порядок. Ужас развала докатился до Петрограда. Керенский попробовал заговорить тем твердым тоном, который ничто без решительных действий, а таковые несвойственны были главе коллективного правительства.

Фронты были уведомлены Ставкой, что военный министр незамедлительно дает указания по принятию мер для воссоздания строгой дисциплины, поднятия и укрепления власти и авторитета начальников, порядка выдвижения на командные должности лиц действительно достойных и урегулирования вопроса об отношении командного состава и комитетов¹⁾.

Из Петрограда временно повеяло новым ветром, дуновение которого быстро почувствовалось и в Ставке: „С своей стороны, писал в тот же день Брусилов Керенскому,²⁾ приложу все силы ума и воли, чтобы спасти Россию и завоевания, достигнутые революцией. Мною незамедлительно будут даны указания всем главнокомандующим о принятии мер по воссозданию боевой мощи на началах воссоздания железной дисциплины, поднятия авторитета и власти начальников“ и пр.

Одновременно с этим Главковерх отдал окончательное распоряжение о прекращении наступления на Северном и Западном фронтах, где в 5 и 10 армиях также замечался особенно усиливающийся развал, и приказал направить на Юго-Западный фронт X корпус с Западного и XXIX с Румынского фронтов. Кроме того туда же еще раньше был направлен III конный корпус и сосредоточено к месту прорыва пять пе-

¹⁾ 12/VII № 5045 Там же.

²⁾ 12/VII № 5057 Там же.

хотных и шесть кавалерийских дивизий с неатакованных участков Юго-Западного фронта.

С утра 12 (25) неприятель потеснил наши части к северу и к югу от Трембовли и, прорвав позиции, стал развивать успех в северо-восточном направлении. Наши контр-атаки по обыкновению успеха не имели и части начали откатываться на восток. 8 армия устраивалась на позиции Барыш—Олеша—Отынья—Младотынь.

С наступлением темноты, согласно директивы главноюжа, армии начали отходить на линию: 11 и 7—Плотыч—Хоростков—Копычинце—Чортков—Ягельница, 8 и 1—Ягельница—Латач—Незвишка—Коломыя—Ростока—Томнатик—Капул. Правый и крайний левый фланги фронта попрежнему оставались на месте.

В течение 13 (26) июля противник никаких активных действий не предпринимал. Войска завершали указанный им накануне отход и устраивались на позициях.

Отход должен был быть совершен с таким расчетом, чтобы к утру 14 (27) июля занять, сохраняя фланги фронта на месте, нижеследующие подготовленные в тылу позиции ¹⁾: Особой и правому флангу 11 армии оставаться на месте; центру и левому флангу 11 армии отойти к югу от Берестечко на линию Козин—Скалат—Гржималув. 7 армии отойти на позицию по линии Гржималув—Гусятин—Збриж—Скала; 8 на позицию Скала—Кршивце, далее западнее Бискупце, прикрывая мост через Днестр, по Днестру через Залещики на Городенку и Снятынъ. 1 армии отвести свой правый фланг на линию Снятынъ—Куты—Ростока, оставаясь на остальном фронте на старых позициях.

Отход 7 и 8 армий совершить под прикрытием сильных арьергардов и конницы, усиленных броневыми машинами, а для обеспечения более полной связи с войсками, отходящими по южному берегу Днестра, указывалось задержаться (вероятно арьергардами) на линии Гржималов—Езержаны—Гордница.

На указанной линии войскам фронта приказывалось оказывать самое упорное сопротивление, так как дальнейшего отхода быть не должно.

Резервы фронта сосредоточивались—одна дивизия в районе Мельница и три в районе Лановцы.

Отход произошел без нажима противника, и к 15 (28) июля Юго-Западный фронт занимал такое положение:

Особая армия осталась на своих прежних местах. 11 армия, оставаясь своим правым флангом до д. Суходолы на своих зимних позициях, отошла центром и левым флангом на линию Чепеле—Плотыч—Черниховце—Скалат—Гржималув.

¹⁾ Директива 13/VII № 4025. Там же, д. № 478.

7 армия—на линию Гржималув—Гусятин и далее по Збручу до Скала.

8 армия отошла на линию Скала—Кршивце—Бискупце—Снятынь и

1 армия—на линию Снятынь—Куты—Ростока-гора—Томнатик-гора—Ботошул.

Катастрофический откат Юго-Западного фронта пришел к временному окончанию.

С точки зрения стратегии он не дает с русской стороны материалов для того, чтобы на нем останавливаться.

Единственным проблеском на темном фоне агонии русской армии был кратковременный успех 8 армии при наступлении на Калуш, выдвинувший имя Корнилова и неоправданные впоследствии ожидания от молодого комкор XII Черемисова.....

В действиях Корнилова в роли командарма 8 можно отметить правильный выбор времени для нанесения удара, удачную комбинацию с демонстрациями XVI корпуса и умение хоть временно направить разнузданную массу в духе наступательного порыва, чего не удалось сделать его товарищам по командованию. Он, ставши почти в начале немецкого прорыва (7 июля) во главе фронта, сумел рядом комбинированных и своевременных отходов оторваться от наседавшего противника.....

Что касается до Верховного Командования, то оно очень поздно поняло, что разложившаяся армия неспособна к контратакам, что смена и отчисление начальников, у которых вырвана власть, делу не поможет, и вслед за Корниловым пришло к единственному возможному при бывших условиях решению оторваться скорее от противника.

Роли, возлагаемые на Северный и Западный фронты в июньском наступлении, указывались мною попутно. Их наступление постепенно откладывалось, в виду неготовности войск; наконец, оно началось в период 8—10 (21—23) июля, заглохло и после нескольких неопределенных телеграмм Ставки, в виде приказаний неудавшихся ударов не повторять, а развивать только хорошо удавшиеся и то лишь до завладения первым хорошим рубежом, приостановилось. Брусилов приказал всем фронтам от наступления отказаться и обратить все внимание на сохранение армии.

В оперативном отношении попытки наступления обоих фронтов не дают никаких материалов и здесь уместно ограничиться только несколькими штрихами развала армий этих фронтов, которые и дадут полную картину их активных операций.

Во время наступления Северного фронта только две дивизии из шести были способны для операции. Из остальных же

36 дивизия, взявшая две линии неприятельских окопов и шедшая на третью, повернула обратно под влиянием панических окриков сзади. 182 дивизия загонялась в плацдармы оружием; когда же по частям дивизии был открыт артиллерийский огонь, то они начали беспорядочную стрельбу по своим. Из 120 дивизии в атаку пошел только один батальон. Нейшлотский полк (22 дивизии) не только не хотел сам наступать, но препятствовал и другим, арестовывая походные кухни частей боевой линии.

А вот картина наступления Западного фронта, нарисованная Главнокомандующим этим фронтом ¹⁾.

„Началась артиллерийская подготовка. За три года войны я не видел такой чудной работы артиллерии. Дух войск стал подыматься. Пехота, предъявляющая повышенные требования к артиллерии, осталась удовлетворенной. В XXXVIII корпусе пехота даже отказалась от дальнейшего продолжения артиллерийской подготовки, считая ее совершенно выполненной“.

„Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две, три линии окопов противника и... вернулись в свои окопы. Операция была сорвана. Я на 19-ти верстном участке имел 184 батальона и 900 орудий; у врага было 17 батальонов в первой линии и 12 в резерве при 300 орудиях. В бой было введено 138 батальонов против 17 и 900 орудий против 300“.

Составителю стратегического очерка здесь следовало бы положить перо. То, что происходило далее, не имело уже никакого подобия войны.....

¹⁾ Из его речи на Советании в Ставке 16 июля.

ГЛАВА IV.

Совещание в Ставке 16 июля. Замена Брусилова Корниловым. Окончательный отход Юго-Западного фронта. Действия в июле—августе на Северном фронте. Опасения за Финляндию. Рижская операция. Замена Корнилова Керенским.

„Не найдете ли вы желательным собрать в Ставке экстренное совещание по вопросам настоящего военного положения, пригласив на это совещание генералов Алексеева, Рузского и, быть может, других по вашему усмотрению“, писал Керенский Брусилову 12 (25) июля, в разгар Тарнопольского разгрома ¹⁾.

Глава правительства предлагал Верховному Главнокомандующему обсудить положение с людьми боевого и административного опыта. Брусилов использовал свое право на приглашение других лиц, прося приехать на совещание самого Керенского, Терещенко (Министра Иностранных Дел), Гурко, Клембовского и Деникина.

Керенский не пожелал встречаться на совещании с Гурко, но зато хотел видеть на нем комиссара Юго-Западного фронта Савенкова, и в таком виде совещание состоялось в Ставке 16 (29) июля.

Это историческое совещание, на котором встретились русские генералы определенно сложившегося взгляда на войсковой уклад, генералы, потерявшие почву под ногами, и представители государственной власти, не может быть изложено в сжатом виде. Оно интересно во всех мелких оттенках произнесенных речей и потому помещается в приложении ²⁾ по сохранившемуся черновику.

Центром интереса Совещания следует считать горячую речь Деникина, холодный ответ Савенкова и нервную исповедь Керенского, на которого выступление Деникина произвело видимое впечатление.

В лице Деникина и Савенкова встретились два диаметрально противоположных взгляда, два течения, из которых одно должно было поглотить другое.

¹⁾ № 5160. Там же, д. № 676.

²⁾ Приложение № 7.

„Ведите Россию к правде и свету под красным знаменем свободы, а нам дайте возможность вести наши войска под нашими старыми знаменами, обвеянными победами“, говорил Деникин, обращаясь к министрам-социалистам.

„Демократическая армия должна быть построена на доверии,— говорил Савенков.— Она составлена из свободных граждан Российской республики, а командный состав поставлен еще старым правительством. Я верю, что наша армия вновь станет боеспособна и моя надежда на младший командный состав. Я верю, что это молодое поколение возродит нашу армию“.

— „Ведь декларацию писал не я,— восклицал Керенский,— а комиссия генерала Поливанова... и если бы я был министром в то время, как она вырабатывалась, то декларация не была бы выпущена... Я лично ничего не имею против того, чтобы сложить с себя должность военного и морского министра, отозвать комиссаров, закрыть комитеты. Но я убежден, что завтра же в России начнется полная анархия и резня начальствующих лиц. Такие резкие переходы не могут иметь места... Я моложе Гучкова, однако 120 генералов не уволил.— Я, как и все, стремлюсь к спасению родины, но не к возвращению к старому. Однако, при принятии известных мер необходимо учесть, что при данном соотношении реальных сил возможно сделать и чего нет. Я так говорю не потому, что был бы против указанных мер, но потому, что должен учитывать настроение масс. В этом настроении уже можно ожидать перегиб“.

Предложение Рузского баллотировать определенную программу встретило возражение Керенского. Сопровождение раз'ехалось.

Через три дня Брусилов был заменен на посту Верховного Главнокомандующего Корниловым. Повеяло, как будто, твердым курсом в деле восстановления армии, но не на долго.

В то время, как в Ставке решались относительно русской армии вопросы о том быть ей или не быть, военные события шли своим ходом.

Прочитывая переписку того времени между Главковерхом и главкоюзом, между Брусиловым и Корниловым, улавливаешь уже между строк особое влияние Корнилова. Правда, Брусилов приказывает, распоряжается, но тон всей операции задается Корниловым и упорядочение всего отхода, при подробном анализе переписки между Главковерхом и главкоюзом, следует отнести к заслуге Корнилова.

Если Брусилов первоначально рвался вперед и „не допускал мысли об оставлении Тарнополя“, то вскоре он „потерял

сердце⁴ и также энергично тянул армию назад во имя ее спасения.

Ознакомившись с приведенной выше директивой Корнилова № 4025, на основании которой армии фронта 13—15 (26—28) июля должны были отойти на указанную на схеме № 8 линию и там закрепиться, Брусиллов обратил внимание на то, что „линия эта на участке наибольшего давления столь близка к ныне занимаемому положению, что не даст возможности вывести войска из под ударов противника“.

Он не встречал препятствий к отходу сразу на линию Козин—Кременец—Лановцы—Волочиск и далее по Збручу.

При этом Брусиллов опасался развития операций противником на Проскуров и от Чорткова на Каменец-Подольский и Хотин, что угрожало бы тылу 1 армии и всего Румынского фронта ¹⁾).

Корнилов, оценивая общую обстановку всего Юго-Западного фронта, приходил к убеждению, что участок наибольшего давления противника переместился более на юг, со стыка между 11 и 7 армиями на стык между 7 и 8 армиями. Здесь противник будет давить в юго-восточном направлении с целью заставить нас постепенно очищать Буковину. В виду скорого подхода резервов, Корнилов не считал на ближайшее время свое положение опасным, но, в случае дальнейшего сильного нажима, он предполагал отвести левый фланг Особой армии приблизительно на линию Рожище—Торчин—Муравица, удерживая в наших руках Луцк; 11 армию на линию Муравица—Дубно—Кременец—Лановцы—Волочиск—Бронева; 7 армию—за р. Смотрич. Подступы к Каменец-Подольску, Хотину и Черновцам предполагалось прикрывать 8 армией по линии Черч—Неверка—Бискупе—Коцман; 1-й же армией постепенно отойти на линию р. Серет ²⁾).

Но Брусиллов, усмотрев в этих предположениях Корнилова опасность преждевременного отхода, указал ему выдержать упорную оборону на первой намеченной им линии. Он считал мало вероятным нажим противника на Особую и на 1 армию, почему отход на этих направлениях считал излишним. Более всего Главковерха не устраивал отход 1 армии, с которой принуждена была бы отойти и часть Румынского фронта. Поэтому Брусиллов настоятельно указывал, чтобы фронт этой армии не отходил далее линии Снятынъ—Сторожинец—Кимполунг ³⁾).

Но как бы в ответ на эти предположения противник 14 (27) июля повел наступление к северу от Кирлибаба и потеснил части 43 пехотной дивизии. Здесь натиск неприя-

¹⁾ 13/VII № 5059. Там же, л. № 676.

²⁾ 13/VII № 4071. Там же.

³⁾ 14/VII № 5108. Там же.

теля последовательно развивался и, не смотря на принимаемые меры, наступление это удавалось задерживать, но не приостановить совсем.

Уже 15 (28) Корнилов принужден был разрешить 1 армии отходить, в случае крайней необходимости, на линию Снятын—Ростоки—Селетин—Кимполунг¹⁾. С своей стороны Брусилов оставил Румынскому фронту XXIX корпус, который раньше предполагалось перекинуть на Юго-Западный фронт, но при условии поставить его за правым флангом 9 армии и помочь XVIII корпусу, в состав которого входила 43 дивизия.

А между тем натиск на 43 дивизию продолжался; малоустойчивая, как и все части армии, она постепенно откатывалась через горы в долину р. Молдавы. Противник 16 (29) июля начал теснить и 37 дивизию к северу от г. Томнатик. 16—18 (29—31) июля левый фланг 1 армии отошел на линию Селетин—Молдава—Брязи²⁾, сохраняя еще связь с 9 армией у г. Ботошул. Но вскоре и здесь левый фланг 1 армии отошел к Кимполунгу, причем связь с 9 армией поддерживалась на большом протяжении только 12 кавдивизией, загнувшей свой правый фланг.

Окончивший перегруппировку неприятель начал вновь теснить войска Юго-Западного фронта и на других участках.

16—17 (29—30) числа внушительные силы противника сосредоточились в районе Гусятина и форсировали р. Збруч к северу и к югу от него, а также в нескольких пунктах между Гусятиным и Скалой. Русские войска к этому времени начали принимать, в виду ли применения Корниловым твердых мер управления, в виду ли заметного среди общества протеста против позорного поведения войск, более благообразный вид. Рядом контр-атак они не только не дали противнику возможности распространиться к востоку от Збруча, но к 22 июля (4 августа) почти всюду отогнали его на западный берег реки.

Почти в то же время противник начал свое наступление по обоим берегам Днестра против правофланговых корпусов 8 армии (III Кавк. и XII арм.), расположенных от Скала до Залещики. Оба корпуса спешно отходили к Збручу и только сводный конный корпус Врангеля успешно задерживал продвижение противника на фронте Скала—Бискупце. 19 июля (1 августа) неприятель переправился у Бискупце на правый берег Днестра, заставив здесь стоявший XXXIII корпус загнуть свой правый фланг к Баламутовке. Короче, по линии Днестра образовался прорыв, который Черемисов, назначен-

¹⁾ 15/VII № 4226. Там же, д. № 478.

²⁾ Схема № 9.

ный после Корнилова командарм 8, считал возможным парировать только выравниванием частей назад.

Как следствие всех этих боев, 8 армия к 19—20 июля (1—2 августа) отошла правофланговыми корпусами на линию р. Збруч от Скала до устья и левофланговыми—на линию Баламутовка—Глиница. 1 армия, выдерживая 37 дивизией (XVIII корпус) сильные бои у Фрасина, отошла к этому же времени на линию Фрасин—Рус. Молдавина—Кимполунг.

Поднимался вопрос об оставлении нами Черновцы. В целях эвакуации громадных складов, сосредоточенных в этом пункте, Корнилов возложил задачу возможно долгого удержания Черновцы в наших руках на 8 армию Черемисова, усилив его 11 пех. дивизией.

Но командарм 8 нервничал, дергал корпусных командиров и отводил армию назад. Он признавал положение своей армии, утомленной предшествовавшими боями и отступлением, разделенной на две части и прикрывающей два направления—Каменец-Подольское и Черновицкое, трудным и видел из него выход только в скорейшем отходе, не задерживаясь эвакуацией Черновцы. Нервное состояние командарма 8 еще более увеличивалось, благодаря тем неприятельским силам, которые по его представлению действовали против него, а именно в первой линии 7 дивизий и во второй 4 дивизии¹⁾. „На будущее время, отвечал на это Корнилов²⁾, категорически приказываю вам о всех ваших предположениях, изменяющих данные мною директивы доносить заблаговременно... Подтверждаю мое решительное требование держаться во всяком случае до окончания полной эвакуации Черновиц, на что требуется не менее 6 дней“.

Но в ночь с 20 на 21 июля (2—3 августа) левофланговые корпуса 8 армии отошли на линию Баламутовка—Садагура, а 1 на линию Садагура—Сторожинец—Об. Виков—Рус. Молдавина; в ночь на 22 (4) на линию Хотин—Боян—Радауц и далее к шоссе Кимполунг—Сучава.

В ночь с 20 на 21 (2—3) г. Черновцы был очищен. На Юго-Западном фронте наступило затишье. 25 июля (7 августа) 8 армия была включена в состав Румынского фронта.

В этой операции Черемисов, как командарм, совершенно не оправдал те надежды, которые на него возлагались, как на комкора. Вслед за этим Корнилов был назначен Главкомверхом, а Керенский хотел назначить Черемисова Главнокомандующим, но Корнилов поставил ультиматумное требование этого не делать³⁾.

¹⁾ 19/VII № 2809. Там же, д. № 439.

²⁾ 19/VII № 4382. Там же, д. № 478.

³⁾ Дела Кабинета Военного Министра.

В дальнейшем военных операций на Юго-Западном фронте не происходило. Армии фронта оставались на указанной выше линии.

Война уступила место политике, которая здесь шла в несколько ином направлении в сравнении с фронтами севернее Полесья.

Летом 1917 г., когда составные части России распались из-под власти бессильного правительства Керенского в разные стороны, на Украине культивировался принцип самостоятельности. Принцип этот первоначально вылился в украинизацию отдельных воинских частей (XXXIV и VI корпуса), потом во вмешательство в назначения на Юго-Западном фронте лиц высшего командного состава, самостийно окрашенных, и, наконец, в проведении взгляда на то, что Юго-Западный фронт есть фронт украинский, а не русский ¹⁾....

Очередное беспокойство Северного фронта в июле, когда наступление в Двинском направлении не удалось, выразилось в ожидании морской экспедиции противника в Финский залив совместно с действиями в Финляндии.

Серьезные заграничные источники предупреждали, что германцы готовят к началу второй половины июля крупную морскую операцию в Балтийском море при участии большого числа подводных лодок и сформированного в Германии финского батальона с артиллерией.

Оборона Финского залива была основана на действиях нашего флота на главной позиции Нарген—Поркалауд (Поркала) ²⁾. Идея этой обороны заключалась в том, что наши линейные корабли, действуя в безопасном тыловом маневренном районе этой позиции, должны были препятствовать своим огнем снятию противником заграждений и выходу на свободную воду, где он легко мог использовать численное превосходство своих морских сил.

Имеющихся у нас кораблей едва было достаточно для фронтальной обороны Нарген-Поркалаудской позиции длиной в 20 миль, и надежная оборона позиции была основана на взаимодействии кораблей с батареями крупных орудий, расположенных на флангах позиции на острове Наргэ и на островах Поркалаудской группы.

В виду враждебного настроения Финляндии, правый фланг главной позиции не был обеспечен. На этом, по предположению русского командования, германцы, видимо, и строили свой расчет, придавая особое значение участию в операции финского батальона.

¹⁾ После Корнилова главнокомандующими войсками этого фронта были последовательно Балубев, Деникин и Володченко.

²⁾ Схема № 1-а.

Вместе с тем, если бы флот был принужден отступить на тыловую позицию, непосредственно связанную с Кронштадтом, то, в виду современного настроения гарнизона этой крепости, не было никакой надежды, что эта позиция может быть нами удержана.

Главковерх, знакомя Керенского с изложенными выше соображениями, требовал в очень решительных выражениях привести Кронштадт в повиновение Временному Правительству, не останавливаясь для достижения этой цели даже перед бомбардировкой крепости ¹⁾. И, действительно, самостоятельность „Кронштадтской республики“ дошла до того, что она объявила Российской республике нечто в роде вооруженного нейтралитета и Брусилову приходилось жаловаться Керенскому, что ему не удастся получить оттуда 10-ти дюймовых орудий, которые были весьма нужны для установки на тыловой морской позиции ²⁾.

Вообще Финляндия доставляла в этот период войны много забот как Временному Правительству, так и Верховному Командованию.

Объявление Финляндским Сеймом независимости страны и ответ на это со стороны Временного Правительства роспуском Сейма заставляли опасаться вооруженных столкновений и требовали увеличения там войск. В Финляндию направлялись в добавок к бывшему в ней гарнизону 112 пех. и 45 п. дивизии, Донская пешая бригада и 14 кавдивизия.

В общем войскам, расположенным в Финляндии, была поставлена задача преградить неприятелю пути к Петрограду, не допуская вместе с тем, по мере сил, захвата противником территории Финляндии. В частности эта задача была распределена так:

Наблюдение за побережьем Ботнического залива и первый отпор высаживающемуся противнику возлагались на конные части.

Полкам 106 дивизии указывалось расположиться сосредоточенно в 3—4 пунктах на узлах дорог в прибрежной полосе и по получении сведения от кавалерии о готовящейся или производящейся высадке противника выдвигаться вперед, чтобы атаковать его и сбросить в море. Если при превосходстве сил противника сделать это не удастся, то 106 дивизии упорно противодействовать неприятелю в продвижении его вглубь страны в целях замедления его и прикрытия сосредоточения наших главных сил.

¹⁾ № 4884. К сожалению, в бытность Лукомского начальником штаба Верховного Глашгого штабная служба Ставки утратила свой аккуратный характер. Даже на телеграммах Главковерха не ставилась дата. По смыслу эта телеграмма относится к последним дням пребывания Брусилова Главковерхом.

²⁾ 11/VII № 5040. Там же.

Этим же последним надлежало стягиваться в район нашей первой укрепленной полосы (Сайменское озеро—Котка), где во что бы то ни стало и задержать противника.

Сухопутным войскам указывалось непрестанно согласовать свои действия с Балтийским флотом, поддерживая с ним непрерывную связь ¹⁾.

В действительности посылка войск оказалась излишней и впоследствии, в тяжелые дни, переживаемые Северным фронтом, войска, направленные в Финляндию, пошли на усиление откатывавшейся от Риги на Петроград 12 армии.

Приостановка наступления на Двинском направлении и приказ Главковерха о сохранении армии естественно вызвали переход к обороне. На Северном фронте это вылилось в очищении Икскольской предмостной позиции 14/27 июля и в перегруппировках, имеющих целью усилить 12 армию за счет 5 ²⁾. И это было вполне своевременно, так как новые агентурные сведения указывали о нахождении в Киле двух дивизий немецких крейсеров с миноносцами, которые должны были выйти около 20 июля (2 августа) в Балтийское море на Ригу ³⁾. Вслед за этим из Парижа же были получены сведения, что, кроме морской операции в Рижский залив, немцами готовится и сухопутная операция на Северном фронте ⁴⁾.

На эти сведения командование фронтом реагировало директивой об упорной обороне занимаемых армиями позиций и сосредоточением резервов, которые должны были сгруппироваться на следующих направлениях: на Рижском (36 пех. див., 10 Турк. стр. див. и 5 кав. див.), где пехота располагалась по линии Северо-Западной ж. д., имея Венден, как центр, а кавалерия в районе станций Зегевольд—Лигат, и на Двинском и Якобштадтском, 187 пех. див., которой указывалось расположиться по-бригадно в районе Режицы вдоль железных дорог на Крейцбург и на Двинск. XXVIII корпус был из состава 12 армии передан с его участком в состав 5 армии ⁵⁾.

К этому времени фронт 12 армии тянулся от м. Войсте, что 30 вер. южнее Пернова, до с. Клапкальнцем ⁶⁾ и далее на Олай к с. Борземюнде, где он переходил на правый берег Зап. Двины, по которому шел до стыка с 5 армией, между Фридрихштадтом и Якобштадтом.

Севернее 12 армии находился район морской крепости Ревель, которой подчинялись и войска, оборонявшие острова Моон-Зунда.

¹⁾ Директ. 30/VII № 3916/Б. Там же, д. № 475.

²⁾ Донесение 12/VII № 3570/Б. Там же, д. № 676.

³⁾ Воен. аг. в Париже—Ставке 14/VII № 933. Там же.

⁴⁾ Тел. Мин. Ин. Дел 26/VII № 3271. Там же.

⁵⁾ 18/VII № 3701/Б. Там же, д. № 475.

⁶⁾ Схема № 10.

12 армия состояла из 5-ти сильного состава корпусов (в 3—5 дивизий), расположенных следующим образом: VI Сиб. корп., составлявший правый фланг, занимал сильно выдававшийся вперед участок левого берега р. Зап. Двины, перехватывая Туккумское и Кальцемское направления; II Сиб. корп. оборонял доступы к Риге со стороны Митавы (Олайское направление) и XLIII переграждал пути от Бауска и Нейгута (Кеккауское направление), примыкая свой фланг к р. Зап. Двине у д. Борземюнде, южнее острова Дален.

Общий фронт этих корпусов был свыше 80 верст; XXI корп. тянулся по правому берегу р. Зап. Двины от Борземюнде до стыка с 5 армией, на протяжении около 100 верст.

XIII корп. сосредоточивался на приморском участке фронта.

Таким образом, центр тяжести обороны 12 армии, вызвавший и сосредоточение большей части ее войск, лежал на левом берегу Зап. Двины, прикрывая важнейший политический и стратегический пункт всего Северного фронта, Ригу. Кроме этой, вполне определенной задачи, сосредоточение значительных сил на Рижском направлении было также следствием неоднократных наступательных попыток, имеющих место именно в этом районе.

В конце июля ст. ст. командарм 12 Радко-Дмитриев был заменен на этом посту Парским, генералом, наиболее сочувствовавшим управлению армией на коллективных началах комитетов, комиссаров и строевого начальства.

Он несколько видоизменил вышеизложенную группировку войск, растянув корпуса левого берега р. Зап. Двины до устья р. Огер и соответственно уменьшив правобережный участок XXI корпуса. В резерв командарма, кроме указанных выше свежих прибывающих частей, были назначены всего три дивизии: 4 Сиб. и 136 пех.—за правым флангом армии и одна дивизия XXI корп.—за ее левым флангом ¹⁾.

Полученные сведения о сосредоточении значительных немецких сил в лесистом районе Балдона, против Иксюля, заставили Верховное Командование ²⁾ обратить внимание на это направление, почему к 12/25 августа правый фланг левобережной группы был оттянут верст на 12—15 назад на так называемую Франкендорфскую позицию, примерно на линии Шлок—зап. берег оз. Бабит-Олай, что ставило в менее опасное положение войска левого берега Зап. Двины, в случае переправы немцев через эту реку у Иксюля или южнее, сокращало фронт и давало возможность за счет этого сокращения увеличить армейские резервы. В резерве командарма

¹⁾ Дир. 3/VIII № 3611. Там же, д. № 493.

²⁾ Тел. Ставки Сев. фронту 24/VII № 5396. Там же, д. № 676.

было сосредоточено, таким образом, 4 пех. и 1 кав. дивизии (4 Сиб., 136 и 33 п., 2 лат. бр. и 17 кав) на рижском направлении, преимущественно на правом берегу Зап. Двины, и одна дивизия (116) за XXI корпусом ¹⁾.

Августовская операция на Рижском фронте была редкая в летописях военной истории операция, в которой мы могли по полученным сведениям почти с математической точностью определить не только место нанесения ударов, но и время. Ясно было, что удар назревал из района Балдона в восточном или в северном направлениях. Не менее ясным, казалось бы, должно быть, что немцам, которым все равно необходимо было для развития операции переправляться через Двину, гораздо выгоднее сделать это сразу там, где они уже занимали берег реки, чем наступать от Балдона на север, чтобы потом все-таки ее форсировать, но упустив элемент неожиданности для нас. И это тем более, что переправа через Двину в районе между Иксколем и Фридрихштадтом передавала без боя Ригу в их руки.

Высшее командование и старалось поэтому еще более усилить 12 армию. 12/25 августа в район станций Зегевольде Лигат была срочно направлена бригада 24 пех. дивизии, а расположенная там 5 кавдивизия перешла в подчинение командарм 12 ²⁾. Вслед за этим 19 августа (1 сент.) туда же была направлена 36 пех. дивизия.

Парский ознакомит директивой от 13/26 августа ³⁾ свои войска с предполагаемым им, в случае наступления германцев, образом действий.

„По данным разведки выясняется, что противник главным образом сосредоточивает свои силы в районе Балдон“.

„Это дает мне основание предполагать, что районом главного своего удара немцы намечают район острова Далена и к югу от него, демонстрируя где либо на Олайском, Мангельском или Кальнцемском участках Рижского плацдарма“.

„Так как из всех участков фронта армии наибольшее значение я придаю участку Двины—остр. Дален, Огер, так как успех противника здесь поставит в весьма тяжелое положение всю армию, то удержание во что бы то ни стало этого участка я ставлю своей главной задачей, для чего держу за ним большую часть своих резервов, расходовать которые на другие участки я буду только в том случае, если план действий противника в достаточной степени выяснится и опасения за форсирование Двины южнее Далена отпадут. До тех пор левобережные участки должны рассчитывать глав-

¹⁾ Дир. 5/VIII № 3653. Там же, д. № 493.

²⁾ Дир. 12/VIII № 4158/Б. Там же, д. № 475.

³⁾ № 3840/п. Там же, д. № 493.

ным образом на свои силы и на поддержку только моего левобережного резерва (4 Сиб. и 17 кав. дивизий“).

Основной план действий Парского в общем сводился к тому, что, в случае атаки противником участка VI и II Сиб. и XI-III корпусов, задачей им ставилось самое упорное удержание занимаемых ныне позиций своими силами при содействии артиллерийского огня и небольших активных действий соседних левобережных частей. При действиях же противника на Двине комкорам XI-III и XXI не допускать его высадиться на берег. В общем, весьма длинная директива ничего существенного, кроме приведенного выше, если это считать существенным, не дала; все остальное было заполнено указаниями любого курса тактики, ничуть не освещая основной мысли командарма. Продумавши долго эту длинную директиву, невольно задаешь себе вопрос, зачем она писалась, когда все было сказано в первом абзаце.

Приступая к описанию Рижского прорыва, я должен огорчиться относительно тех источников, которыми я при этом пользовался. Передо мною лежит рукопись Парского, командарма 12, „Рижская операция 19—26 августа (1—8 сентября), составленная по воспоминаниям и заметкам“. Личное описание операции, составленное командармом, проводившим эту операцию, должно иметь громадную ценность, хотя бы и написанное по воспоминаниям и заметкам три года спустя после совершившихся событий. С другой стороны, передо мной подлинные дела, в виде директив и оперативных распоряжений Ставки, фронта и 12 армии, а, главное, ежедневные донесения во время операции самой 12 армии, которые во всяком случае нельзя упрекать в том, чтобы они факты извращали в худшую сторону по сравнению с тем, как их рисовал себе командарм.

Сопоставление и вдумчивое исследование рукописи Парского, с одной стороны, и бывших у меня архивных документов, с другой, указывает на такое несходство их между собой в отношении освещения, даваемого первым документом, и фактами, приводимыми остальными, что пользоваться вместе и тем, и другим не представляется возможным. Я свое описание основываю исключительно на архивных документах, совершенно не принимая во внимание рукопись Парского.

18/31 августа немцы открыли очень сильный огонь против левобережного участка позиций 12 армии, действуя особо интенсивно на Туккумском направлении; напротив, на фронте реки Двины перестрелка носила обычный характер, а на участке остр. Дален—Огер имела пристрелочный вид. В этот же день через Двину переплыл немецкий перебежчик, который предупредил о начале наступления.

В 5 час. 19-го (1-го) противник открыл ураганный огонь могущественной артиллерии (до 500 батарей, по показаниям

перебежчиков) к северу от ст. Икскюль и сильный огонь всех видов на близ лежащих участках. Быстро погасив огонь нашей артиллерии и расстроив стоявшую здесь 136 пех. дивизию, немцы переправились без потерь на правый берег Двины в 2-х верстах севернее Икскюля и начали наступать в северном направлении ¹⁾.

К месту прорыва тотчас же были направлены резервы. 136 дивизия успела занять траверсную позицию примерно на фронте Марьюшки, что на берегу Двины до Бунче, на р. М. Эгель; 2 латбригада заняла позицию на этой реке; 33 дивизия перешла от мз. Линденберг в контр-атаку против немцев и первоначально откинула их за линию жел. дор., но потом принуждена была отойти и к ночи остановилась на линии мз. Линденберг—Огер. XXI корп. оставался на месте. 4 Сиб. Див. и бриг. 24 пех. див. и 5 кавдивизия находились в движении к месту прорыва.

Немцы в этот день продвинулись примерно севернее линии Куртенгоф—Купфергаммер—Стридекшу Галс. Огнем тяжелой артиллерии они обстреливали Ригу.

Прорыв на Рижском фронте свершился в то время, когда отношения между Корниловым и Керенским настолько обострились, что окончательный открытый разрыв между этими двумя лицами был неминуем.

Этим и можно об'яснить следующую надпись, сделанную Корниловым на донесении о результатах борьбы на Двине в течение 19 августа (1 сентября):¹⁾

„Прошу заготовить телеграмму Военному министру, Министру Председателю, указав на состоявшуюся уже переправу противника у Риги и на возможность дальнейшего развития операций противника на Северном фронте, и настойчиво заявить о необходимости: 1) подчинить мне в оперативном отношении Петроград, с целью теперь же приступить к осуществлению мер, намеченных мною для обороны столицы, и 2) скорейшее проведение мероприятий, указанных в докладе“ ²⁾.

Парский на бой первого дня реагировал направлением к месту прорыва всех своих резервов и переходом в контр-атаку, имея целью отбросить противника за реку. Руководство контр-атаками возлагалось на командира XLIII корпуса, на участке которого произошел прорыв. Лицу этому были для контр-удара непосредственно подчинены 136, 138 и 33 пех. див., 2 латбригада и бригада 116 пех. див. Корпусам левобережного участка было приказано отойти на тыловую позицию примерно по линии Бильдерланггоф—Линденриу—Вевер, выделив сильные резервы. Сам командарм продолжал оставаться в Риге, т. е. уступом вперед по отношению к пе-

¹⁾ Схема № 11.

²⁾ Дела Ставки № 631.

реправившемуся через Двину противнику. Вопросы о фактическом управлении армией при таком положении, надо полагать, быть не могло¹⁾.

О положении дел 20 августа (2 сентября) ясного представления себе составить нельзя; судя по сводкам, его не было и у командарма, который не имел связи с левофланговыми корпусами. Определенно только можно установить, что корпуса, на левом берегу расположенные, благополучно отошли на тыловую позицию. Контр-удар же XLIII корпуса, видимо, не состоялся, так как оперативные сводки упоминают о прорыве немцами латышей 20-го(2) у Мельмугера. После чего они откатились на север и восток, а утром 21(3) немцы вновь прорвали их и заняли Вальденроде и Рекстин; части 33 дивизии уже днем 20(2) были атакованы немцами у Кранцема и отброшены на восток. Из этого можно заключить, что XLIII корпус в течение 20(2) числа продолжал свой беспорядочный откат на восток. Насколько командарм был не в курсе событий указывает его директива на 21 августа (№ 4024), которой на 21 XLIII корп. указывалось оборонять линию, давно уже им оставленную.

В ночь с 19 на 20 (1—2) немцы прорвали также и расположение XXI корпуса, южнее м. Огер, и развили свой прорыв к р. Огер.

На запрос Корнилова о поведении войск в боях 19 и 20 августа Парский уклонился от ответа, ограничившись цитированием телеграммы комиссара Войтинского, находившегося при XLIII корпусе. Войтинский считал поведение войск в эти дни геройским, что вызвало следующую телеграмму Корнилова главнокомандующему: „Я интересуюсь мнением командного состава о поведении вверенных им войск. Оценка боевой деятельности войск, делаемая комиссарами, никакого значения для меня не имеет“²⁾. „Повидимому армией управляет Войтинский, а не Парский“—написал на донесении Парского свою ироническую заметку наштаверх Лукомский. По показанию немецких пленников, подтвержденных мемуарами Людендорфа, русская пехота в контр-атаки не переходила, сопротивления не оказывала и, не принимая боя, отходила назад³⁾.

В ночь на 21 августа (3 сентября) наши войска очистили Ригу и Усть-Двинск, взорвали мосты и к утру расположились: VI Сиб. корп. от устья Двины и далее по восточному берегу оз. Киш; II Сиб. корп. за оз. Егель и р. Бол. Егель, присоединив к себе оторвавшиеся от XLIII корпуса 109 и 110 пех. дивизии. Давление противника было только на левом фланге II Сиб. корп. со стороны прорвавших XLIII корпус частей.

¹⁾ Дир. 20/VIII № 3984. Там же, л. № 493.

²⁾ 21/VIII № 6213. Там же, л. № 1024.

³⁾ Дон. фронта 24/VIII № 6614. Там же.

В виду угрозы быть откинутым к северу от Псковского шоссе, II Сиб. корп. было приказано еще днем 21(3) начать отход вдоль Псковского шоссе к дачам Мари.

Отход этого корпуса совершался при крайне трудных условиях. Благодаря захвату немцами всех ближайших проселочных дорог, все устремились на шоссе, оказавшееся совершенно запруженным. Отступление прикрывалось рядом боковых авангардов к стороне прорванного XLIII корпуса; кроме того, к м. Плануп был выслан 5 Донской казачий полк. Противник здесь 21 прорвался к мызе Роденпойс.

В XLIII корпусе боеспособными остались только 5 и 17 кавдивизии и партизанский отряд Глазенапа, которые и сдерживали противника на фронте Рекстин—Кангероге. Вся же пехота (186 п. д., 2 стр. латбриг. и 24 п. див.) „представляла собою лишь толпу, совершенно запрудившую всю дорогу от Бидер до мз. Лембург и отступавшую в полном беспорядке¹⁾“.

В XXI корпусе принимались меры к устройству оторвавшейся от XLIII корпуса 33 дивизии на линии Кангероге—Шубарзд и к сохранению ею за собой большой дороги на Сунцаль.

Вся армия получила приказ отходить или, вернее, собираться на Венденских позициях. Для обеспечения этого сбора командарм двинул со ст. Зегевольд только что прибывшие туда три полка 36 дивизии (XIII корп.) на фронт мз. Аллаж—мз. Лембург.

22 августа (4 сентября) армия продолжала свой откат на Венденские позиции, причем наиболее энергичные действия противника были направлены против левого фланга II Сиб. корпуса. Натиск против XLIII корпуса прекратился.

VI Сиб. корп. в этот день спокойно отходил на Венденские позиции. II Сиб. корп., атакованный противником в районе Хинценберга, также продолжал отход на свой участок позиций, не имея возможности выждать сосредоточения всех дивизий. Отход с левого фланга прикрывали 5 и 17 кавдивизии; артиллерия проталкивалась вперед к ст. Лигат, чтобы оттуда уже ее распределить по позиции.

В XLIII корпусе была организована оборона узла дорог у мз. Аллаж из непотерявших еще боеспособность частей: 2 латбригада собиралась у Нитау; бригада 24 п. див. у Лембурга.

Чтобы дать отходящим частям устойчивость при остановке на Венденской позиции, командарм выслал прибывшие к нему полки 36 пех. див. для перехвата Псковского шоссе и 10 Турк. стр. дивизию в район мз. Клингенберг—мз. Нитау.

¹⁾ Донесение штарма 12 за 21/VIII. Там же, д. № 631.

XXI корпус устраивался на линии Дец—мз. Рингмунгсгоф. В ночь на 23(5) VI Сиб. корп. начал отходить за линию р. Мелупе, держась правым флангом берега моря, а левым р. Аа у Вольмарского шоссе.

VI Сиб. корпус продолжал отход в порядке и в сборе, кроме 18 Сиб. див., отходившей отдельно. Отход прикрывался у ст. Хинценберг частями 5 и 17 кавдивизии, усиленных двумя ротами, броневиками и батальоном смерти. 136 див. утром подошла уже к ст. Лигат. Согласно сводки от 23 августа отступление II Сиб. корпуса носило самый беспорядочный характер. Пехота бросала свою артиллерию, винтовки и снаряжение; значительное число солдат уходило на ближайшие станции жел. дорог и уезжало по домам. Их бродячие толпы мародерствовали по окрестностям.

Арриергард XLIII корпуса (остатки 186 п. див.) удерживался на линии Пельне—Морицберг.

В общем нажим противника почти прекратился по всему фронту и частям II Сиб. и XLIII корпусов удалось ускользнуть от соприкосновения с ним.

XXI корп. занял к утру 23(5) линию Кастран—Фридрихштадт, имея задачей занять к 24(6-му) фронт мз. Юргенсбург—оз. Лобе. Участок от оз. Лобе до ст. Кокенгаузен прикрывался 4 кавдивизией, имеющей в резерве части 3 Особ. дивизии, переданной из 5 армии. В тыл этого района подвзались части 1 арм. корпуса.

24 августа (6 сентября) 12 армия начала устраиваться без давления противника на Венденских позициях. Отход армии можно считать законченным. Потери за эту операцию приведу по рукописи Парского, как не преувеличенные. Он их определяет, по своим заметкам, около 18 тыс., из которых до 8 тыс. пропавших без вести. По сведениям Ставки, потери исчислялись в 25 тыс., из которых 15 тыс. пропавшими без вести, 170 пулем. и до 280 орудий.

Относительно численности немцев, действовавших при прорыве, разведывательные сводки определяют число их, фиксируемое взятыми пленными, в 4 дивизии; Парский считает предположительно, что было еще столько же.

Директивой Парского, которой он вновь взял армию после ее отступления в руки, следует считать отданную 25 августа (7 сентября). Во время же самого отхода директивы отдавались с таким запозданием, что события их опережали, и они, кроме пуганицы, ничего не вносили.

Между 20 и 25 вся тяжесть управления легла на корпусных командиров, а не командарма. Но одному Парскому нельзя поставить этого в упрек; таково естественное положение штаба крупного соединения, поставленного на одной линии с фронтом войск, им управляемым. Из Риги нельзя

было руководить армией, отступающей от Двины на Венденские позиции; в Вендене же связь подготовлена не была.

В своей директиве от 25 августа (7 сентября)¹⁾ Парский писал: „Несмотря на чрезвычайно трудные условия, армии удалось выйти из создавшегося тяжелого положения. Армия оторвалась от противника и устраивается на Венденской позиции. Эту позицию, одну из последних на путях к Пскову и Петрограду, необходимо удержать во что бы то ни стало.

„Правее нас наш флот, господствующий в Рижском заливе и обеспечивающий правый фланг армии. Левее нас 5 армия, которая займет позицию от Сникер на озеро Лобе. Приказываю:

1) Комкор XIII (4 Донск. каз. див. и Приб. кон. бр.) охранять Рижское побережье от Войсте (у Пернова) до устья р. Петерупе.

2) Комкор VI Сиб. (3, 14 и 18 Сиб., 136 пех. и 5 кав. дивизии) оборонять участок Венденской позиции от устья р. Петерупе до р. Аа исключительно.

3) Комкор II Сиб. (4, 5 и 20 Сиб. див., 1 латбр. и 17 кав. див.) оборонять участок Венденской позиции от р. Аа включает до Ратнек исключит.

4) Комкор XLIII (109, 110, 186 и 36 п. див. и 2 латбриг.) оборонять участок от Ратнек через мз. Нитау до мз. Юргенсбург.

5) Комкор XXI (44, 116, 185 пех. и 3 Ос. див.) оборонять участок от мз. Юргенсбург до р. Огер, западнее Сникер.

6) Армейский резерв: 10 Турк. стр. див.—в районе мз. Рооп и 24 пех. див.—в районе Вендена...

10) Корпусам выслать в главнейших направлениях сильные конные отряды, поддержанные пехотными частями, достаточно сильные для того, чтобы сбить разведку и охранение противника и определить его главные силы...“

Войска на этой линии остановились. Немцы их не атаковали, так как это не входило в их расчеты²⁾. Здесь имел место редкий в империалистической войне факт. Обе стороны остановились друг от друга так далеко, что потеряли тесное соприкосновение. Это обстоятельство дало возможность 12 армиям начать продвижение своими авангардами до тесного соприкосновения с противником. Такое продвижение и началось 27 августа (9 сентября), при чем к 3(16) сентября авангарды продвинулись на 1—2 перехода вперед, достигнув линии, указанной на схеме № 11.

Здесь Парский их приостановил впредь до полного выяснения группировки противника. Он считал перед своим фронтом 18 пех. и 4¹/₂ кавал. дивизий, причем часть сил прини-

¹⁾ № 4202. Там же л. № 493.

²⁾ Людендорф.

мал условно, не обнаруженных пленными. Войска эти большей своей частью группировались в районе Петроградского шоссе, к северу от него и против стыка 12 и 5 армий¹⁾.

Что же можно сказать в стратегическом исследовании о только что изложенной операции? Ничего или почти ничего.

Немцы, наученные опытом Юго-Западного фронта, толкнули наши войска при помощи своей могущественной артиллерии и смотрели, что будет дальше. Войска покатались назад, немцы следовали за ними, стараясь использовать благоприятно сложившуюся обстановку для нанесения нам больших потерь, пока у них хватило сил. После этого немцы остановились, остановились и мы.

Рижская операция начиналась при редко благоприятной для нас обстановке. Мы не только знали заблаговременно о ней, но по сосредоточению немецких войск знали примерно и район их главного удара, а по показанию перебежчика и точное время начала ее.

Это дало нам возможность соответственно сгруппировать армейские резервы и направить на Рижское направление резервы фронта (24 п., 45 п., 36 п. див., 10 Турк. стр. див.). Двинутые в контр-атаку на второй день прорыва армейские резервы, не об'единенные в одних руках, пользы делу не принесли.

С 21 августа (3 сентября) они распылились между корпусами и с тех пор фактического армейского руководства операцией не видно, кроме направления пакетами вновь прибывающих частей для замыкания постоянно образующихся прорывов, хотя директивы и отдавались каждый день. Не видно, собственно, и работы фронта, которая ограничилась только направлением в 12 армию мелкими частями подкреплений и приказа отойти на Венденские позиции.

Вся работа легла на плечи корпусных командиров и, особенно, на комкор II Сиб. Новицкого и XLIII арм. Болдырева.

Характер операции 12 армии вызвал также суровую критику наштарма 5 А. Свечина в письме к Наштаверху Лукомскому²⁾.

„Беспокойство за судьбу Северного фронта,—писал он,—заставляет меня непосредственно обратиться к вашему превосходительству. Надо признать, что Рижский разгром, кроме развала 12 армии, вызван и многими ошибками главкосева. Главная из них—стремление все обеспечить, всюду иметь бригаду в резерве, переброска войск малыми пакетами, введение резервов в бой по полкам и бригадам, что обращает их на верное поражение и только увеличивает об'ем массы, потер-

¹⁾ Дир. 2/IX № 4468. Там же.

²⁾ 24/VIII № 240. Там же, д. № 1024.

певшей крушение. Отсутствие плана, решимости, разброска и растяжка сил—вот главные черты стратегии Северного фронта. Обиравая теперь 5 армию, стремясь растянуть фронт чуть ли не до Ревеля, непосильно растягивая не разбитые еще части, генерал Клембовский готовит и 5 армии незаслуженный ею погром.

„Основой нашего оборонительного плана должна быть возможная ликвидация прорыва, стремление сохранить возможно дольше и возможно больше позиций на Двине, благо железные дороги позволяют нам базироваться куда угодно—хоть на Орел. Во имя этого плана необходимо подходящие подкрепления не подбрасывать в развращенную атмосферу 12 армии, а, пользуясь железнодорожными узлами Крейцбург и Штокмансгоф¹⁾, собрать здесь внушительный кулак, существование коего на фланге лучше всего обеспечит Венденские и следующие позиции. Если бы неприятель предупредил это сосредоточение, необходимо воспользоваться непроходимыми болотами около оз. Лубан—нашим Полесьем—и закупорить болотистые теснины между ним и Двиной, сохраняя весь Двинский плацдарм, а на попытку обхода Лубанского Полесья с севера ответить сосредоточением кулака в районе Псков—Остров. Но тянуть все резервы на приморское направление, чтобы напитать (?) все расширяющийся фронт—это недоразумение, которое быстро поведет к новой катастрофе.

„Сохранение Двинска—лучшая защита Петрограда. Занятие фланговой позиции между Двинском и Псковским озером целесообразнее сомнительного сосредоточения перед Ревелем.

„И, кроме стратегии, нам нужен прежде всего твердый человек на посту главнокомандующего, умеющий предъявлять требования и заставить себя слушаться“.

Письму Свечина суждено было погибнуть все. Все помыслы Клембовского были далеки от сбора сильного кулака или занятия фланговых позиций. Все его помыслы были направлены на отход назад.

„Отступление 12 армии настолько дезорганизовало ее, писал он командарму 5²⁾, что остановиться для отпора противнику на неподготовленной в инженерном отношении позиции она положительно не в состоянии, а потому левый фланг ее должен дойти до Эрла³⁾. Если поддержание связи с нею возможно только при условии занятия вами линии Эрла—Глазманка, то это должно быть исполнено, хотя бы ценою очищения¹ Якобштадтского плацдарма“.

¹⁾ Схема № 3.

²⁾ 22/VIII № 4383. Там же, д. № 475.

³⁾ Схема № 10.

23 августа (5 сентября) Клембовский доносил Главно-верху¹⁾, что он полагает, в случае невозможности для 12 армии удержаться на Венденской позиции, занять до отхода на Псковские позиции промежуточную позицию по линии Пернов—Валк—оз. Лубан и далее, в зависимости от обстановки, или по линии Прели—Рушаны—Браслав, или оз. Разно—Дрисса. Если бы не удалось удержаться и на этой позиции, то 12 армия должна была занять линию Пернов—оз. Вирц—Юрьев—Чудское озеро, а 5 линию Псковское оз.—Остров—Себеж—оз. Освея—Дисна.

Корнилов не одобрил отступательной тенденции Северного фронта и, желая сохранить в своих руках Двинский район, приказал, даже в случае оставления Венденских позиций 12 армией, 5 армии занять позицию по линии оз. Лубан—Вейна—Медневка—Герцал, к укреплению которой и приступить²⁾. В то же время на Северный фронт была двинута масса свежих войск, которые направлялись: 1 пех. див. в Валк, 45—в Вольмарн, 81—в Режицу, 29—в Остров, 16 кавдивизия в Валк, 2—в Крейцбург и 14—в район 12 армии³⁾.

Весь ужас Рижской катастрофы был заслонен политическим выступлением Корнилова и столкновением между общественными группами.....

Результаты столкновения известны. Корнилов и сочувствовавшие ему командармы были арестованы. Пост Верховного Главнокомандующего принял на себя Керенский, взяв к себе начальником штаба Алексева. Во главе фронтов и армий были поставлены лица, избранные по своим революционным, а не боевым качествам.

Армейская масса, давшая победу Керенскому и окончательно почувствовавшая себя владычицей положения, пошла быстрым темпом к окончательному разложению. Вера ее в оставшийся еще командный состав была окончательно подорвана, благодаря, совершенно не соответствовавшему политическому положению, выступлению Корнилова.....

¹⁾ № 4389. Там же.

²⁾ 29/VIII № 4603. Там же.

³⁾ 25/VIII № 4461. Там же.

ГЛАВА V.

Операция немцев против Моонзундских островов. Некоторые мысли о кампании 1917 года. Конец войны. Заключение.

Началась последняя глава участия России в Европейской войне. Керенский, получив, должно быть, соответствующую подготовку на посту военного и морского министров, возложил на себя звание Верховного Главнокомандующего. Алексеев был принужден на некоторое время взять на себя должность начальника штаба Керенского, но вскоре был заменен на этом месте Духониным. Главнокомандующим Северным фронтом был назначен Черемисов, составивший уже себе отрицательную командную репутацию на Юго-Западном фронте, но твердую революционную в духе Керенского. До приезда Черемисова командовал фронтом Бонч-Бруевич. Парский после Рижской неудачи был отправлен командовать 7 армией. Во главе Западного фронта стал Балуев, во главе Юго-Западного—угодный Украинской Раде Володченко. И только во главе Румынского фронта бесменно оставался, пережив все политические пертурбации, Шербачев.

„При настоящем положении армии, писал Алексеев Начальнику Генерального Штаба 2 (15) сентября¹⁾, переход в наступление не представляется возможным и послужит только к дальнейшему расстройству войск. Нужно откровенно сказать себе и Временное Правительство должно определенно установить ту точку зрения, что с армией, столь расстроенной, невозможно думать о широких активных ударах и допустимы только мелкие частные удары полками, быть может, дивизиями. Повторяю, что армия совершенно больна. Все усилия правительства должны быть направлены на одно—на восстановление дисциплины, на возвращение войск к нормальной жизни, на усиленное обучение, так как фактически никаких серьезных занятий за последние пять месяцев войска не производят и не желают. Нужны законы, которые позволят начать возрождение и обучение армии, но законов этих пока нет и болезнь армии безнадежно затягивается, угрожая гибельными и уже непоправимыми последствиями. Только тогда,

¹⁾ № 6562. Там же, д. № 676.

когда правительство перейдет на путь решительных мер, возможно будет кое-как наладить боеспособность армии и говорить о наступательных задачах“.

8 (21) сентября был последний отголосок действий на Двине. В этот день немцы, желая обеспечить на ней положение на своем правом фланге, атаковали XXVIII корпус в Якобштадтском тет-де-поне и оттеснили его на правый берег реки.

Обеспечив свой правый фланг, неприятелю естественно следовало позаботиться и об обеспечении левого фланга своей Рижской группы, для чего ему необходимо было завладеть Рижским заливом и прикрывающей его группой Зундских островов.

Своей очередной задачей противник и поставил себе овладение островами Эзель, Даго и Моон.

В течение августа и сентября наша Ставка имела основательные данные о подготовке немцами обширной морской и десантной операции в Балтийском море. В позднейшее время эти сведения определенно указывали, что операция будет предпринята именно против Рижского залива и даже достаточно верно указывался день начала действий противника.

Сюда было обращено внимание и Ставки, и Северного фронта.

Моонзундская сухопутная позиция, также как и все южное побережье Финского залива, были переданы в руки моряков, которые, впрочем, подчинялись Главкосеву. На оборону островов было обращено хоть относительное внимание с точки зрения морской, но почти ничего не было сделано в сухопутном отношении.

Только в одном месте острова Эзель была вторая линия окопов и то доведенная до профили „с колена“.

Алексеев, судя по его телеграмме Главкосеву от 6 (19) сентября¹⁾, видимо не рассчитывал на прочное удержание островов в наших руках и делал свои распоряжения об обеспечении хотя бы небольшими частями (10 Турк. стр. див.) Пернова, как главного пункта побережья. „Войска, обеспечивающие Пернов и его район от высадки, писал он, явятся первыми, на которые выпадут задачи по обеспечению операции переброски наших сил с островов Даго и Эзель на материк, по обеспечению подступов к Ревелю с суши и по прикрытию направления на Нарву“.

Главкосев возложил первоначальную оборону Пернова и преграждение противнику путей от него внутрь материка на XIII корпус и в частности на 1 пех. дивизию, которая 3 (16) сентября была туда направлена из Валка. В районе Гайнаша сосредоточивалась 10 Турк. стр. дивизия и в районе

¹⁾ № 6659. Там же д. № 1024.

Валка—Вольмар 45 пех. див. и Эстонский полк ¹⁾). „Воспрепятствовать высадке на всем побережье нельзя“, писал по этому поводу новый наштаверх Духонин ²⁾). „Это ведет лишь к разброске сил и к расходу ценных для фронта резервов“.

На север были направлены четыре пехотных и две кавалерийских дивизии и больше железные дороги не в состоянии были подавать туда войск. Но новый главкосев Черемисов был вообще настроен оптимистически и все слухи о десанте представлялись ему „необоснованными, а по времени года большие операции на Северном фронте сомнительными“ ³⁾).

В виду переполнения Северного фронта войсками туда было направлено из Юго-Западного фронта полевое управление 1 армии, которому был передан участок между 12 и 5 армиями.

Обращаясь к описанию операции на островах Эзель и Даго, мне для полноты изложения придется несколько коснуться обороны всего Балтийского моря, описание которой в полном объеме войдет в отдельный очерк стратегических действий морских сил.

Оборона Балтийского побережья к северу от Войсте ⁴⁾ и берегов Финляндии находилась в ведении командующего Балтийским флотом, который осенью 1917 года находился в подчинении главкосева. С этой целью ему, кроме флота, были подчинены крепости Свеаборг и Ревель и все сухопутные войска, расположенные на островах и побережья к северу от Войсте ⁵⁾).

К концу сентября (началу октября) всего состояло в распоряжении комфлота следующее количество войск: На Або-Аландской укрепленной позиции 3 батал., 38 пул., 12 лег. и 12 креп. орудий; в Ганге 4 бат. и 24 пул.; в Свеаборге 15 бат., 6 эск., 98 пул. и 463 креп. орудия; в Ревеле 16 бат., 5 эск., 172 пул., 18 лег. и 798 креп. орудий и в районе Моонзундской укрепленной позиции 15 бат., 5 эск., 140 пул., 60 лег. и 108 креп. орудий.

Действующий Балтийский флот состоял из: Действующей эскадры в две бригады линейных кораблей (8 кор.), базировавшихся на Свеаборг и Ревель, и две бригады крейсеров (9 крейсеров) с базами в Лапвике, Свеаборге и Ревеле,

¹⁾ Бонч-Бруевич, Алексееву 8/IX № 4852/Б. Там же.

²⁾ Там же.

³⁾ Разговор по Юзу с Духониним 11/IX. Там же.

⁴⁾ Схема № 10.

⁵⁾ Подробное описание Моонзундской операции читатель найдет в труде Ф. Васильева того же названия, который послужил для меня одним из источников.

и Минной обороны, состоявшей из минной дивизии (57 эск. минон.), базировавшейся на Або-Аланд, Лапвик, Свеаборг, Ревель и Моонзунд, из дивизии подводных лодок (20 лод.) с базами в Або-Аланде, Ревеле и Моозунде, из отряда заградителей и дивизии траления.

Основная задача обороны Балтийского побережья и Финского залива заключалась в недопущении всеми силами противника проникнуть к востоку от главной Поркалауд-Норгенской позиции. Таким образом Або-Аландская и Моозундская позиции, обеспечивавшие первая юго-западные берега Финляндии и вход в Ботнический залив и вторая Балтийское побережье к югу от Балтийского порта и вход в Рижский залив, являлись по отношению главной задачи флота как бы авангардными или передовыми. Ставить на карту существование всего Балтийского флота для борьбы за них, видимо, не предполагалось.

Артиллерийское оборудование Моонзундской позиции состояло в вооружении батарей приморского фронта, которых на остр. Даго было 4 (всего на 16 тяж. орудий) и 1 зенитная (3 орудия) и на остр. Эзель 7 (всего на 20 тяж. орудий) и 13 противозаэропланых (44 зен. орудия). Кроме того, оборона Северного входа в Моозундский район обеспечивалась 6-ю орудиями и южного входа 21 оруд. и 6 пул. Наибольшее значение придавалось батарее у Цереля, вооруженной 12-ти дюйм. орудиями.

Инженерное оборудование было совершенно в зачаточном состоянии. На остр. Даго были только окопы по побережью; на остр. Эзель, кроме прибрежных окопов, имелось несколько узлов сопротивления внутри острова и укрепленная передовая позиция у Оррисара. Работы были в зачаточном состоянии; на узлах сопротивления профиль была для стрельбы с колена. Осенью 1917 года работы по усовершенствованию позиции производились на комиссионных началах с платой солдатам по 7—8 руб. в день. Это правило разлагающе действовало на солдат, которых нельзя было принудить работать на более дешевых или бесплатных условиях. Минные заграждения первоначально были поставлены в Ирбенском проливе, затем в Тагелахтской бухте, в Созло-Зунде и у Домеснеса. При этом передовая позиция была по недостатку мин не оборудована в полной мере.

В Ирбенском проливе, кроме того, было поставлено и подерживалось минное поле, к образованию которого начальник морских сил Рижского залива относился не одобрительно. Большая площадь его давала возможность неприятелю все время производить тралерные работы, обеспечивая от атаки наших миноносцев и лишала здесь наш флот активных действий.

В авиационном отношении позиция была обеспечена 24-мя аппаратами.

Ко дню высадки противника оборона островов была распределена следующим образом:

Оборона остр. Даго разделялась на три участка. Северная часть побережья от Кертеля до Мардиано оборонялась 4 р., 6 легк. оруд., 6 пул., 4 бомб. и 2 мин.; полуостров Дагерорт— 4 р., 10 пул. и 4 бомб. и побережье от Мардиано до Серро 4 р., 10 пул. и 1 кав. взвод. Кроме того было 16 тяж. оруд. береговых батарей, объединенных в отдельную группу.

Оборона остр. Эзель разделялась на четыре участка. Северо-западная часть, от Памерорта до Роцикюля, оборонялась 3-мя батальонами, 18 пол. и 20 зенитн. оруд., 8 бомб. и 2 мином.; от Роцикюля до Лео 1 батал., 12 пул., 6 оруд. и 2 сот.; полуостров Сворбе, от Лео до Карусте, занимался 3 бат., 12 п. оруд., 105 м/м батарей и 1½ р. сапер.; наконец, Ирбенский пролив и участок от Карусте до Коави оборонялись 3-мя ротами, 12 тяж., 15 зен. оруд. и 4 пул. В общем резерве на остр. Эзеле имелось 2 батал., 10 пол. орудий, 3 зенитн. батареи, 8 бомбом., 2 мином. и 1 сотня. Резерв был разбросан в Меделе, Аренсбурге, Насва, Менуста. Начальником обороны острова был начальник 107 дивизии. На охране побережья от Гапсаля до Вердера было 3 бат. и 2 сотни.

По боевому расписанию все упомянутые силы имели около 10 тыс. штыков. В действительности же гораздо меньше.

Морские силы Рижского залива для защиты Моозундской позиции состояли из 2 лин. кораблей, 1 крейсера, 3 канон. лодок, 8 новиков, 12 минон., 10 подв. лодок, 3 заград., 6 тральщ., 5 сторож. судов и трансп. Главной базой их был рейд Кувайст и отчасти Рогекюль.

Нравственное состояние войск не отличалось в лучшую сторону от всей армии.

С немецкой стороны в операции принимали участие части 23 корпуса в составе 42 пех. див., двух бригад велосипедистов, некоторых резервных и ландштурменных полков и специальных частей, всего около 23 тыс. чел. и 5 тыс. лошадей¹⁾. Флот состоял из 3 дредн., 13—14 лин. кораблей, около 50 миноносцев, большого числа тральщиков и 50—60 трансп.²⁾

Первой частной задачей флоту ставилось подавить батареи у бухты и форсировать миноносцами Соэло-Зунд, так как овладение Кассарским плесом признавалось особенно необходимым, чтобы обеспечить переход войск на Моон и помешать отходу русских из Рижского залива на север. Кроме того, флоту приказывалось произвести операцию перехода с боль-

¹⁾ Бои и сражения Великой Войны 1914—1918 г.г. Изд. Герман. Генер. Штаба.

²⁾ Нем. больш. флот в Мир. войне.

шой осторожностью и обеспечить ее такими силами, чтобы не было неудачи.

Мы так хорошо были осведомлены о готовившейся операции, что только на один день ошиблись в ее исполнении. Уже с раннего утра 29 сентября (12 октября) германский флот появился перед западным берегом островов Эзель и Даго, начал обстреливать все побережье, заставил замолчать береговую батарею у Ундва и занял миноносцами залив Тагелахт, где немцы и начали производить высадку. К 10 часам противник уже сбил береговую батарею у Нинас и начал высадку между Панк и Лигало.

426-й полк принял бой против высадившихся частей противника на линии узлов сопротивления Вехма—Одолац, но появление противника к югу от Лайсберг и угроза полку с тыла заставили его начать отступление к Аренсбургу, не смотря на помощь высланного ему последнего резерва. Для принятия отходивших был направлен к Аренсбургу батальон 472-го полка, расположенный на участке Муханино—Лео. Немцы продвинулись в этот день передовыми частями до линии Сауфер—Пирна, заняв мотоциклистами Хазик. Около 100 мотоциклистов и велосипедистов с пулеметами подошли к Ориссару и пытались завладеть дамбой, но были отогнаны ротой охотников с наших кораблей.

Командующий флотом, узнав о высадке, приказал направить к Кувайсту из Гапсаля 470 полк и из Ревеля 471 и батальон смерти, указав командовавшему Моонзундской позицией контр-адмиралу Свешникову ликвидировать всеми мерами высадку, упорно оборонять острова до прибытия подкреплений, после чего перейти к решительным активным действиям. С своей стороны Черемисов приказал направить к Гапсалью Эстонский полк из Ревеля и 45-ю дивизию из Вольмара, также указав на решительный переход в наступление.

Но Свешников, испросив разрешение исполнительного Комитета, в ту же ночь переехал для лучшего направления всей операции со своим штабом из Аренсбурга в Гапсаль, сдав команду на Эзеле начальнику 107-й пех. дивизии. Но перед отъездом он отдал своему заместителю приказ всем частям, за исключением гарнизона полуострова Сворбе, выполнявшего особую задачу, пробиваться на подготовленную Ориссарскую позицию и упорно удерживать в своих руках Ориссарский тет-де-пон, прикрываящий дамбу на ост. Моон, чтобы перейти с подошедшими резервами в решительное наступление. Для руководства этой операцией из Гельсингфорса был командирован сухопутный генерал Генрихсон. Черемисов направил из 12-й армии в Гапсаль еще 44-ю пех. дивизию.

Генрихсон, прибывши в Гапсаль, отдал приказ о переходе в наступление 2 (15) октября. 426-й и 472-й полки, оставав-

шиеся на острове, должны были сосредоточиться в районе д.д. Кельял и Путла с целью перехода в наступление в направлении на Сауфер и Кергель, имея задачей сбросить противника в море и войти в связь с отрядом, оборонявшим полуостров Сворбе. 470 и 471 полкам и матросскому ударному батальону приказывалось обеспечить прочное удержание за собой Орриссарского тет-де-пона и очистить от противника местность к западу до линии Факерорт—Путла. Но противник уже занимал не только Орриссар, но и Кельял и Удофер.

Попытки, произведенные флотом 30 сентября (13 октября), вытеснить противника из Кассарского плеса и затопить в канале Соэло-Зунд грузовой пароход, не увенчались успехом.

1 (14) октября неприятельский флот начал обстреливать батарею у Цереля. Желание продвинуться вперед от головы мола у Орриссара встречалось сильным пулеметным огнем немцев; там уже находилось около трех полков противника. Штаб 107-й пех. дивизии на Эзеле был взят в плен. Полки, направляемые на остр. Моон, митинговали и не желали садиться на транспорты.

2 (15) октября были потеряны нами Церельская 12" батарея и полуостров Сворбе. Немцы начали своими миноносцами проникать через протраленный проход в Ирбенский пролив. Командующий флотом признал, что с потерей батареи у Цереля Ирбенский пролив потерял для нас стратегическое значение, и приказал сосредоточить усилия флота на обороне южного входа в Моонзунд.

Попытка продвинуться в этот день подошедших на остров Моон резервов по дамбе на Эзель вновь потерпела неудачу. Усилившиеся немцы встречали наше продвижение не только пулеметным, но и артиллерийским огнем.

В ночь с 3 на 4 (16—17) октября неприятельская эскадра около 20 судов вошла в Рижский залив. Не смотря на большое превосходство сил противника, наш флот решил принять здесь бой, который был для него неудачен, и неприятель ворвался на рейд Кувайста. Два линейных корабля вошли в Малый Зунд и наши морские силы должны были перейти к остр. Шильдау.

На Даго, в районе Серро, происходила высадка неприятеля, который распространялся в глубь острова. Вечером было приказано начать эвакуацию Моонзунда...

.....
Можно ли сделать оценку кампании 1917 г. в стратегическом отношении? Я думаю, что нет.

С нашей стороны, если еще и можно отметить отблески военного руководства, то только в ведении июльской операции на Юго-Западном фронте. Здесь была еще некоторая

связь в распоряжениях главноюзя и в действиях войск. Здесь был замечен тот комбинированный отход, который носил в себе основы стратегического мышления. Операция Юго-Западного фронта держалась в руках; в ней даже самовольные уходы частей мало нарушали работу мысли высшего командования и быстро вводились им в русло планомерного отхода.

Совсем иное замечается в Рижской операции Парского. В ней командарм жил со своими запоздалыми директивами самостоятельной жизнью, а армия со своим стихийным отходом жила отдельно.

В Рижской операции руководства армией уже не замечается. В ней встречается только руководство командиров корпусов на поле сражения и в этом руководстве тактический исследователь найдет много интересного.

Что касается до Моонзундской операции, то в ней не было ни идеи, ни руководства, ни смысла. Совершенно непонятно почему, зная с точностью до одного дня намерение немцев атаковать острова, командование Северным фронтом не приняло мер или к реальной защите Моонзундской позиции при помощи главных сил флота или к своевременному уклонению от боя. Ход всей операции приобретает более чем легкомысленный характер.

Если обратиться к нашему противнику, то и здесь кампания 1917 г. дает мало поучительного. Это не была война двух регулярных армий, двух равных сторон. Немцы в 1917 г. вели собственно односторонний маневр с обозначенным противником...

Операцией захвата Моонзундской позиции следует считать полное окончание участия России в Европейской войне; русские войска перестали быть для немцев даже обозначенным противником.

Правда, и Керенский, и Черемисов отдавали еще ряд директив не только в отношении обороны подступов к Ревелю и Петрограду, в случае наступления противника, но даже и для кампании 1918 г. Но все эти распоряжения остались в области проектов, в исполнение приведены не были и имеют только академический характер многоречивых и мало поучительных директив.

Вслед за Моонзундской операцией в стране произошел новый сдвиг революции и власть перешла в руки Советов рабочих и крестьянских депутатов. Вопрос о выходе из состава воюющих держав был решен в определенной форме.

Всякие боевые действия на фронте прекратились с обеих сторон. Вместо стереотипных сводок—на фронте обычная редкая артиллерийская и ружейная перестрелка стали появ-

ляться такие же стереотипные сводки с однообразной фразой—на фронте обычное братание и меновая торговля¹⁾.

Во дни октябрьской борьбы и вслед за ней с фронта, по примеру Верховного Главнокомандующего Керенского, исчезло и большинство лиц высшего командования. Должности главнокомандующих фронтами и командующих армиями были заменены коллективными управлениями.

Советская власть приняла ряд мер постепенной демобилизации армии, чтобы этот сложный процесс произвести возможно безболезненно для страны.

В ноябре было заключено перемирие с немцами и было приступлено к переговорам о мире.

В то же время Советской власти пришлось, совместно с последовательной демобилизацией и полным разложением старой армии, подумать хотя бы о видимом прикрытии фронта.

Вопрос этот был разрешен, за отсутствием у правительства какой-либо организованной вооруженной силы, в виде образования пограничных войсковых завес. Ядром их послужили коммунистические ячейки старых войсковых сухопутных и морских частей, рабочих и добровольцев.

Под прикрытием этих малочисленных завес производилась демобилизация старой армии и были положены зачатки строительства Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Первые переговоры с немцами о мире не привели ни к чему. Поставленные противником тяжкие небывалые условия были неприемлемы даже для искренно желавшего мира Советского Правительства, вполне сознававшего необходимость для пользы страны купить мир, хотя бы самой тяжелой ценой. Переговоры были прерваны. Советское Правительство, не заключая формального мира, отказалось от ведения войны.

Немцы на это ответили новой операцией. Я затрудняюсь придать этой операции какой-либо военный термин. Таковой был бы более правильным искать не в военном словаре.

Они беспрепятственно и быстро покатались к Петрограду, почти не встречая сопротивления со стороны наших завес. Угроза обеим столицам, этому нервному центру революции, принудила Советское Правительство временно подчиниться еще более суровым требованиям центральных держав.

Брестский мир послужил официальным окончанием для России европейской войны, но не дал нашему бывшему врагу использовать его, так как был через несколько месяцев уничтожен германской революцией.

Последняя страница истории Петровской регулярной армии закрылась...

Первые страницы новой армии составят историю будущего.

¹⁾ См. ежедневн. сводки донесений армий и фронтов за ноябрь—декабрь 1917 г.

БОЕВОЕ РОСПИСАНИЕ к 15/ХП

(В.У. А. д. Ст. № 703).

	КАВАЛЕРИЯ.	ПЕХОТА.
Северный фронт.		
Балт. побер. и Фин.	— див.+2 бриг.	3 д. 16 б., 1 д. 12 б. — бр.
12 арм. 4 к-са	1 " 2 "	10 " — " 1 " — " 3 "
5 " 3 п. к-са и 1 к. к-с.	5 " — "	6 " — " 1 " — " — "
1 " 3 к-са	— " — "	5 " — " 2 " — " — "
Резерв. Вер. Гл-го 1 к-с.	— " — "	2 " — " — " — " — "
Итого на фронте 11 п. + 1 к. к-с.	6 див.+ 4 бриг.	26 д. — б., 5 д. — б. 3 бр.
Западный фронт.		
10 арм. 4 к-са	1 див.	9 д. — б., — д. — б. — бр.
2 " 5 к-сов	4 "	11 " — " 2 " — " 1 "
3 " 3 пех.+1 к. к-с.	4 "	8 " — " — " — " — "
Особая 7 п.+1 кон. к-с	3 "	15 " — " — " — " — "
Резерв Вер. Гл-го 1 к-с.	— "	2 " — " — " — " — "
Итого на фр. 20 пех.+ 2 к. к-са	12 див.	45 д. — б., 2 д. — б. 1 бр.
Формируется 6 див.	— "	— " — " 6 " — " — "
Всего с нов. дивиз.	12 див.	45 д. — б., 8 д. — б. 1 бр.
Юго-Западн. фронт.		
11 арм. 5 пех.+1 к. к-с.	4 див.	10 д. — б.,
7 " 6 " +1 " "	2 "	15 " — "
8 " 3 к-са	1 "	9 " — "
В рез. Гл-го 1 к-с.	— "	2 " — "
9 арм. 5 пех.+1 к. к-с.	3 "	13 " — "
В рез. Верх. Гл-го 1 к-с.	— "	2 " — "
Всего на фронте 21 п. + 3 к. к-са	10 див.	51 д. 16 б.

	КАВАЛЕРИЯ.	ПЕХОТА.
Румынский фронт.		
2 рум. арм.	5 див.+1 бриг.	5 д.16 б., 2 д.12 б. 1 бр.
4 арм 2 пех.+1 к. к-с.	2 " — "	4 " — " 1 " — " — "
6 " 3 " +1 " " "	3 " — "	7 " — " — " — " — "
В резерве 1 к-с	— " — "	2 " — " — " — " — "
Всего на фронте	10 див.+1 бриг. + перевозилось	18 д.—б., 3 д.—б. 1 бр. 2 " — " — " — " — "

Пехота.

Колич. неприят. дивизий на русск. фронте к 15/XII—без Румын.

Германских	16 пр. Сев. фр.+33 ¹ / ₂ п.З.ф.+16 п.Ю.-З.=65 ¹ / ₂ д.
Австрийских	— " " " 14 " " 27 " " =41 "
Итого	16 пр. Сев. фр.+47 ¹ / ₂ п.З.ф.+43 п.Ю.-З.=106 ¹ / ₂ д.

Кавалерия.

Германских	4 ² / ₃ д. пр. Сев.+4 д. п.З.ф.+1 д.Ю.-З.=9 ² / ₃ д.
Австрийских	— " " " 2 " " " 8 ¹ / ₂ " " =10 ¹ / ₂ "
Итого	4 ² / ₃ д. пр. Сев.+6 д. п.З.ф.+9 ¹ / ₃ Ю.-З.=20 д.

Соотн. сил наших и прот. на Юго-Западн. фр. к тому же времени.

11 арм. у нас	148 б.+23 с.+794 пул.+310 л.ор.+ 56 м.+56 т.о.
У противн.	130 " +25 эс. — " — " — " — " — "
7 арм. у нас	240 " +48 " +1102 " +554 " " + 72 " +92 " "
У противн.	140 " +15 " — " — " — " — " — "
8 арм. у нас	144 " +48 " + 686 " +211 " " + 71 " +29 " "
У противн.	90 " — " — " — " — " — " — "
9 арм. у нас	208 " +48 " + 916 " +439 " " +115 " +45 " "
У противн.	130 " +90 " — " — " — " — " — "

Сравнительная ведомость числ. русских и
непр. арм. к 11/ХП 1916 г.

(Там же).

	У нас.	У противн.	Разница.
Северный фронт.			
12-ая армия.			
Батальон.	184	66	+ 118
Эскадр.	51	24	+ 27
Легк. оруд.	529	218	+ 311
Гауб.	112	50	+ 62
Тяж. оруд.	245	300	- 55
5-ая армия.			
Батальон.	112	65	+ 47
Эскадр.	92	80	+ 12
Легк. оруд.	376	344	+ 32
Гауб.	43	124	- 81
Тяж. оруд.	144	240	- 96
1-ая армия.			
Батальон.	124	68	+ 56
Эскадр.	—	8	- 8
Легк. оруд.	243	228	+ 15
Гауб.	36	64	- 28
Тяж. оруд.	30	132	- 102
Всего на фронте:			
Батальон.	420	199	+ 221
Эскадр.	143	112	+ 31
Легк. оруд.	1148	790	+ 358
Гауб.	191	238	- 47
Тяж. оруд.	419	672	- 253

	У нас.	У противн.	Разница.
Западный фронт.			
10-ая армия.			
Батальон.	172	127	+ 45
Эскадр.	24	—	+ 24
Легк. оруд.	453	360	+ 93
Гауб.	71	80	— 9
Тяж. оруд.	83	164	— 81
2-ая армия.			
Батальон.	204	107	+ 97
Эскадр.	96	—	+ 96
Легк. оруд.	513	320	+ 193
Гауб.	59	88	— 29
Тяж. оруд.	136	96	+ 40
3-ая армия.			
Батальон.	128	102	+ 26
Эскадрон.	96	96	—
Легк. оруд.	330	344	— 14
Гауб.	40	110	— 70
Тяж. оруд.	42	126	— 84
Особая армия.			
Батальон.	284	207	+ 77
Эскадрон.	72	8	+ 64
Легк. оруд.	632	750	— 118
Гауб.	91	226	— 135
Тяж. оруд.	87	228	— 141
На фронте всего:			
Батальон.	788	543	+ 245
Эскадрон.	288	104	+ 184
Легк. оруд.	1928	1774	+ 154
Гауб.	261	504	— 243
Тяж. оруд.	348	614	— 266

	У нас.	У противн.	Разница.
Юго-Западный фронт.			
11-ая армия.			
Батальон.	192	128	+ 64
Эскадрон.	95	24	+ 71
Легк. оруд.	415	375	+ 40
Гауб.	56	175	- 119
Тяж. оруд.	56	95	- 39
7-ая армия.			
Батальон.	272	151	+ 121
Эскадрон.	48	16	+ 32
Легк. оруд.	581	430	+ 151
Гауб.	72	235	- 163
Тяж. оруд.	99	119	- 20
8-ая армия.			
Батальон.	144	94	+ 50
Эскадрон.	24	32	- 8
Легк. оруд.	335	230	+ 105
Гауб.	71	105	- 34
Тяж. оруд.	29	55	- 26
9-ая армия.			
Батальон.	208	150	+ 58
Эскадрон.	72	53	+ 19
Легк. оруд.	515	475	+ 40
Гауб.	115	135	- 20
Тяж. оруд.	45	70	- 25
Всего на фронте:			
Батальон.	816	523	+ 293
Эскадрон.	143	125	+ 18
Легк. оруд.	1846	1510	+ 336
Гауб.	314	650	- 336
Тяж. оруд.	229	330	- 101

	У нас.	У противн.	Разница.
Румынский фронт.			
Румынская армия.			
Батальон.	87	53	+ 34
Эскадрон.	72	20	+ 52
4-ая армия.			
Батальон.	48	48	—
Эскадрон.	48	16	+ 32
6-ая армия.			
Батальон.	120	153	— 33
Эскадрон.	120	84	+ 36
Всего на фронте:			
Батальон.	335	• 254	+ 81
Эскадрон.	240	120	+ 120
Кавказская армия.			
Батальон.	232	266	— 34
Эскадрон.	192	106	+ 86
Легк. оруд.	388	333	+ 121
Гауб.	66		

Милостивый Государь
Михаил Васильевич.

Нам необходимо установить одинаковое понимание современного положения дел, считаясь в оценке последнего лишь с жестокой действительностью, отбросив всякие иллюзии. Только установив это единомыслие, нам, быть может, удастся принять какие-либо осуществимые меры для спасения армии и государства. Точно так же и во всех намечаемых вами, совместно с союзными нами армиями, оперативных планах необходимо исходить только из реальных условий современной обстановки.

Прошу верить, что действительное положение вещей таково:

1) Временное Правительство не располагает какой-либо реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет Рабочих и Солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное Правительство существует лишь пока это допускается Советом Рабочих и Солдатских депутатов. В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом в разрез с постановлениями вышеназванного Совета.

2) Начавшееся разложение запасных частей внутренних округов прогрессирует и потому находящиеся в них укомплектования долгое время (полагаю не менее 3—4 месяцев) не могут быть использованы для пополнения армии. Для этой цели запасные части не обладают необходимой моральной и боевой подготовкой. Поэтому о высылке в армию в ближайшие месяцы сколько-нибудь значительного количества людских пополнений—не может быть и речи.

М. В. Алексееву
Н-ку Шт. Верх.
Глав-го.

3) Также безнадежно стоит вопрос и о пополнении конского состава армии, так как начатые уже, а равно и намеченные реквизиции лошадей в округах пришлось прервать и отложить до улучшения условий снабжения и транспорта, дабы не обострять настроение населения и не помешать своевременному обсеменению полей, тем более, что сбор лошадей, при нынешнем положении транспорта и необеспеченности фуражем, привел бы их лишь к бесцельной гибели на сборных пунктах.

4) Изложенные в п.п. 2 и 3 сего письма обстоятельства делают совершенно невыполнимыми в намеченные сроки все новые артиллерийские и иные формирования.

Подробности современного положения дел будут вам доложены командируемыми мною полковниками Саттерупом и кн. Тумановым, вполне осведомленными, как в современных условиях пополнения армии, так и в деталях создавшейся в Петрограде обстановки, ибо оба названные штаб-офицера находились с первых же дней революции в Государственной Думе и в близком общении как с членами Временного Правительства, так и членами Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

А. Гучков.

Воен.-Уч. Арх.
Дело Ставки № 450.

Приложение № 4.

Документы о назначении Алексеева Верховным Главнокомандующим.

ДЕЛО 1917 г. по описи № 43
Кабинета Военного Министра.

Совершенно секретно.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА

Заседания Временного Комитета Государственной Думы.
№ 11.

19 марта 1917 г.

СЛУШАЛИ.

ПОСТАНОВИЛИ.

1. О предположениях Временного Правительства относительно пополнения новыми членами Временного Кавказского Комитета и назначения председателем его генерала Юденича.

Признать, что в интересах военных операций на Кавказе отозвание генерала Юденича с фронта является нежелательным и что для руководства деятельностью Комитета надлежало бы пригласить особое лицо, пользующееся общественным доверием.

2. Об изменениях в высшем командном составе. При об-

Признать: 1) что в интересах успешного ведения войны

суждении настоящего вопроса Членами Комитета было отмечено, что предыдущая деятельность генерал-адъютанта Алексева, последовательно в роли начальника штаба главнокомандующего армиями Юго-западного фронта, главнокомандующего армиями Западного фронта и, наконец, начальника штаба верховного главнокомандующего, а равно отношение его к вопросам внутренней политики, свидетельствующее о непонимании им настоящего момента, не дают уверенности в возможности успешного осуществления им задач верховного командования армиями, в виду чего замена его другим лицом является совершенно неотложною. Обсуждая вопрос о том, кто бы мог заменить генерала Алексева, члены Комитета полагали, что на это место мог бы быть назначен генерал Брусилов, проявивший в настоящую войну стратегические способности и имевший столь крупный военный успех на южном фронте.

Что касается назначения на должности начальника штаба верховного главнокомандующего и генерала-квартирмейстера, то Временный Комитет высказался в том смысле, что назначения на эти должности должны быть произведены Временным Правительством по соглашению с верховным главнокомандующим. В числе желательных кандидатов на должность начальника штаба назывался ген. Поливанов.

С подлинным верно: Управляющий делами (подпись) Я. Глинко.
На сем: Совершенно секретно Воен. М-ру К. М.

представляется мерою неотложною освобождение генерала Алексева от обязанностей верховного главнокомандующего; 2) желательным кандидатом на должность верховного главнокомандующего является генерал Брусилов; 3) что назначение на должность начальника штаба верховного главнокомандующего и генерала-квартирмейстера должны быть производимы Временным Правительством по соглашению с верховным главнокомандующим и 4) общее руководство ведением войны, за исключением стратегии, управления и командования всеми сухопутными и морскими силами, должно быть сосредоточено в руках Временного Правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Милостивый Государь,
князь Георгий Евгеньевич.

Из вчерашнего моего разговора с Военным Министром А. И. Гучковым я убедился, что правительство, повидимому, решило во главе нашей действующей армии поставить, в качестве Верховного Главнокомандующего, генерала Алексеева, бывшего Начальника Штаба. Это назначение не приведет к благополучному окончанию войны. Я сильно сомневаюсь, чтобы ген. Алексеев сосредоточил в себе сумму достаточного таланта, и способности и силы и воли, чтобы широко охватить то политическое настроение, которое теперь захватило Россию и Армию.

Вспомните, что ген. Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые неоднократно ему предлагались из тыла, как неотложные; отдайте себе отчет в том, что генерал Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собою и правительство и все его мероприятия; вспомните обвинение ген. Алексеева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указывал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является сам русский народ в лице своих представителей. Не забудьте, что генерал Алексеев настаивал определенно на немедленном введении военной диктатуры. Для меня ген. Алексеев является почтенным и достойным всякого уважения, доблестным, честным и преданным Родине воякой, который не изменит своему делу, но поведет его лишь в тех пределах, в какие оно укладывается точным соотношением с его миро-созерцанием. Но последнее именно заставляет меня думать, что ширины умственного кругозора в этом человеке нет, что охватить широким размахом до-нельзя осложнившиеся условия войны ген. Алексееву будет не по силам, и что, наконец, имя ген. Алексеева быть может и невольно, но все-таки виновного в сдаче всех крепостей, Варшавы и Царства Польского в силу указанных обстоятельств непопулярно и к тому же мало известно в России. К делу ведения войны, с моей точки зрения, должны быть привлечены те силы, которые уже на деле доказали способность понимания государственных задач России, не только военных, но и сил, действующих вне сферы военных действий. Из последнего, присланного и мне и, вероятно, Вам письма ген. Алексеева, сообщającego о том, как действующая армия приняла наступившие события, для меня совершенно ясно, что только юго-западный фронт ока-

зался на высоте положения. Там, очевидно, царит дисциплина, чувствуется голова широкого полета мысли и ясного понимания дела, которая руководит всем этим движением. Я имею в виду ген. Брусилова. И я делаю из наблюдений моих при многочисленных своих поездках по фронту тот вывод, что единственный генерал, совмещающий в себе как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России и способный быстро оценивать создавшееся положение, это именно ген. Брусилов. Другим лицом широкого государственного ума, но который быть может является менее опытным в смысле активной военной деятельности, я считаю ген. Поливанова.

Эти два выдающиеся государственные ума, поставленные во главе нашей доблестной армии, с придачей им тех помощников, которые ныне существуют—умные, знающие и уважаемые генералы Клембовский и Лукомский—и составили бы то ядро военного Верховного командования, которое единственно, с точки зрения, способно вывести страну и армию из бедственного положения. Если при таковой комбинации учредить обязательные еженедельные военные советы из начальников фронтов совместно с вышеупомянутыми лицами штаба, то надежда на благоприятный исход кампании не должна считаться потерянной. Сообщаю Вам это на тот предмет, что быть может еще не поздно изменить принятое решение и не оставлять армию в руках командующего, который несомненно со своей задачей не справится.

Примите уверение в полном уважении и преданности

М. Родзянко.

18 марта 1917 г.

Его Сиятельству

князю *Г. Е. Львову.*

ТЕЛЕГРАММА.

18 адресов: Дармия, Главкосев, Главкозап, Главкоюз, Поглавкорум, Командарм: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, Особой, Кавармия генералу Юденичу.

Временное Правительство, прежде чем окончательно решить вопрос об утверждении Верховным Главнокомандующим Генерала Алексева, обращается к Вам с просьбой сообщить вполне откровенно и незамедлительно Ваше мнение об этой кандидатуре. Нр. 742.

Военный Министр *Гучков.*

Шифрованная телеграмма от генерала Сахарова.

Военному Министру.

Нр. 742. Имею честь донести, для доклада Временному Правительству, что по своим способностям, здравому и логичному разуму, знанию дела, вообще по подготовленности к нему еще до войны, по опыту, приобретенному во время войны, по наибольшей против всех решительно в армии—осведомленности в отношении хода военных событий, дел и планов ведения текущей войны, по необычайной работоспособности, по уравновешенности характера, чуждого лицемерию, по безукоризненной правдивости и честности в делах и мыслях, по непоколебимой твердости в исполнении долга, по кристаллической согласованности слова и дела, по беспредельной любви и преданности своей родине, по непоколебимой верности ей и ее правительству я считаю генерала Алексева наилучшим в данный момент кандидатом на высокую должность Верховного Главнокомандующего, как вполне достойного высокого, исключительного доверия, коим он во всей армии широко и пользуется во всех отношениях. Яссы 21 марта № 00490.

Генерал *Сахаров.*

*От Командующего 7-ой армией генерала от инф. Щербачева
Военному Министру. 21 марта 1917 г.*

742. Вполне разделяю выбор, сделанный Временным Правительством. № 106114.

Щербачев.

От Главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инф. Рузского Военному Министру. 21 марта 1917 г.

742. По моему мнению, выбор Верховного должен быть сделан волею Правительства. Принадлежа с составу действующей армии, высказываться по этому вопросу считаю для себя невозможным. 1571/б.

Рузский.

От Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала от кавалерии Брусилова Военному Министру.
22 марта 1917 года.

742. По своим знаниям подходит вполне, но обладает важным недостатком для военначальника—отсутствием силы воли и здоровья после перенесенной тяжелой болезни. Нр. 1123.
Брусилор.

От Командующего 1-ой армией генерала от кавалерии Литвинова Военному Министру 21 марта 1917 г.

742. Наилучшей комбинацией было бы назначение генерала Рузского Верховным Главнокомандующим, а генерала Алексеева его Начальником Штаба. Если это невозможно, то желательно назначение генерала Алексеева Верховным, ибо армия привыкла знать, что он вершит делами армии. Всякая другая комбинация поведет к перестройке штаба и надолго расстроит налаженные отношения и подготовленные предположения. № 04089.

Генерал Литвинов.

От вр. и. д. Командующего 2-ой армией генерала от инфантерии Данилова Военному Министру. 21 марта 1917 г.

742. Выдающиеся умственные способности, военное образование и знание современного положения на всех театрах во всей полноте дают полное основание признать генерала Алексеева отличным Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего. Но боевой репутации в войсках генерал Алексеев не имеет и имя его среди них популярностью не пользуется. № 8091.

Вр. и. д. Командарм 2 Николай Данилов.

Секретно. Петроград Военному Министру.

742. Спокойный, распорядительный, хладнокровно принимает необходимые решения, осторожен, особою решительностью не отличается; в настоящую минуту считаю его наиболее подходящим к этой кандидатуре. Нр. 1331.

Леш.

От Командующего 4-ой армией генерала от инфантерии Рагоза Военному Министру. 21 марта 1917 г.

На нр. 742. Другого кандидата затруднился бы назвать на этот пост. Генерал Алексеев отвечает всем требованиям большого начальника, за исключением должной твердости характера. № 1/2430.

Командарм 4 Рагоза.

От Командующего 5 армией генерала от инфантерии Драгомирова Военному Министру Гучкову. 21 марта 1917 г.

742. Кандидатуру генерала Алексеева признаю желательной. Громадная работоспособность, отличное знакомство с армией и ее нуждами, большая осторожность, вдумчивость обеспечивают планомерное ведение операции без рискованных ходов, не соответствующих нынешнему разлаженному состоянию армии. Не скрою, что вряд ли генерал Алексеев способен воодушевить армию, вызвать на лихорадочный подъем, использовать освободительное движение, но затрудняюсь указать кого-либо другого, способного стать всеми признанным вождем народной армии. 28 Б.

Драгомиров.

От Командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Юденича Военному Министру. 22 марта 1917 г.

742. Считаю генерала Алексеева наиболее достойным занять пост Верховного Главнокомандующего. 0637.

Юденич.

От Командующего Особой армией генерала от инфантерии Балужева Военному Министру. 22 марта 1917 г.

742. По личному моему мнению генерал Алексеев соответствует посту Верховного Главнокомандующего. № 07326.

Генерал Балусев.

От Командующего 12 армией генерала от инфантерии Радко-Дмитриева Военному Министру.

742. Лучшего выбора нельзя и желать. Генерал Алексеев пользуется среди армий репутацией человека справедливого, честного и обладающего всеми качествами, чтобы стать нашим Верховным Вождем. Рига, 21 марта, № 01583.

Радко-Дмитриев.

От Командующего 11 армией генерала от инфантерии Баланина Военному Министру Гучкову. 22 марта 1917 г.

Считаю подходящим кандидатом. № 4022.

Баланин.

От Командующего 10 армией генерала от инфантерии Горбатовского Военному Министру. 21 марта 1917 г.

742. Затрудняюсь указать на другое лицо, принужден остановиться на генерале Алексееве. В качестве второго кандидата остановился бы на генерале Гурко. № К 3090.

Командарм 10 Горбатовский.

От Командующего 8 армией генерала Каледина Военному Министру. 21 марта 1917 г.

742. Из известных мне лично и другими источниками высших генералов армии не знаю равных генералу Алексееву по знанию техники управления массовыми армиями и вообще службе Генерального Штаба. Его огромный опыт и знание очень нужны армии. Уже 4 года лично с ним не встречался. Если состояние здоровья не подорвало работоспособности, воли и энергии, считаю назначение генерала Алексеева желательным. № 0751.

Каледин.

Военному Министру.

742. Кандидат весьма желательный, и, насколько мне известно, армии в него верят. 22 марта, Роман. 0919.

Генерал Лещицкий.

От Командарма 6.

742. Генерала Алексеева непосредственно знаю мало, но общее о нем мнение, что это человек высоко честный, огромной трудоспособности, но склонный принимать на себя непосильную работу своих сотрудников, что не может отзывать на творческой работе Верховного руководителя. Такой работой подорвал себе здоровье, но насколько оно восстановилось—не знаю. В общем управлении операциями русских армий за последние полтора года трудно усмотреть какой-либо определенный, настойчиво проводимый стратегический план, но чем это обуславливалось и в какой мере к этому причастен генерал Алексейев, судить не имею данных. 21 марта № 03173/Г.

Цуриков.

30 марта 1917 г.

№ 2639.

Ставка.

Милостивый Государь

Александр Иванович.

Ваше письмо от 9 марта № 33 я препроводил для сведения Главнокомандующим.

Только генерал Рузский, указывая на то, что внутренние события отозвались на армиях вверенного ему фронта „весьма болезненно“, ссылаясь на расстройство продовольственных, вещевых и артиллерийских запасов, на ненадежность укомплектований, приходит к определенному заключению о необходимости отказаться в ближайшие месяцы от выполнения наступательных операций и сосредоточить все усилия на подготовке к упорной обороне.

Совершенно иначе отнеслись к этому острому, большой важности вопросу Главнокомандующие Западным и Юго-Западным фронтами. Оба высказали, что решительные действия наступающим летом неизбежны. Если не откроем их мы, то это сделает противник тогда, когда это будет выгодно и удобно ему. Отказ от содействия нашим союзникам, поставя их в трудное положение, не избавит и нас от необходимости втянуться в упорные, длительные бои, но тогда, когда в свою очередь мы не будем в состоянии рассчитывать на помощь наших союзников в случае их частной или общей неудачи.

Как бы ни были мы бедны в настоящее время средствами, все же выгоднее наступать, даже без полной уверенности в успехе, чем перейти к опасной обороне и обречь себя на необходимость подчиняться решениям противника. Расстройство армии и ее снабжений окажет свое вредное влияние несколько не в меньшей мере при обороне, чем при активной операции.

Результаты неуспешной обороны и неудачного наступления не одинаковы. В первом случае последствия могут быть роковыми для

А. И. Гучкову.

Воен. Министру.

всего последующего периода войны; при наступлении—даже в худшем случае—начатые нами удары замрут без последствий и обе стороны останутся в прежнем взаимном положении.

Если же немцы подготовят против нас широкий удар и проведут его с обычной энергией и богатством артиллерийских средств, то парировать этот удар будет трудно. Затрата же средств людских и материальных на наступательную операцию будет едва ли большею, чем при обороне.

Чем скорее мы втянем наши войска в боевую работу, тем скорее они отвлекутся от политических увлечений.

На основании таких соображений генерал Брусилов, собрав военный совет из подчиненных ему командующих армий, препроводил мне постановление, основная суть коего сводится к следующему: 1) армии фронта желают и могут наступать; 2) это—наша обязанность перед союзниками; 3) нашим наступлением противник будет лишен свободы действий на других фронтах; 4) недостаток средств отразится, конечно, на размерах наступательной операции.

Что касается Румынского фронта, то шаткое состояние умов румынской армии, народа и правительства по отношению к нам заставляет иметь особые резервы ближе к участку, занимаемому ныне в боевой линии 2-й румынской армией, с тем, чтобы в случае ее неустойки или отказа от борьбы, немедленно занять ее позиции и закрыть прорыв. Но и генерал Сахаров склоняется к необходимости предпочесть хотя и не широкие, но активные удары.

Изложив мнения высших начальствующих лиц в армии, выскажу свой взгляд.

Учитывая крайне тяжелое положение в отношении продовольственном, транспорта, металла, недобросовестного поведения рабочих Петроградского района, принимая во внимание кризис, переживаемый армией, я тем не менее считаю, что обречь себя на оборону до июня—июля мы не имеем права. Много есть для этого причин, не говоря уже о том, что отказ от обязательств, принятых нами перед союзниками, поставит нас в совершенно исключительное положение и может вызвать с их стороны соответственные меры.

Рассчитывать на успех обороны мы не можем. Растянутый на 1650 верст наш стратегический фронт не допускает везде иметь сильные резервы: противник всегда будет иметь возможность собрать более сильную ударную группу и достигнуть успеха ранее, чем мы соберем надлежащие силы для обороны, пользуясь нашею слабо развитою и совершенно не приспособленною ныне к интенсивным перевозкам железнодорожной сетью.

Недавний опыт боя за Червищенский плацдарм, к сожалению, говорит за то, что и стойкость войск в обороне по-

несла за последнее время значительный ущерб. Это еще более делает опасным первоначальный удар сосредоточенных сил немцев.

Можно сказать, что чем слабее устойчивость войск, тем труднее для них оборона, тем желательнее предпринять с ними активные действия. Первоначальный успех может вызвать воодушевление, подъем духа, что, в связи со сбором сил в точке удара, может обеспечить широкий успех и парализовать предприятия неприятеля на других фронтах.

Последнее очень важно. Пока нет никаких реальных данных, указывающих на намерение немцев направить свой удар к стороне Петрограда. Имеются кое-какие агентурные сведения и наши собственные соображения, что противнику было бы выгодно выполнить подобную операцию. Не взирая на зыбкость этих данных, генерал Рузский рядом телеграмм настойчиво просит выслать ему на усиление Северного фронта четыре армейских корпуса. Прежде всего, я не имею возможности выделить за счет других фронтов такие значительные подкрепления, ибо наши задачи не исчерпываются целями одного Северного фронта.

Во-вторых, теперь Северный фронт располагает двойным превосходством. Основываясь только на важности направления, не имея еще определенных указаний на вероятность удара на Петроград, мы в виде страховки должны ослабить себя на всем стратегическом фронте, равномерно растянуть свои войска и не быть в состоянии где-нибудь собрать ударную группу, так как просимые для Северного фронта корпуса будут разбросаны по Финскому побережью, откуда их будет почти невозможно привлечь на другие фронты.

Страховку направления на Петроград, по-моему, лучше исполнить сильным ударом там, где, по тактическим условиям и по свойствам противника, легче обеспечить себе успех.

К оборонительному бою, если мы не будем наступать, нас принудят. И патронов, и снарядов, и укомплектований понадобится при этом не менее, чем при атаке. Шансов на успех меньше.

Отсюда вывод: как ни тяжело наше положение, нам нужно начать весеннюю кампанию наступлением, что отвечает и наиболее желанием союзников (приложение—последняя телеграмма генерала Нивелль).

С таким решением нужно сообразовать, в мере возможности, и нашу подготовку. Повторяю, будем ли наступать, обречем ли себя на отбитие ударов противника, нам одинаково нужны будут патроны, снаряды, тяжелая артиллерия, укомплектования. Невозможно допустить повторения 1915 года; мы теперь находимся в неизмеримо худших условиях как в отношении нравственного настроения, так и глубины театра действий.

Особенно нужны ружейные патроны; запас их недостаточен для длительной борьбы.

Необходимы энергичные меры, чтобы двинуть вперед замедлившееся формирование тяжелой артиллерии. Громадное превосходство на стороне противника в этом роде оружия настоятельно требует, чтобы каждое орудие, получаемое от наших союзников, скорее выдвигалось на фронт и облегчало тяжелую работу нашей пехоты.

Необходимо увеличить и число снарядов для наличной тяжелой артиллерии.

Необходимо возобновить отмененную реквизицию лошадей, дабы ко времени появления подножного корма можно было пополнить некомплект, особенно, во вновь сформированных полках.

О привлечении снова в ряды войск ушедших по домам в течение марта я уже говорил ранее.

Прошу принять уверения в совершенном уважении и искренней преданности

Мих. Алексеев.

Приложение № 6.

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИХ 1 МАЯ 1917 г.

в Могилеве на Днестре.

Заседание открыто Верховным Главнокомандующим в 10 часов 40 мин.

Присутствовали:

Верховный Главнокомандующий—Генерал Алексеев.

Главнокомандующий армиями Сев. фронта—Генерал Драгомиров.

Главнокомандующий армиями Зап. фронта—Генерал Гурко.

Главнокомандующий армиями Юго-Зап. фронта—Генерал Брусиллов.

Помощник Главнокомандующего армиями Румынского фронта—Генерал Щербачев.

Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего—генерал Деникин.

Состоящий в распоряжении Военного Министра—Генерал Поливанов.

Начальник Генерального Штаба—Генерал Аверьянов.

Начальник Штаба Сев. фронта—Генерал Данилов.

Генерал-Квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем—Генерал Юзефович.

Главный полевой интендант—Генерал Егорьев.

Инспектор Артиллерии при Верховном Главнокомандующем—Генерал Ханжин.

Генерал-Квартирмейстер Штаба Главнокомандующего армией Юго-Западного фронта—Генерал Духонин.

Ген. Алексеев.—Я очень сожалею, что бывшие вчера представители Временного Правительства—Министры иностранных дел и земледелия не могли остаться здесь на сегодня и выслушать нас, главным образом, по обеспечению армии фуражем и по вопросу о перспективе ближайшего. Вчерашние события—уход Гучкова—вызвали их внезапный отъезд. Свой пост Гучков передал Новицкому до возвращения Маниковского. Вопрос о новом министре решится сегодня. От меня не скрывали, что уход военного министра может повлечь за собой еще более крупные перемены.

Я пригласил вас, господа, сюда, чтобы поставить вопрос относительно нравственного состояния нашей армии и также относительно того, как отразится на ней об'явление декларации прав военнослужащих. Конечно, эта декларация может повлиять на нравственное состояние армии в ту или другую сторону, и по этому вопросу я и прошу высказать ваше откровенное мнение.

Во-вторых, в нескольких словах коснемся материального обеспечения армии, и в третьих разберем вопрос, какие требования пред'являют нам союзники, на что мы способны в выполнении их, и имеем ли мы право рассчитывать на улучшение последнего в будущем.

Должен сказать, что характер отношений к нам представителей союзных армий за последнее время резко изменился и союзники с нами в настоящее время перестали, повидимому, считаться.

Четвертый вопрос—частного характера—перемещение командующих армий и увольнение других мало пригодных начальников.

Первым вопросом я поставил вопрос о нравственном состоянии нашей армии. Так как первую роль будет играть Ал. Ал. (ген. Брусилов), то от него прошу первого ответа, после чего прошу высказаться ген. Щербачева, Гурко и Драгомирова.

Генерал Брусилов.—До пасхи были у нас разные прорухи, так как на нас неожиданно свалилось много забот, и мы не могли рассчитывать на полное их восстановление. Во время пасхи развились братания, которые приняли повальный характер по всему фронту, после чего наступила сильная дезорганизация войск.

Лейт-мотивом общественного настроения было следующее: „немец ничего себе, человек недурной, воевать не хочет, в этом виноваты француз и англичанин. Наступать нам не-

чего, если объявлен мир без аннексий и контрибуций, то не для чего нам и кровь проливать". В частности, в одной из частей, совсем пропащей, 8 Заамурском полку, мне говорили: „зачем теперь мы будем умирать. Нам дана свобода, обещана земля, зачем же мы будем калечиться: нам надо сохранить себя, и мы, и семьи наши будут этим довольны. Нам нужен мир“.

Я много говорил им о неправильности их взгляда и о необходимости для нас наступления. Мне ничего не возразили, и только попросили разрешения принести их резолюцию. Я согласился. Принесли и поставили большой красный плакат: „Долой войну, мир во что бы то ни стало“. Хотели было они уйти с позиций, но удалось уговорить остаться. Я рассчитываю, что этот тяжелый и неприятный дух может измениться и мы к концу мая—началу июня сможем перейти в наступление, которое могло бы дать хорошие результаты, так как у нас теперь много сил и средств.

Однако, если выйдет приказ с декларацией, то наше дело будет безнадежно—для переварки этого приказа понадобится много месяцев.

Отношение солдатских масс к Правительству и Совету Рабочих и Солдатских депутатов следующее: на Правительство они не надеются, для них все в Совете Рабочих и Солдатских депутатов. Если затронуть последний—это вызывает у них злобу и раздражение.

Офицеры к перевороту подготовлены не были. 15—20% их пошло к солдатам, некоторые подлаживались к ним, другие по своим убеждениям, некоторые же из желания добра общему делу, но таких мало. Большинство офицеров—до 75% спрятались в свою скорлупу, считая себя обиженными событиями.

Среди солдат много было рабочих и людей, уже подготовленных к политической жизни, многие из солдат были большевики. Это объясняет распространение в солдатской массе зловредных идей, которые заразили даже самые прочные части: 33 корпус и вообще части 7 и 11 армий. 33 корпус отказался сниматься с позиций; не желая попасть в ударную группу. 113 дивизия не желала сменить 108-ю и хотела быть включенной в состав 45 корпуса. Ни главнокомандующий, ни командующие никакой силы больше иметь не могут. Следствия произвести не представляется возможным, наложить дисциплинарное взыскание ни один из начальников не решается.

Солдаты ныне управляются лишь нравственным авторитетом Совета Солдатских и Рабочих депутатов, офицеры и начальники вообще для них не больше как буржуи, так как стоят за Временное Правительство и против Совета. Последнее обстоятельство объясняет возникшую между солдатами и

офицерами рознь, поэтому, быстрое сцепление их вместе—не возможно.

Офицеры в большинстве случаев говорить не могут, их всегда забьет словом „оратель“-большевик.

Я говорил уже, что при установившемся ныне перемирии наши войска стоять на месте не могут, но если немцы ударят, последует отход, который при существующей дезорганизации поведет к катастрофе.

Самое главное то, что их обуял шкурный вопрос. Прежде чувство самосохранения подавлялось страхом суда и расстрела, чего теперь нет (далее генерал приводит сравнение с французской революцией, когда высокое моральное состояние войск объяснялось отсутствием тогда пропаганды социалистических идей).

Управлять нашими войсками стало необычайно затруднительно, в виду широкого развития у солдат критики. (Приводит пример Азовского полка, отказавшегося взять одну возвышенность в виду разногласий в способе ее овладения. Когда для увещевания полка прибыли киевские большевики, они им кричали ура, но итти в атаку все же отказались, предоставляя это сделать офицерам и рабочим).

Ныне наступательный дух отсутствует, но быть может он еще появится, если только не последует какой-либо новый приказ № 2 или как его там назовут.

В настоящее время у нас и снарядов достаточно, и авиационные средства хороши, и противника гораздо меньше, чем нас, но все-таки большого наступления делать нельзя из за отсутствия продовольственных запасов. Людей мало: противник все берет в армию, мы же все спустили, отпустили 40-летних, и сделали все так, чтобы нашего наступления не было.

Фуража нет—от голода лошади дохнут, в походную кухню запрягаем вместо одной четыре лошади. Если бы мы даже и не страдали отсутствием наступательного духа, то недостаток продовольствия, фуража, конского состава исключил бы возможность наступления.

Поэтому я должен доложить, что в данное время наступать я не могу. Если не выйдет вышеуказанного приказа, то в первых числах июня рассчитываю на возможность наступления. За последнее я не отвечаю, но надеюсь.

Генерал Алексеев.—Когда был у меня Альберт Тома, он сделал очень нелестное замечание. „Я знаю, сказал он, все народы, и знаю клапан, на который надо нажать, чтобы это подействовало. У вас, русских, где этот клапан?“

Генерал Брусилов.—В этом нет ничего удивительного—за нами 50 лет гнета.

Генерал Алексеев. Я об этом не говорю, но должен сознаться, что клапана у нашего солдата, развращаемого всеми элементами, нет.

Генерал Брусилов. — Большинство из них хорошие люди и они дали бы хорошие результаты, если бы корпус офицеров мог бы быть нравственным вожаком солдат.

Генерал Алексеев.—Настоящего офицерского состава у нас больше нет: доблестные полегли и искалечены, а малодушные устраиваются в тылу. Ныне—всякий с 4 классами образования может быть офицером, тогда как среди солдат много например евреев с университетскими значками.

Генерал Брусилов. Евреи под видом социализма ныне проповедают наступление и вообще стали правым элементом, на который с успехом можно опираться.

Генерал Драгомиров — подтверждает указанное мнение.

Генерал Алексеев переходит к чтению декларации прав. При вопросе о запрещении наложения офицерами наказаний, вредных для здоровья солдата, прерывает чтение замечанием: „Это такой абсурд, такая возмутительная клевета на офицерский состав“. При чтении параграфов 16 и 17 указывает на явное их несоответствие, так как у офицеров отняты все дисциплинарные права. Чтение декларации заканчивает словами: „Наше горе в том, что мы вместо составления устава внутренней службы, стараемся об'явить вырванные отдельно права и ни слова не стараемся говорить об обязанностях“.

Далее оглашает ответную его телеграмму Военному Министру, просившему Верховного Главнокомандующего дать свое заключение по существу декларации.

„Теперь посмотрим, что говорят американцы по поводу вводимых нами указанных мероприятий. Американцы говорят, что даже при их складе жизни, они никогда не рискнули бы вводить того, что вводит русская армия“.

Генерал Гурко замечает, что он успел только бегло пробежать декларацию и что в своем ответе, посланном перед его от'ездом в Ставку, он коснулся лишь пункта 13 об отдаче чести, отмена отдачи коей—есть узаконенное право солдата наносить оскорбление своему начальнику. Временное Правительство, если не может препятствовать появлению этой декларации, должно уйти, и пусть к декларации налагают руку те, которые ныне безответственны.

Генерал Брусилов.—Я сделаю то же самое. С введением декларации я уйду в отставку.

Генерал Алексеев.—Этому многие последуют, начиная с меня.

Генерал Щербачев.—Позвольте начать с того, что настоящее заседание историческое; здесь заседает все высшее что есть в армии. Это заседание сравню с советом в Филлах. От нас здесь требуется вынести решение. Генерал Брусилов нарисовал полную картину состояния нашей армии. Меня

особенно поразила перемена в настроении частей 7 армии, которая еще две недели назад оставляла уверенность в ее хорошем настроении.

Далее генерал Щербачев докладывает свои впечатления от объезда армий Румынского фронта: „чем ближе к окопам, тем уверенность в возможности наступления исчезает. Хуже обстоят дела в 9-й армии, лучше в 4-й и 6-й. Картина общего развала ясна. Однако, я не пессимист. Я не согласен с тем, что мы должны покорно относиться к событиям и реагировать на все происходящее тем, что уйдем в отставку. Я не хочу бросить кому-нибудь укор. Конечно, уйти сейчас легче легкого, но этим мы не снимем с себя нравственной ответственности. Россия велика, и нельзя допустить, чтобы наша молодая нация могла пасть, и чтобы небольшая часть неблагоразумных могла погубить большинство. Я верю в здравый смысл русского народа. В настоящее решительное время надо принять и решительные меры. Правительство, безусловно, найдет самое полное сочувствие в армии. Надо просить Правительство честно, прямо, открыто нарисовать грозную картину и дать всем высказаться. Если раздастся решительный голос армии, то это окажет могучее значение.

Мы одерживали победы. Мы не отдаем себе отчета, что мы делали за эти три года войны. Конечно, эти три года не могли не подорвать нас. Но мы не закончили своей задачи и должны еще наперечь свои силы и работать.

Я этого „приказа“ не знал. По-моему, ныне же необходим переход к коалиционному министерству. Если же Совет откажется, надо сделать обращение к армии и ждать ее веского слова.

Генерал Алексеев оглашает разговор по аппарату Милюкова с князем Львовым 30 апреля, для освещения фактической стороны дела; из разговора выясняется возможность образования коалиционного министерства.

Генерал Щербачев продолжает. Все находящиеся в Румынии союзные посланники обращаются ко мне, при этом замечается крайне отрицательное к нам отношение. Необходимо, чтобы наше правительство откровенно высказало нашему народу, что если мы продолжать войну не можем, то мы явимся изменниками общему делу союзников и они нас предадут и кончат войну за наш счет. При таком обращении, я уверен, народ воспрянет духом, и мы еще увидим величие России.

Генерал Брусилов, указывая, что он очень близко знаком с армией, ежечасно принимая различные депутации с фронта, и хотя он и убежден в могуществе России и ее армии, но должен сознаться, что в настоящее время наша армия—не армия, а просто толпы солдат с одной стороны и офицеры с другой. Конечно, в будущем они сольются вместе,

но пока между ними существует рознь, основанная на различном отношении к Совету Р. и С. деп. Генерал приводит характерное объяснение этого разлада между офицерами и солдатами, данное на одном из заседаний солдатского комитета офицером летчиком, вышедшим из солдатской среды.

Я пользуюсь доверием солдатских масс, но я никогда не решился бы затронуть некоторых вопросов, иначе потеряю свой престиж. Поэтому предлагаемого ген. Щербачевым заявления от армии я сделать не могу. Личного утомления я не чувствую, но я уйду, если увижу, что не в моих силах будет предотвратить катастрофу. Я лучше пойду туда бороться с Советом Р. и С. депутатов. Я гражданин, если я здесь не могу бороться, я буду бороться там.

Я считаю, что наступивший порядок—хороший. Я стою на стороне Временного Правительства, но сознаю, что двоевластие, анархия, надвигающаяся на Россию, может погубить Россию. Каждая страна переживает такой кризис, некоторые погибают. Но я верю, что Россия выйдет из создавшегося положения, только ценою чего? Движение само остановиться не может, его остановить можно только ценою крови. Максимум ее пролетит при демобилизации. Солдаты уже теперь говорят о возвращении их с войны с оружием для захвата земли. Я верю в здравый смысл русского народа, и он, после грядущих потрясений, опять попросит палку и тогда начнется успокоение. (Приводит пример французской революции, когда на смену жирондистов пришли якобинцы и монтаньяры). Наша страна вернется не к старому, а к более благоразумному порядку вещей.

Сейчас же посылкой телеграммы против Совета С. и Р. депут. мы окажем Правительству медвежью услугу.

Генерал Щербачев указывает, что генерал Брусилов не понял его мысль, что он предлагал просить Правительство высказать армии современное положение и тогда ждать ответа армии, выраженного войсковыми комитетами.

Относительно земельного вопроса высказывает мысль о необходимости довести разрешение его до Учредительного Собрания. Для избежания проведения его солдатами с оружием в руках говорит о необходимости восстановить порядок до демобилизации.

Генерал Брусилов. Мы с ген. Щербачевым одного мнения, и расходимся лишь в вопросе относительно рабочих и крестьян. Рабочие—это те же крестьяне у станков. Почему мы в борьбе с Советом Р. и С. депутатов не можем иметь успеха. Мы, офицеры, не можем проповедывать анархии. Рабочие же дают солдатам демагогическую свободу, обещают дать им даром землю и тут же говорят: берегите свою шкуру. Все это очень действует на массу.

Что касается до приказа, то считаю, что ломки такой во время войны производить невозможно. Уже и сейчас настоящей армии нет, а при издании приказа ее совершенно не будет.

Генерал Драгомиров просит разъяснить, какой вопрос стоит на обсуждении совещания.

Генерал Алексеев. Вопрос о нравственном состоянии армии и новых мероприятиях правительства.

Генерал Гурко. Всякое государство, как и армия— это живой организм, подверженный заболеваниям. Мы в настоящее время заболели. Одни из нас раньше, другие потом. Одни заболели под знаком ореола Временного Правительства, другие под ореолом Совета Р. и С. деп. В первом положении заболела Особая армия, вынесшая резолюцию Совету: „от дела управления—руки прочь. Вы—безответственны, и ответственности на себя брать не хотите, мы же присягали Временному Правительству“. Западный фронт вообще не так расшатался, потому что дали парам выйти в отдушину. В Особой армии я первый пошел вперед и повлек за собою армию. Армия выработала свой комитет, положение о котором утверждено командующим и в котором указано, что ни одно постановление комитета не может получить силу без санкции командующего армией. В 9-й армии было наоборот, в армии были запрещены красные знамена и банты, и думали, что этим армия окажется в руках начальников. Я же тогда жалел, что закрывают пар и не дают ему выйти. На этом и погиб генерал Миллер.

То же самое и относительно Минского фронтового с'езда. Не пошли сразу навстречу, его сделали рабочие. Но и этот с'езд дал выйти парам.

Мои выступления на с'езде, моя полуторачасовая беседа возражений не вызвали и мне аплодировали.

Братание, принявшее было на фронте уродливые формы, постепенно прекращается, о чем свидетельствует увеличение числа раненых за последнее время (до 25%). Также понемногу начал подыматься наступательный дух.

Большой вопрос—отношение солдат к офицерам. Новое офицерство, вышедшее из среды банщиков и приказчиков, восприняло от старого—самые нехорошие стороны, именно недобросовестность.

Ведь на достоинствах офицерской среды зиждется отношение к ней солдат.

Я выставляю три необходимых достоинства офицеров:

- 1) знание, что вызывает со стороны солдат доверие;
- 2) добросовестность, вызывающее уважение;
- 3) близость и заботливость к подчиненным, вызывающие любовь.

На этом основаны отношения во французской армии. У нас же этого не было, последнее обстоятельство и объясняет большие потери в офицерском составе, который, лишенный часто доверия и уважения, платился за это своей кровью, идя впереди своих солдат.

В артиллерии и кавалерии вопрос этот обстоит лучше, особенно в артиллерии. В пехоте, где много офицеров, вышедших из солдатской среды и далее всего стоящих от солдат, хуже всего обстоит дело.

У меня на фронте было несколько случаев отказа от исполнения боевых задач, но все эти случаи имели себе объяснения. Но необоснованных отказов, слава богу, не было, если не считать двух единичных случаев в Уральской дивизии, где не поделили грошей, и в корпусе Мехмандарова. Но эти случаи для фронта—единичны.

Представители французских социалистов, после посещения Петрограда и Минского с'езда, были пессимистически настроены. Они указывали, что у них тоже есть недоразумения, неудовольствия, но это во время стоянки части в тылу. По мере движения к окопам—хорошее настроение увеличивается и свое дело в окопах делают они с честью. При посещении нашего фронта они также вынесли лучшее, чем в тылу, впечатление.

Из этого заключаю, что настроение в армии нарастает, но переворот все же скажется на наступательном духе нашей армии.

Правда, и в немецкую армию также проник яд и они уже запретили добровольные братания, разрешив только официальные братания с флагами.

Надо разъяснить народу, что для сохранения чисто шкурных интересов нам необходимо наступать.

Замечу, что в настоящее время есть условия, препятствующие производству наступления: увольнение 43-летних, отправка в отпуск 40-летних, решенные крайне разнообразно на разных фронтах: справа от меня уволены все, слева только 10%. Это очень ослабило нашу армию, поэтому возникает вопрос о перегруппировке тяжелой артиллерии, может быть ее не разделять на 4 части, а сосредоточить ее в двух группах, чтобы вернее сделать где-нибудь дело. А когда артиллерия сделает свое дело, пехота пойдет.

Другое условие, препятствующее наступлению, это конский вопрос. Лошади—тени. Необходимо им травы и зерна. Затем вопрос продовольствия; необходимо, хотя бы для ударных корпусов, создать продовольственные запасы. Вредно отозвался и вопрос увольнения инородцев, они теперь хотя и не бунтуют, но пустили в ход итальянскую забастовку.

Несмотря на все это, положение еще можно сохранить, если не будет вырван последний краеугольный камень нашей армии—если не будет издан приказ с декларацией прав.

Безответственные советчики заставляют Правительство подписать акт, который развалит армию. Этот акт развалит ячейки, те кирпичи, из которых создано здание армии. Кто понимает положение, не должен под этим приказом приложить руку. Если бы я поместил его в моем приказе, это значило бы, что я под ним подписываюсь. Поэтому оставаться на своем посту, если бы мне пришлось опубликовать этот приказ, я не могу.

Пуускай во главе дела становятся люди, которые этот приказ безответственно предлагают.

Они понимают, что вызванная ими волна смует тех, кто будет стоять у власти, так пускай же она их смует, так как они ее вызывают.

Таскать каштаны из огня для людей, приносящих благо для России я еще понимаю, а разрушать здание для того, чтобы эти другие могли построить новое, я не намерен.

Вопрос надо поставить ребром. Все понимают, что без армии нельзя существовать. Так пускай они ее разрушают, чтобы их заклеимило потомство, а мы разрушать армию не должны.

Пусть Чхеидзе, Церетелли и разные другие иксы выйдут на свет.

Остановлюсь теперь на вопросе о союзниках. У каждого есть свои сокровенные мысли. Мы можем о них догадаться.

12-го февраля ночью уехали члены Петроградской конференции, а в 10 часов утра 13-го я был у государя, прося его о переменах в министерстве. Как последний козырь, я приводил государю то, что если союзники убедятся, что от нас ничего ожидать нельзя (к чему мы шли быстрыми шагами), они помирятся с германцами на наших спинах. Они отдадут германцам восток, Россию; им это выгоднее, чем позволить им, разбив Россию, обрушиться на Запад и осуществить идею мирового германского господства. Этим союзники купят себе передышку ценою нашего отечества. Это самое надо теперь сказать и народу.

Если нам возразят, что мы можем заключить сепаратный мир, то союзники в этом нас, конечно, упредят.

Россия—это собака на сене. И это сено съест Германия, от чего больше всего потеряет наш пролетариат и крестьянство. Надо открыть глаза на отношения к союзникам.

Надо сказать народу слова, которым не внял отрекшийся государь.

В 13 часов 20 минут объявлен перерыв.

Заседание возобновляется в 14 час. 50 минут 1 мая 1917 г.

Слово предоставляется генералу Данилову, который указывает на внутреннее состояние армий Северного фронта, из которых 5-я на пути к выздоровлению, 1-я еще не переболела, но все же может поправиться ранее 12-й.

Генерал Алексеев замечает, что 12-я армия на него произвела удручающее впечатление. Если же части 1-й армии останутся в нынешнем районе—Тапсе, Нарве и Ревеле, то армия разложится.

Генерал Драгомиров. Все выводы генерала Брусилова будут находить подтверждение в моих словах. Общее настроение армии—мир во что бы то ни стало. Все поголовно убеждены, что мир может и должен быть. Далее генерал Драгомиров приводит случай с Пятигорским полком, когда на месте его стоянки осталось знамя с надписью „мир во что бы то ни стало“. Офицер другого полка порвал этот плакат, и толпа пятигорцев преследовала его вплоть до Двинска, где офицера удалось спрятать. Братание с немцами приняло наибольшее развитие на паску, когда немцы ходили по окопам и их наши солдаты братающихся, но слова оставались словами. Участились случаи с приходом парламентаров. 23-го апреля они хотя и дошли до окопов, но приняты не были; это вызвало взрыв негодования в Пятигорском полку, посему при вторичном их приходе 28-го апреля они были приняты до получения разрешения из Ставки.

Опрошены были в присутствии 10 чел. Исполнительного солдатского комитета, депутатов 183 дивизии и Комаровского полка. Парламентары предъявили удостоверение от ген. Кирбаха, на фронте не состоящего, и, на предложение ген. Драгомирова высказать свои конкретные предложения не могли и ушли на совещание в соседнюю комнату. После 10 минутного совещания и пререканий, они вынесли предложение об установлении нейтральной зоны, где начальники и солдаты обеих сторон могли бы обсудить те основания, которые послужили бы основанием для будущих мирных переговоров.

Не принять парламентаров нельзя было, так как необходимо было считаться с настроением толпы.

В солдатской среде 5-й армии все эксцессы начали проходить и возникло новое затруднение—рознь в офицерской среде, разделившейся на заискивающих у солдат и офицеров достойных. Среди первых замечается стремление подкапываться под начальство, т.-к. каждый офицер имеет желание быть командиром корпуса. В войсках настроение паническое, каждый пролетевший снаряд заставлял людей в окопах шарахаться в сторону.

Всякое понятие о народной гордости полетело в трубу: господствующее настроение—эгоизм. Из-за всякого пустяка—

недоразумения. Теперь нельзя не только произвести перегруппировки, но даже незначительного перемещения или замены частей, батареи: подозрительность везде и во всем. Указание генерала Гурко на то, что некоторые случаи отказа были обусловлены недостаточным материальным снабжением — есть ничто иное, как предлог поторговаться или не стать на позицию. Ныне развилась страшная критика позиций, работы по их укреплению уменьшились до $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$. К числу чинов в окопах — прежде относились очень бережно, теперь, при выполнении распоряжения Военного Министра уволить больных и слабых, происходит беспощадная браковка, из 3 тыс. в полку бракуется до 1000.

На фоне безотрадного настроения есть и светлые стороны, например, в 14-м корпусе отмечается даже наступательный порыв в связи с ослаблением на его фронте противника.

Наиболее сильны национальные войска — латыши, поляки, украинцы, чехи. Настроение украинского с'езда — самое благоприятное и под всеми его постановлениями можно подписаться обеими руками.

В заключение, делая вывод — можно ли наступать, надо сказать, что — нет. Наступательной тенденции нет, но я не теряю надежды на ее появление.

Разлад между офицерами и солдатами во многом обязан всем мерам Правительства. Все его воззвания сводились к благу солдат и запугиванию офицеров. Только последний приказ подымает престиж офицеров, но это восклицательный знак над всеми прежними воззваниями. Развал армии начался с освобождения ограничений свободы слова и печати для солдат. Проведение в жизнь декларации прав военнослужащих — окончательно вырвет власть из рук начальников.

Если учреждение комиссаров, имеющих уже при штабе Западного фронта и при ген. Корнилове, будет проведено в нормах, указанных в „Русском Слове“, то нам надо или отстраниться или передать им полноту власти.

Генерал Брусилов говорит о посылке им телеграммы, что в случае назначения к нему комиссара, он подаст в отставку, на что получил ответ от Верховного, что он не останется в своем решении один. Кроме военного министра ответил и князь Львов, указав, что комиссаров приходится ввести, но они не будут касаться оперативных вопросов.

Генерал Алексеев замечает, что учреждение комиссаров — дело Гучкова, и князь Львов свою причастность к этому вопросу отрицает.

Присходит обмен мнений о комиссарах: Западного фронта — Вырубове и Юго-Западного — Дорошенко. Генерал Гурко высказывает мысль, что комиссары будут служить для связи Главнокомандующего и гражданского управления краем. Ко-

миссары—это триумвират с правами генерал-губернатора, получающий распоряжения от главнокомандующего.

Генерал Алексеев с указанным взглядом не соглашается.

Генерал Деникин замечает, что комиссары будут входить в рассмотрение закономерности распоряжений главнокомандующих.

Генерал Драгомиров продолжает. Наше еврейство заметно поправело. Однако, в отношении их в армии настроение самое возбужденное, заметна погромная агитация.

У противника также заметно разложение, в ряды их внесены также известный разлад, взыскания также более не накладываются, что служит известным показателем внутреннего их состояния.

Касаясь вопроса об отношении солдат к Совету Рабочих и Солдатских депутатов, генерал Драгомиров замечает, что солдаты в Совет просто влюблены. Относительно вопроса о демобилизации замечает, что у всех заметно стремление уйти с оружием в руках, также заметно вероятно нежное отношение к лошадям, на которые многие рассчитывают для возвращения домой при невозможности попасть на поезда.

Генерал Данилов указывает, что Временное Правительство власти не имеет. Начальники также имеют власть постольку, поскольку они идут за комитетами. Вся армия висит на проволоке с Советом Р. и С. деп. Всякое явное и прямое воздействие на Совет бесплодно, необходимо с ним итти нога в ногу. Указывая на преобладание в исполнительном комитете более деятельных большевиков, в общем собрании Совета более умеренных меньшевиков, генерал Данилов находит, что если стать на платформу меньшевиков и повести деятельную пропаганду в армии, то мы имели бы успех. В отношении съезда социалистов в Стокгольме необходимо нам оказать поддержку и содействие, так как эта конференция, на подобие парламентаров в 5-й армии, обнаружит свой провокационный характер и тем себя обезвредит.

В вопросе о декларации генерал Данилов не склонен придавать ее опубликованию в приказе большого значения, так как приказы производят теперь минимальное впечатление. Но все же, конечно, лучше, чтобы она не была объявлена.

Настала пора, чтобы наши начальники сказали свое веское слово, но не в смысле ухода или посылки телеграммы, а явившись в полном составе с Верховным Главнокомандующим в Совет Р. и С. деп., которому и раскрыть глаза на истинное положение вещей.

Генерал Драгомиров соглашается, что выходом в отставку помочь делу нельзя. Все теперь находятся под гипнозом слов, что показала история ноты Милюкова и события

20 и 21 апреля. Можно поехать в Петроград и просить Совет стать на защиту Родины.

Генерал Деникин докладывает вопрос об увольнении 40-летних, вызванное требованием Шингарева о снятии с фронта миллиона ртов. В Ставке пришлось лишь координировать распоряжения для тыла и фронта. Докладывает, как решен был вопрос об увольнении на разных фронтах. Проводимая процентная норма вызвала большое возбуждение среди солдат и этим объясняется приезд сюда ген. Аверьянова. Представление об увольнении 43—45-летних пришло в Ставку одновременно с газетными сведениями.

В отношении вопроса об увольнении инородцев со стороны Правительства последовало три решения, чем и объясняются перемены в условиях их увольнения.

Генерал Алексеев. Пока не будет у нас твердой власти, которая не будет дрожать перед Советом Р. и С. депутатов, до тех пор всегда будут колебания в разрешении таких вопросов.

Генерал Гурко указывает, что все решения Совета, проводимые в жизнь, надо проводить через центральные органы власти, в армии через Верховного Главнокомандующего, а не через главнокомандующих.

Генерал Алексеев замечает, что раз из какой-либо части отпустили всех, надо распространить это на всех, иначе все равно все уйдет, не спрашиваясь. „Теперь я по горькому опыту вижу, что раз „оттуда“ сказано, то так надо и делать“.

На замечание ген. Гурко, что в солдатской массе все же сохраняется чувство законности, ген. Алексеев говорит, что одна ласточка весны не делает.

Генерал Аверьянов докладывает о прибытии в Петроград депутатов в количестве 500 человек, которые, не удовлетворившись ответом Г. У. Г. Ш., пошли в Совет Р. и С. деп., куда, за болезнью Гучкова и неосведомленностью Новицкого, был послан полковник Якубович для выяснения требований или желаний депутатов. Последние сводились к следующему: 1) 43-летние должны быть повсюду уволены, как из окопов, так и из тылов, и не должны входить в процентную норму. 2) Против установления нормы вообще возражений нет, дело даже не в размере, а лишь в том, чтобы эта норма соответствовала условиям каждой отдельной части, причем приводился пример дружины, которая 4 месяца ничего не делала и из которой солдаты не могли быть уволены все в виду той же процентной нормы.

Все главнокомандующие протестуют против возможности осуществления этого пожелания, проведение которого в войсках вызовет бунт.

Генерал Алексеев говорит, что дни 20 и 21 апреля показали, что кровопролитие в Петрограде неизбежно, и что

только оно может разредить тяжелую атмосферу Петрограда. „Пусть перестреляются в Петрограде, это неизбежно“.

Генерал Брусилов возвращается к вопросу увольнения 43-летних и читает справку, причем приходит к выводу, что увольнение из тылов стариков влечет за собой необходимость расформировать ополченские дружины и обратить их в тыловые части.

Генерал Аверьянов замечает, что с лицами из Совета Р. и С. деп. сговориться можно, что показал пример посещения его некоторыми известными членами исполнительного комитета, когда он за чаем открыл им положение вещей. Как передавали ему потом его друзья дашнакацияны, эта беседа произвела на его собеседников потрясающее впечатление. Поэтому необходимо раскрыть перед этими лицами положение дел с такой же откровенностью, как это было сделано на этом заседании.

Генерал Алексеев. Можно ли им приехать сюда?

Генерал Аверьянов. Нет, лучше приехать туда.

Генерал Щербачев сомневается, чтобы голос начальников, при недоверии к начальству вообще, был бы для них авторитетным.

Генерал Гурко находит, что эти члены не дети и они поймут, что обращением к ним мы ставим крест на Временном Правительстве.

Генерал Данилов находит, что указанную поездку в Совет Р. и С. деп. сделать можно, так как собеседование с ними можно сделать совместно с членами Временного Правительства, во-вторых, потому, что Совет не уверен в своей силе, и в третьих, потому, что нам нужно принять наконец решительные меры.

Генерал Алексеев замечает, что он готов был бы поехать в Петроград и пригласить указанных лиц на беседу в вагон, но как бы не вышло того же, что и 20 апреля, когда они не хотели ехать в Маринский дворец.

Генерал Аверьянов указывает, что он из разговора с указанными лицами вынес впечатление, что авторитет главнокомандующих очень высок. Члены исполнительного комитета останоятся перед грозящей опасностью. Они очень доверяют генералам Брусилову, Гурко и другим. Они поверят голосу Верховного Главнокомандующего и главнокомандующих. „Неужели это так ужасно“ вот слова, которыми они встретили рассказ его о современном положении дел в армии.

Генерал Данилов. Нам необходимо сказать слово, т. к. в Совете совершенно превратное представление о положении дел в армии, благодаря рассказам разных депутатов и делегатов, которых армия всюду восторженно встречает, что и вводит их в заблуждение.

Генерал Егорьев делает заявление, что подвоз продовольствия начался и недели через три оно будет в армии.

Генерал Поливанов докладывает свои личные впечатления о совместной работе с Советом Р. и С. деп., с которым можно сговориться, примером чего приводит решение об отсылке в армию укомплектований, явившегося после разъяснения делегации о недостатке пополнения для армии, и здоровое отношение Совета в вопросах приказа № 213. Переходя к вопросу о декларации, заявляет, что первоначальная редакция ее имела более разлагающих сил, причем указывает на заявление Совета Р. и С. деп., что если декларация не будет объявлена, то он, Совет, считает себя в праве ее объявить от себя помимо Военного Министра, которому останется только уйти в отставку.

Декларация вторично была пересмотрена комиссией генерала Новицкого, которая никаких изменений в ее редакцию не внесла. Если декларация не будет объявлена, то она будет проведена „приказом № 3“.

Ехать главнокомандующим в Совет—неудобно, но если образовать совещание из представителей Государственной Думы, Совета Р. и С. деп. и членов Временного Правительства, то после такого совещания для решения частных вопросов можно будет проехать в Совет. „Но дать бой—необходимо“.

Генерал Гурко. Совет также не имеет ведь реальной власти и прислушивается к велению черни. К ним надо ехать с цифрами, с конкретными данными. Надо потребовать от них или передать всю полноту власти Правительству и нам и не путаться в частности, или пусть они власть возьмут в свои руки. Все эти Чхеидзе, Скобелевы, Церетелли—эсдеки, они как эсдеки ведут дело к развалу, чтобы потом строить здание на развалинах. Чхеидзе нравственно глубоко замаранный человек, вышедший чистым из своих грязных дел только потому, что его гражданские преступления были смешаны с политическими. Пусть он осуществляет чистоту, взяв власть в свои руки.

Генерал Поливанов указывает, что Совет не находится под властью черни, чему доказательством служит запрещение Советом митингов, что было точно выполнено.

Генерал Брусилов предлагает поехать одному только Верховному Главнокомандующему.

Совещание приходит к выводу, что надо поднять в Совете только военные вопросы, не касаясь общих, а также осветить вопрос об отношении к нам союзников.

Генерал Алексеев обрисовывает наше отношение с союзниками, обращающимися к нам с настойчивыми требованиями. Мы в их глазах теряем свой престиж. Приводится частная беседа итальянского представителя ген. Ромеи, который дал понять, что союзникам можно было бы сговориться

с германцами на почве дележа русской территории. Англичане—более корректны, но все же высказывают мысль, что мы им ценны постолько, поскольку им полезны, как сообщает об этом наш военный представитель ген. Дессино; по словам нашего посланника Неклюдова, всякие материальные соглашения с англичанами теперь недостижимы, ценность наша падает и никакие телеграммы Правительства и его, генерала Алексеева, впечатления не производят.

До заключения мира ждать недолго, и мир будет заключен за наш счет, если мы в течение текущего месяца не выполним своих обязательств. Приезд А. Тома выяснил, что половина материальной части нам сокращена, и выяснившийся при этом общий тон недоверия к нам—производит тягостное впечатление. Со стороны союзных представителей генералов Виллиамса и Жанена постоянно слышишь иронические вопросы, когда мы будем способны что-либо сделать; что угрожает Петрограду. Одним словом на нас союзники поставили крест и они от нас больше ничего не ожидают.

Недавно у союзников было совещание по поводу не вполне удавшегося их наступления на Западном фронте. Постановлено решение, что хотя результат их наступления и не отвечал их ожиданиям, все же сделано многое и они решили продолжать свое давление. Мы еще имеем месяц, чтобы всеми мерами оздоровить армию. Мы должны или произвести наступление, или мы будем поставлены в тяжелое положение в дальнейшем ходе военных действий и при заключении мира.

Если можно достигнуть поездкой каких-либо целей, я готов ехать.

Лично я не ожидаю благоприятных результатов, но поехать—необходимо, это соломенка, за которую нам необходимо ухватиться, чтобы выйти из нашего состояния маразма. Не выйдем—с нами союзники не будут считаться. И теперь в каждом донесении, телеграмме все резче проявляется сознание о нашей небоеспособности. Это вылилось в сокращении до минимума размеров нашей материальной поддержки. Надежды на американцев—пока надежда. Неизвестно еще, дадут ли они нам деньги и паровозы или нет.

Пока наш долг повелевает нам остаться на постах до малейшей возможности, а когда нам ничего не останется, пусть каждый делает, что находит нужным, мне же оставаться—будет невозможно”.

Подымается вопрос о пополнении людей, которых в распоряжении военного министерства много, но которые недостаточно обучены. Другой вопрос—в каком размере они дойдут до фронта и не разбегутся ли по дороге.

Генерал Алексеев. В течение ближайших 2—3 недель ничего предпринять нельзя, через три недели нам удастся

выйти из продовольственного кризиса. Когда наступит минута оздоровления армии, мы произведем наступление. Перегруппируем артиллерию, может быть взяв с Северного фронта 203 тяж. бригаду, дабы обеспечить успех нашего первого удара. Пока же союзников надо успокаивать общими фразами.

Генерал Брусилов. Может быть и через месяц мы не будем в состоянии перейти в наступление.

Генерал Алексеев. Во всяком случае мы сделаем все, от нас зависящее. Воздействуем на Совет Рабочих и Солдатских депутатов, может быть придется всем поехать, будем просить Временное Правительство и центральные учреждения не ставить нам палок в колеса и задержать опубликование декларации прав до осени, когда выйдет новый устав внутренней службы, в котором положения декларации не будут так резать глаза.

Генерал Щербачев. В нашем распоряжении не месяц, а дни.

Надо скорее решить вопрос. Если декларация будет объявлена, все рухнет.

Генерал Брусилов. Может быть Верховный проедет в Петроград.

Генерал Щербачев. Надо играть ва банк. Если будем разбиты, то для нас все равно, когда—теперь или через месяц. А если будет победа, то она нам необходима теперь же. Если я, приехав в Румынию, не привезу определенного решения и ничего не буду в состоянии сказать, то это через союзных послов разлетится по всему свету. Ведь наша поездка сюда не секрет и ей придают огромное значение.

Надо этот серьезный шаг делать теперь же.

Генерал Алексеев. Хорошо. Поедем. Тогда все ехать. Я пошлю об этом телеграмму Правительству.

Генерал Егорьев предлагает ехать с Верховным только ген. Щербачеву.

Генерал Алексеев. Нет, всем.

Генерал Данилов. Я знаю настроение Пскова, оно отражает настроение Петрограда. Вызов главнокомандующих сюда произвел потрясающее впечатление. Уехать обратно без решения невозможно.

Генерал Гурко присоединяется к высказанному мнению о невозможности уехать без решения и предлагает ехать в Петроград одному Верховному, оставив коллегиальный приезд на случай необходимости разрешения встреченных затруднений.

Генерал Алексеев. Нет, если давать бой, то сейчас и сразу.

Происходит обмен мнений по вопросу о том, почему союзники до сих пор не порвали с нами, хотя имели на это

фактическое право. Главкомандующие, указав, что 1917 год— безусловно последний год войны, решили во что бы то ни стало перейти в наступление, для моральной же подготовки признав необходимым поездку всем в Петроград, куда решили выехать на следующий день, т. е. 2 мая с. г.

Протокол составил
Генерального Штаба
Подполковник (подпись)
2 мая 1917 г.

Приложение № 7.

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ, бывшего 16-го июля 1917 года
в Ставке.

Присутствовали:

Министр Председатель, Военный и Морской Министр Керенский,
Министр Иностранных дел Терещенко,
Верховный Главкомандующий генерал Брусиллов,
Генерал Алексеев,
Генерал Рузский,
Главкомандующий армиями Северного фронта генерал Клембовский,
Главкомандующий армиями Западного фронта генерал Деникин,
Начальник Штаба Верховного Главкомандующего ген. лейт. Лукомский,
Начальник Генерального Штаба Генерал-майор Романовский,
Генерал-Квартирмейстер при Верх. Гл-щем Генерал-майор Романовский,
Начальник Штаба Гл-щего армиями Западного фронта Ген.-майор Марков,
Начальник Морского Штаба Верховного Гл-щего адмирал Максимов,
Полевой Инспектор Инженерной части генерал Величко,
2-й Генерал-Квартирмейстер при В. Г. Полковник Плющевский-Плющик,
Начальник Кабинета Военного Министра Полковник Барановский,
Капитан 1 ранга Немиц и стар. лейт. Муравьев,
Комиссар Юго-Западного фронта Савенков,
Секретари: Подполковник Тихобразов,
Подполковник Пронин.

Совещание началось в 15 часов 40 минут.

Министр Керенский. Настоящее совещание создано по моей инициативе. Временному Правительству необходимо было выяснить следующие три вопроса: 1) военно-стратегическую обстановку, дабы иметь возможность своевременно подготовить население к событиям ближайшего будущего, 2) общую обстановку, чтобы быть ориентированным при предъявлении требований и просьб к союзникам и 3) Временное Правительство должно знать, какими мерами, по мнению присутствующих, можно восстановить боеспособность армии, т. е. разобрать организационно-военные вопросы.

Я, как председатель, хотел бы выслушать от лиц, опытных в военном деле, об'ективные выводы из рассмотрения указанных вопросов.

Считаю своим моральным и нравственным долгом выразить глубокую уверенность, что мы об'единены единой мыслью спасти Родину и не отдать завоевания, сделанные русским народом.

Генерал Брусилов. Во исполнение указаний Председателя Совета Министров, я доложу положение на фронте. Еще зимой решено было произвести наступление на Юго-Западном фронте, в зависимости от чего моим предшественником генералом Алексеевым и были распределены силы и средства. Когда я вступил в Верховное Главнокомандование, я никаких перемен не делал. Но произошла одна крупная перемена: войска, а главным образом пехота стала к этому времени менее боеспособна, дисциплина безусловно пала настолько сильно, что нельзя было заставить войска ни обучаться, ни работать по укреплению позиций и плацдармов. Вследствие этого наступление мы начали не в мае, но значительно позже.

Однако, для производства такового были приняты все меры. Сам Военный Министр ездил на фронт и много помог делу, об'ясняя войскам необходимость наступления.

Начальствующие лица власти никакой не имели, поэтому надо было обратиться к агитаторам Совета Рабочих и Солдатских депутатов, комиссары также работали, и работа их имела хорошие последствия. Наконец, армейские комитеты проявили усиленную и плодотворную деятельность, многие из них даже ходили с войсками в атаку и проливали кровь.

Тем не менее, дисциплина в войсках не восстановилась, а без дисциплины и авторитета начальников успеха в нынешних длительных боях достигнуть невозможно.

Там, где была сильная артиллерия, где была могучая подготовка, там был порыв, но затем он выдыхался и войска при нажиме противника, и даже без него, возвращались на свои позиции.

Теперь прежде всего надо восстановить боеспособность армии, так как без этого никакие предположения, никакие решения не будут иметь значения.

Чтобы вернуть боеспособность армии, надо дать дисциплину войскам. Прежнюю дисциплину полностью восстановить нельзя и теперь желательно обсудить меры, которые могли бы поднять дисциплину и авторитет начальников и сделать войска послушными. Ведь теперь надо сутки и более, чтобы уговорить части итти выручать товарищей. Во время последних боев войска торговались, митинговали целыми сутками и иногда выносили решения не итти на помощь соседним частям. В результате—полная неудача. Без всяких разговоров, при малейшем нажиме, дивизии разбегались, не слушая ни уговоров, ни угроз. Все это происходит оттого, что начальники, от ротного командира до главнокомандующего, не имеют власти.

Работа комитетов и комиссаров не удалась, так как они заменить начальников не могут.

История указывает, что есть предел свободе армии, перейдя который армия обращается в скверную милицию, необученную, непослушную и выходящую из рук начальников.

Рассматривая поставленные три вопроса, считаю, что первым вопросом, который необходимо разобрать, следует поставить третий вопрос, указанный председателем, т. е. разобрать меры, необходимые для восстановления боеспособности армии.

Если позволите, я попрошу высказаться присутствующих, начиная с младшего.

Генерал Деникин. Прежде, чем разбирать необходимые меры, я считаю нужным очертить положение на Западном фронте.

С глубоким волнением я приступаю и извиняюсь, что буду говорить резко, но, как я говорил при самодержавии царей, так буду говорить и при самодержцах революции.

Я застал Западный фронт в полном развале. Это меня, признаюсь, удивило. Ни из донесений, которые я получал в бытность мою начальником штаба Верховного Главнокомандующего, ни от генерала Гурко, когда я принимал от него фронт, я не мог почерпнуть сведений, рисующих истинное положение Западного фронта. Но все вскоре разъяснилось. Войска до некоторой степени были послушны, пока образ наших действий был пассивный, но, как только потребовалось от войск проявить активность, развал обнаружился в полной силе.

В течение двух—трех недель, путем чрезвычайной работы командного персонала, удалось развернуть 10 армию, но при каких условиях: 48 батальонов отказались итти в бой. Один из трех ударных корпусов развернулся, другой разво-

рачивался две—три недели, третий совсем не развернулся. В частях царило неповиновение, разбой, грабежи, опустошались винокуренные заводы. Некоторые части, как, например, 703 Сурамский полк, потеряли физический облик и оставили воспоминания на всю мою жизнь.

Обстановка требовала перехода фронта в наступление, так как противник уже снял с Западного фронта четыре дивизии. Я решил наступать, не взирая ни на что. Я снял все негодное с фронта (всего до 30 тысяч) и отшел в тыл.

20-й корпус был двинут мной на смену правофлангового корпуса, так как я его считал лучшим. Однако, как только он получил боевой приказ, одна из его дивизий в первую же ночь прошла 30 верст, но затем вернулась в свое первоначальное место расположения. Другая дивизия вовсе отказалась наступать. Наконец, она развернулась после длительных переговоров.

С нравственной стороны войска обрабатывались старшим командным составом, был и Военный Министр, приезжал и Верховный Главнокомандующий генерал Брусилов.

Я не знаю, какое они вынесли впечатление, но обстановка была такова: когда Военный Министр был в 28 и 29 дивизиях, то все клялись ему идти в бой и вообще встретили его восторженно. Когда же Военный Министр уехал, то на станцию явились депутаты и сообщили, что после отъезда министра полки вынесли резолюцию не наступать.

Я присутствовал при трогательной картине передачи Потийскому полку красного знамени, когда на нем солдаты клялись идти на смерть; этот же самый Потийский полк за час до наступления ушел назад за 15 верст.

Верховный Главнокомандующий при отъезде фронта вынес впечатление, что солдаты хороши, но что начальники выпустили власть из своих рук. Это не вполне верно. Не власть ушла из рук начальников, а ее у них вырвали.

Наиболее восторженную встречу Верховному Главнокомандующему оказали на митинге 1 Сибирского корпуса, но, когда уехал Верховный Главнокомандующий, митинг продолжался, причем поносили Верховного Главнокомандующего и про него говорили: „чего вы слушаете старого буржуя“ и всячески ругали. Слушатели аплодировали и кричали „ура“ как в свое время Верховному Главнокомандующему.

Следующий разлагающий армию элемент—это комиссары. Может быть среди них есть такие черные лебеди, которые помогают, но, вообще говоря, этот институт неприемлем в армии. В армии не может быть двухголовья. В армии должна быть одна голова и одна власть.

В частности я должен охарактеризовать комиссара Западного фронта. Человек молодой, не знающий не только армию, но и не знакомый с жизнью, обладает большим власто-

любим. Он заявлял начальникам, что у него такая власть, что может удалить от должности кого угодно. Он говорит: „Керенский Военный Министр в России, а я для Западного фронта“. Я прекратил сношения с этим комиссаром.

Есть армейский комиссар, стоящий на грани меньшевизма и большевизма, тот самый, который делал доклад, что декларация мало развалила армию, что надо вычеркнуть § 14, надо вычеркнуть запрещение свободы в строю.

Третий комиссар—человек не русский,—презирающий все русское, но может быть приносящий пользу. Он ругает солдат такими словами, какими не ругали их при царском режиме. Сознательные граждане принимают эту ругань, как должное.

Итак, этот институт в армии недопустим.

Следующий разлагающий армию элемент—это комитеты. Есть отдельные комитеты, отдельные члены комитетов, преданных долгу, есть среди них люди, отдающие для спасения родины свою жизнь, но в целом, как институт, комитеты вредны. Они обнаруживают страшное стремление к власти. Так, например, фронтовой комитет требует передачи правительственной власти комитетам на местах. Комитет 2-й армии требует права действовать от имени центральных комитетов. Половина членов фронтового комитета вычеркнула § 14 декларации, другая половина требовала введения указания о применении всех мер воздействия не только против солдат, но и начальников.

Венгеров проводит взгляд, что органы солдатских комитетов должны иметь права отвода начальников. В общем, следует отметить стремление к захвату власти комитетами.

Перейду теперь к подготовке к операции. 8 июня фронтовой комитет вынес резолюцию не наступать. 18 июня—вынес резолюцию—наступать, за 10 дней совершенно перекарсился. Также и комитет 2-й армии—1 июня решил не наступать, а 20 июня—наступать. Минский комитет большинством 132 голосов против 72 вынес резолюцию не наступать, указывая на то, что наступление есть измена революции. Вот в этом и выразилась нравственная подготовка комитетов. Раз комитеты допускают подобные вещи, комитеты недопустимы.

Комитеты смещают начальников. Так, в 1 Сибирском корпусе сместили командира корпуса, начальника штаба корпуса, начальника 1 Сибирской дивизии. Я не допустил этого смещения, но командир корпуса, придя ко мне плакал, рыдал и мне пришлось позволить ему уйти.

У меня есть статистические данные—на фронте было 60 случаев свержения начальников.

Ротные и полковые комитеты входят в обсуждение положительно всех вопросов. Например, отправляется на фронт

запасный полк в полном составе, а из полка приходит по назначению 300 офицеров и 150 солдат, остальные комитетом отпущены в отпуск, с предложением прибыть по окончании такового в пункты назначения полков.

Комитеты—одно, а члены комитетов—другое. Нет совершенно комитетской дисциплины. Положим, комитет, состоящий из меньшевиков и большевиков, принимает одно какое-нибудь решение, но это не мешает членам комитета—большевикам проповедывать свой взгляд, разнящийся от принятого комитетом.

Комитеты являют собой многоголовие, многовластие и не укрепляют, а дискредитируют власть начальников.

Вот с какой подготовкой войска вступили в бой. Началась артиллерийская подготовка. За три года войны я не видел такой чудной работы артиллерии. Дух войск стал подыматься. Даже пехота, предъявляющая повышенные требования к артиллерии, осталась удовлетворенной. В 38 корпусе пехота даже отказалась от дальнейшего продолжения артиллерийской подготовки, считая ее совершенно выполненной.

Части двинулись в атаку, прошли церемониальным маршем две—три линии окопов противника, побывали на батареях его, принесли прицелы с орудий противника и... вернулись в свои окопы. (Генерал Деникин читает выдержки из оперативных донесений). Операция была сорвана. Докладывая о ней, командир корпуса горько рыдал.

Войска понесли потери, но главным образом при отходах. Через армейские приемники прошло 10 тысяч раненых, через фронтовые—20 тысяч. Из них тяжело раненых было $2\frac{1}{2}$ тысячи, с пальцами— $7\frac{1}{2}$ и прочих ранений, характер коих еще не установлен—10 тысяч.

Итак, операция была сорвана. Я на 19-верстном участке имел 184 батальона и 900 орудий, у врага было 17 батальонов в первой линии и 12 в резерве, и 300 орудий. В бой было введено 138 батальонов против 17; 900 орудий против 300.

Настроение теперь может быть лучше. Но только потому, что мы опять перешли к пассивной обороне.

Я собрал у себя командующих армий и задал им следующие вопросы:

1) Выдержат ли армии мало-мальски серьезное наступление противника. Ответ последовал: нет.

2) Выдержат ли армии наступление противостоящего им в данное время противника. Командующий 10 армией ответил, что армия выдержит. Командующие 2-й и 3-й армиями не могли решить этого вопроса, В 10-й армии более мощная артиллерия, чем объясняется ответ командующего.

Командующие армиями заявили, что у них пехоты—нет. Я же скажу, что у нас армии нет и что надо ее нам создать.

Мы получили новые законы. Власть сегодня сказала то, что вчера говорили мы, но тогда это называлось изменой революции. (На вопрос генерала Рузского, о каких законах идет речь, генерал Деникин пояснил, что говорит о смертной казни, о революционных судах и т. д.).

Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю. Большевизм—это черви в гнойной ране армии. Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени, люди не понимающие быта и условий существования армии. В начале это был гнет Совета Солдатских и Рабочих депутатов, бывшего в то время учреждением анархическим. Потом—роковые ошибки.

В первый раз своего проезда через Могилев, Военный Министр в разговоре со мной сказал: „Революционирование страны и армии закончилось. Теперь должна наступить созидательная работа“.

Я заметил, что революционирование закончилось, но слишком поздно.

Мы получили декларацию, хотя все военачальники высказались против нее. Все они говорили, что декларация погубит армию. Генерал Алексеев образно выразился, что декларация „последний гвоздь, заколачиваемый в гроб нашей армии“. Бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом, описывая скверное состояние, в котором находились армии его фронта, говорил, что у него есть еще надежда на улучшение, если только не будет введена декларация.

Но вот вышла декларация. § 3 была объявлена свобода высказывать политические взгляды в армии. Но затем за эту самую свободу политических взглядов расформировали 2-ю Кавказскую Гренадерскую дивизию, и я понимаю, что солдаты недоумевали.

Когда я предполагал расформировать 169-ю дивизию, которая вынесла порицание Временному Правительству и требование немедленного мира, то со стороны двух комиссаров я встретил противодействие, в действиях 169-й дивизии комиссары „с юридической стороны“ не видели состава преступления.

Но некоторым и декларации было мало. В секции военного съезда требовалась свобода слова и в служебное время.

§ 6 декларации дал возможность хлынуть в армию вполне разбойнической и пораженческой литературе, о чем лучше всего свидетельствует отчет московского бюро снабжения литературой, субсидируемого Правительством. (Приводит данные отчета).

§ 14 говорит, что никто из военнослужащих не может быть наказан без суда. Это соблюдается только по отношению к солдатам. К начальникам это, видимо, не относится,

так как к ним применяют наказания без суда, изгоняя вон со службы. Этот параграф совершенно упразднил наказуемость в войсках. Главное военно-судное управление известило, что действие военно-окружных и корпусных судов должно быть приостановлено, за исключением случаев измены. Таким образом, суды фактически прекратили свое действие. Введены вместо них дисциплинарные суды, бойкотуемые солдатами. Солдаты не выбирают членов суда так же как и присяжных в корпусные суды. Боюсь, что то же случится и в отношении военно-революционных судов. Оговорка в отношении вынесения приговора комитетами также неосуществима, так как вынесшие приговор члены комитета вряд ли останутся в составе его.

Упразднилась власть, оплевывались офицеры. Офицеры до Главнокомандующего включительно изгонялись, как прислуга. Военный Министр как-то на Северном фронте обмолвился, что он в 24 часа может разогнать весь высший командный состав. В речи своей Военный Министр, обращаясь к солдатам, сказал: „При царях вас гнали в бой кнутами и пулеметами. Начальники водили вас на бойню“.

Я стоял у подножия трибуны Военного Министра, слушал и сердце сжималось от обиды, потому что это была неправда.

Мои железные стрелки взяли 60 тысяч пленных и 43 орудия, но я их кнутами не гнал, не расстреливал пулеметами.

Но я готов был все снести в речи Военного Министра, если бы ею войска могли быть двинуты в наступление.

Когда в 703 Сурамском полку избили депутацию Соколова, Военный Министр послал сочувственную телеграмму. Я параллельно с этим приведу другой случай. Скромный герой, безрукий, генерал Носков (вспоминает этого героя—генерала в эпизоде взятия высоты „803“). Этого героя вызвали для объяснения две роты—и его убили....

Я спрашиваю господина Военного Министра, обрушился-ли он всей силой своей власти на убийц генерала Носкова, послал ли он телеграмму соболезнования убитой горем семье героя...

Когда обездушили начальников, их хлестнули телеграммой с угрозой отрешения тех, кто выкажет слабость и нерешительность в применении против неповинующихся оружия.

Нет, кто идет в бой, кто желает погнаться, того этим не испугаете...

В результате травли начальников, они разделились на три категории: одни, скрепя сердце, продолжают нести свои обязанности, другие, скрестив руки, плывут по течению, а третьи,—неистово махая красными флагами, ползают на брюхе перед богами революции, как некогда ползали при царях...

Офицерский состав находится в ужасном положении... Соколов, после объезда армии, сказал: „я и предполагать не мог, что офицеры такие мученики“.

Да, они—мученики.... Их оскорбляют.... их бьют. Да, их бьют. Они, спрятавшись в своих палатках, рыдают, но этого не скажут. Их убивают.

Есть только один честный выход для офицера—это смерть. Приходится читать такие донесения: „Цепь поднять не удалось. Все офицеры, рассыпавшись в цепь (около 20 человек), пошли в атаку на редут. Никто из них не вернулся“...

Пусть кровь их падет на головы их вольных и невольных палачей...

Чтобы возродить армию, необходимо:

1) Сознание вины и ошибки Временным Правительством, которое не поняло офицеров, считая их врагами свободы, их, радостно принявших весть о революции.

2) Петроград, чуждый армии и не понимающий ее жизни, должен прекратить военное законодательство, в отношении которого—полная мощь Верховному Главнокомандующему.

3) Из армии необходимо совершенно из'ять политику.

4) Необходимо отменить декларацию.

5) Упразднить комиссаров и комитеты.

6) Восстановить власть начальников.

7) Вести дисциплину.

8) Производить назначение на должности старших начальников лиц с боевым и служебным опытом.

9) Иметь отборные части, как опору власти начальников, так и на случай необходимости применения вооруженной силы против неповинующихся.

10) Ввести смертную казнь не только на театре военных действий, но и в тылу, где расположены пополнения. Революционные суды должны быть учреждены и для запасных полков.

Вы спросите меня, дадут ли эти меры желаемые результаты. Да, дадут, но не скоро. Легко было разрушить армию, но для ее воссоздания необходимо время.

Не взирая на полный развал нашей армии, нам необходимо вести борьбу с противником до конца, даже если бы нам пришлось ее вести на далеких рубежах

Пусть наши союзники не рассчитывают на наше наступление. Но мы должны продолжать борьбу, чтобы противник не снял с нашего фронта все свои силы и, устремившись на наших союзников, не разбил бы их и затем не раздавил бы нас. Продолжение борьбы—тяжелый крестный путь.

Есть и другой путь—путь предательства, измены нашим союзникам. Может быть он и дал бы временное облегчение нашей Родине, но он не даст ей счастья и повлечет за собой в конце концов моральное, политическое и экономическое рабство.

В лице здесь присутствующих Министров обращаюсь я к Временному Правительству: ведите Россию к правде и свету

под красным знаменем свободы, а нам дайте возможность вести наши войска под нашими старыми знаменами, обвеянными победами, к обрывкам лент которых тысячи уст благоговейно прикладывались, принося присягу на верность Родине и за которыми шли к победе и славе.... Не бойтесь начертанных на них остатков самодержавия: они давно уже стерты нашими руками. Вы—втоптали в грязь наши славные боевые знамена, вы и подымите их, если в вас есть совесть.... (В сильном волнении генерал Деникин просит Председателя разрешить выйти на некоторое время. Министр Председатель жмет руку генералу Деникину и благодарит генерала, за откровенно и правдиво выраженное мнение).

Генерал Клембовский. Северный фронт находится в состоянии разложения. На правом его фланге в 12-й армии развал достиг крайней степени; братание идет во-всю, попытки офицеров прекращать братание оканчиваются неудачей; если применяются против братающихся пулеметы, то толпы солдат набрасываются на них и приводят их в негодность. До какой степени дошло моральное разложение, видно хотя бы из того, что прислуга города Риги ездит по праздникам на балы в глубокий тыл немцев, проводит там ночь и к утру возвращается, пропускаемая нашим сторожевым охранением. Без сомнения противник пользуется этим, в целях разведки. Все, что у нас делается, все становится известным противнику.

Ни одно приказание начальников не исполняется без упрощения и унижения перед солдатами. Ни одно из предначертаний не приводится в исполнение.

Часто приходится сталкиваться на первый взгляд с странными вещами. Необходимо занять какой-либо боевой участок двумя полками. Солдаты отвечают: если пошлете один полк—пойдем, если пошлете два полка—не пойдем. Где же ключ к разгадке этого. Да дело в том, что в психологии солдата всякое сгущение войск знаменует собой стремление к наступлению, которого они не желают.

Развал достиг такой высокой степени, что когда было решено наступать 5-й армией 12-я армия должна была демонстративными действиями и огнем отвлечь внимание противника. Однако, командующий армией донес, что открывать артиллерийского огня он не решается, так как солдаты этого не допускают.

Даже Двина не препятствовала братанию, так как солдаты переплывали ее на лодках.

Местное население также заражено сильным германофильством. Следует отметить поведение латышей. В декабре прошлого года—это были герои, теперь же они наиболее зараженный элемент. И объяснение этого лежит в их национальной психологии. Немцы владеют $\frac{3}{4}$ Латвии, у нас же осталось всего $\frac{1}{4}$, следовательно, вероятнее всего, в их представлении,

ожидать свободы именно от немцев. Поэтому теперь латыши наиболее всего противятся переходу нашему в наступление.

Во многом виноват командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев. Он не сумел поставить себя в должное положение с комитетами и совершенно подпал под их влияние. Теперь в армии открыто говорят, что не генерал Радко-Дмитриев командует армией, а председатель армейского исполнительного комитета солдат Рамм.

Наряду с этим армейским комитетом возник комитет латышских бригад, узаконенный генералом Радко-Дмитриевым. Это чисто большевистский комитет, поддерживающий два издания большевистского направления. Искосол (армейский исполнительный комитет) сознает вред, приносимый Искострелом (исполнительный комитет латышских бригад), но не считает возможным с ним бороться, так как Искострел прибегает к жестоким мерам физического воздействия. Генерал Радко-Дмитриев, сознавая неустойчивость армии, дважды просил очистить часть территории, занятой частями армии. Я уже разрешил 15 июля очистить Иксюльское предместное укрепление, теперь он просит разрешить очистить часть полосы вдоль побережья.

И так, 12-я армия небоеспособна и не имеет никакой устойчивости. Если противник против нее перейдет в наступление, она сдаст позиции.

В 5-й армии дело обстоит несколько лучше. 50% армии вполне надежны, в наступление перейдут; 45% вполне ненадежны, 5% колеблющихся.

В 5-й армии возмущение подавлено оружием. Из 8.000 арестованных и распределенных на категории, 200 человек (зачинщиков и упорствующих) будут преданы суду; большая часть остальных не имеет особой вины и отобрана из общего числа делегатами от полков; третья категория, которых полки отказались принять обратно и которые колебались дать подписку доблестью своей смыть свою вину перед Родиной, направлены на пассивные участки.

Во время наступления, две дивизии из шести держали себя доблестно. 36-я дивизия, взявшая две линии неприятельских окопов и шедшая на третью, повернула обратно под влиянием панических окриков сзади; 182-я дивизия загонялась в плацдармы оружием; когда по ним был открыт артиллерийский огонь, то они открыли беспорядочную стрельбу по своим; при этом был ранен командир полка. Когда из 120-й дивизии в наступление пошел всего лишь один полк, а по дороге и в этом полку два батальона отстали, Нейшлотский полк не только сам не хотел наступать, но и препятствовал другим, арестовывая походные кухни с пищею частям боевой линии. Воздействием вооруженной силы полк был приведен к порядку. Сухиничский полк вынес резолюцию о законности братания.

За этим же полком числятся 14 преступлений, из которых могу назвать удар камнем в лицо командиру полка, нанесение побоев ротному командиру, разнос провиантского магазина, принятие указанной резолюции. Командующий армией возбудил вопрос о расформировании двух дивизий, на что согласие мною дано. Положение 5-й армии не блестяще, но все же лучше, чем в 12-й. Я предложил командующему 12-й армией применять для водворения порядка оружие, но у командующего не оказалось надежных частей. Я дал надежную часть 5-ю кавалерийскую дивизию, но командующий, боясь пустить в ход силу, остановил дивизию в 40—50 верстах от позиций.

Относительно мер, необходимых для поднятия боеспособности армии, я присоединяюсь к мнению главнокомандующего Западным фронтом. Меры взыскания и дисциплинарный устав должны быть восстановлены. Наш комиссар сказал, что начальники не умеют приказывать. Это неправда. Я приказал устраивать плацдармы. Все начальники делают распоряжения. Солдаты—отказываются строиться и нет сил их заставить выполнить приказание. Оружием заставить повиноваться всех—невозможно. Да, кроме того, это вещь обоюдоострая. 1-я кавалерийская дивизия приводила к порядку, и теперь, когда проходит мимо пехоты, последняя вслед ей кричит: „жандармы, фараоны“. В конце концов, ведь и такие надежные части откажутся от приведения к порядку других.

Во всяком случае, необходимо восстановить дисциплинарную власть начальников в полной мере до мелочей.

Отдание чести—отменено приказом № 1 и декларацией. Этим сделана крупная ошибка. Повторяю, это не мелочь, а капитальная вещь. Я генерал, главнокомандующий. При встрече со мной, я часто видел, как у солдата тянется рука, чтобы отдать честь, но затем, подумав, он закладывает руки в карманы и вызывающе смотрит мне в глаза. Раньше я ухом угадывал, какой солдат меня обгоняет. А теперь все развратилось. В глазах их так и читаешь: „плевать мне на тебя, хоть ты и главнокомандующий“.

Надо безусловно запретить митинги на всем театре военных действий. Они приносят безусловный вред. Кто на них берет верх. Исключительно горланы. Характерно отношение на митингах к офицерам и солдатам. Сплошь и рядом бывает, что солдаты на каждом шагу перебивают ораторов, и это ничего, но стоит только офицеру слово сказать, как все вопят: „в окоп его“. Окоп—это жупел для солдата.

Надо обратить внимание на запасные части. Они вносят полный развал в части. Начальствующие лица предпочитают иметь части в некомплекте, чем получать теперь пополнения.

Присоединяюсь к мнению главнокомандующего Западным фронтом относительно комитетов. Не для хвастовства

скажу, что у меня отношение со всеми комитетами самое лучшее, а комиссары говорили, что слышали обо мне самые похвальные отзывы. Не озлобление говорит во мне, а исключительно забота о пользе дела. Если же признано будет необходимым оставить, то непременно надо строго разграничить их власть и изъять из их компетенции контроль ими начальников.

А теперь они безусловно стремятся к такому контролю. Например, перед наступлением 5 армии ко мне обратились два комитета, предложив мне председательствовать и просили меня объяснить им, что такое прорыв, какое он имеет влияние на действия части, на положение соседей. Я прочел им маленькую лекцию. Вслед за этим члены комитета стали спрашивать, как у меня расположены резервы, какие приняты меры для усиления их и другие контролирующие меня вопросы.

В настоящее время постоянно приходится получать постановления комитетов, в которых читаешь „требуем удаления“, а в конце „и о последующем требуем уведомления“. Эти фразы указывают, что комитеты стоят на ложном пути. Просить они еще могут, ну а требовать—это уже слишком.

В комитетах Северного фронта настроение желательное, но чем лучше комитет, тем скорее падает его авторитет в глазах солдат. И иногда по адресу таких комитетов приходится слышать: „в штыки вас всех, это вам будет дело“.

Если и можно оставить комитеты, то только для обсуждения хозяйственных вопросов.

Перейду теперь к комиссарам. От командующих жалоб на них я не слышал. Сам я с ними иду рука в руку. Но мой комиссар просил усилить власть, сосредоточив ее в одних руках—главнокомандующего. Но, так как при теперешних обстоятельствах главнокомандующему часто приходится раз'езжать, то он находит необходимым, чтобы было второе лицо, скоторым главнокомандующий делит власть—это комиссар. Но я спрашиваю, где провести грань между властью главнокомандующего и комиссара. У нас отношения прекрасные, но, если эта мера будет принята, она будет принята для всех фронтов и не везде будут такие хорошие отношения, да, и кроме того, отношения между главнокомандующим и комиссаром могут испортиться.

В армиях предлагают создать триумвират (командующий, комиссар и солдат). На вопрос мой зачем солдат, получил ответ „для большего доверия“. Но ведь это заблуждение. Если он, солдат, будет идти рука в руку, то он в глазах солдат потеряет всякое доверие, он для них будет „буржуй“, которого надо „взять в штыки“.

Что руководит солдатами? Идейность. Нет. Большевизм, как правильно выразился главнокомандующий Западным фронтом, это черви в гнойной ране. У солдата одухотворен-

ные и сознательные глаза, пока не затронут шкурный вопрос. Но как только он затрагивается—тогда совсем другое дело. Большевики именно и бьют в эту струнку, вот почему они и имеют такое влияние.

Что может помочь? Смертная казнь? Но разве можно казнить целые дивизии. Предавать суду? Но тогда половина армии окажется в Сибири. Солдат каторгой не испугаешь. „На каторгу? Так чтож. Через 5 лет вернусь, говорят они, по крайней мере цел буду“. Как видите, все на почве шкурного вопроса.

Если восстановить власть и права начальников, восстановить дисциплину, упразднить митинги, отменить декларацию, тогда дело еще можно поправить; если же всего этого сделать нельзя—тогда армия пропала безвозвратно.

Я говорил с французским офицером, бывшем в 1908 году в русской армии. Он мечтал кончить скорее свое цензовое командование, чтобы снова попасть в нашу армию. Когда же теперь он приехал, то, передавая свои впечатления, он приходил в ужас и его сердце, по его словам, обливалось кровью... Это говорил француз, а каково должно быть тяжело нам, кто был оплеван, с кого срывали погоны.....

Говорят, Правительство решило непокорные гвардейские части лишить гвардейских преимуществ. Это новая пощечина офицерам, так как преимущества касаются только офицеров, а солдатам на них наплевать.

В настоящее время офицеры—единственный оплот свободы и революции. Против них не надо применять никаких мер, надо все меры направить исключительно против солдат.

Я получаю сплошь да рядом анонимы с вырезанными из журналов моими фотографиями с проколотыми глазами и соответствующими угрозами. Но мне—ничего, до меня не доберутся, а каково офицерам. Надо пойти в окопы, чтобы понять, что делается в душах несчастных офицеров.

По предложению Верховного Главнокомандующего, генерал Лукомский оглашает телеграммы генерала Щербачева, который указывает на необходимость восстановить власть начальников, и генерала Корнилова (от 16 июля № 4254), который для поднятия боеспособности армии считает нужным:

1) Восстановить в пределах территории военных действий закон о смертной казни и революционно-полевых судах, распространив и на внутренние округа в отношении военнослужащих за преступления, указанные в законе.

2) В кратчайший срок произвести самую основательную и беспощадную чистку всего командного состава.

3) Восстановить дисциплинарную власть начальников, начиная от ротного командира и выше, предоставив им право

неудостоения к производству, лишения званий, наложения арестов и предания суду.

4) Усилить комиссариат в армии, введя его в корпуса и предоставив комиссарам право конфирмации смертных приговоров.

5) Точно установить круг ведения войсковых комитетов, возложив на них лишь вопросы хозяйственные и внутреннего порядка. Всякое вмешательство комитетов в вопросы оперативные и перемены командного состава должно быть совершенно запрещено под условием строгой кары.

6) Воспретить законом на все время войны, во всех войсковых частях и учреждениях митинги, собрания и карточную игру.

7) Воспретить ввоз и распространение в районе расположения армии литературы и газет большевистского направления.

8) Воспретить въезд в район расположения армии всякого рода делегаций, депутатских и агитаторов, без предварительного разрешения соответствующих военных властей.

9) Правительство должно, сознав допущенную им несправедливость в отношении всего офицерского состава, в смысле подрыва его авторитета и унижения достоинства в глазах всего народа и солдатской массы, честно и прямо заявить, что во всех боях последнего времени в пехотных частях почти одно офицерство за самыми малыми исключениями выказало великую воинскую доблесть, преданность делу родины, свободы и революции, и смертью и кровью своей запечатлело бесконечное мужество и верность данной присяге. Не редки случаи, когда, брошенные обезумевшей толпой распропагандированных солдат на позиции, оставались одни офицеры и немногие унтен-офицеры и шли все, в неравной, но славной борьбе, платя жизнью за ошибки и преступления других. Офицерский корпус, сознавая тяжелое финансовое положение родины, донныне не заикнулся об улучшении материального положения своих семей, вследствие все растущей дороговизны. Правительство не должно пользоваться гражданской доблестью целого класса населения, в видах соблюдения экономии и не в пример прочим должно немедленно выработать законопроект об улучшении положения семей героев, погибших на войне.

Комиссар Савенков. Если я призван сказать свое мнение, то я должен его высказать так же полно и откровенно, как и предыдущие докладчики.

Я, как и все, так же люблю нашу родину, но я не могу согласиться с мнением господина главнокомандующего Западным фронтом и господина главнокомандующего Северным фронтом.

Господин главнокомандующий Западным фронтом сказал, что надо упразднить, за ненадобностью, а, может быть, за вредностью, комитеты. Однако, следует заметить, что члены войсковых организаций неоднократно сами шли в бой и погибали; много делали и в деле эвакуации, когда начальствующие лица не всегда и везде делали нужные распоряжения. Нельзя отрицать того, что войсковые организации приносят несомненную пользу, следят за хозяйственной частью, объясняют солдатам с демократической точки зрения явления общественной жизни. Они осуществляют законные права солдат, как российских граждан. Но я не могу не приветствовать меры Правительства относительно невмешательства их в оперативные вопросы и в отношении смещения начальников. Конечно, необходимо установить их круг ведения, и раз будет такое разграничение, то тогда войсковые организации ничего, кроме пользы, принести не могут. Если бывали трения, то они были случайные, и по вине личного состава организаций и начальствующих лиц.

Не могу также согласиться с господином главнокомандующим Западным фронтом относительно комиссаров.

Русская армия—армия демократическая, республиканская; высший же командный состав назначен еще старым правительством. Не будь этого, я первый бы утверждал, что комиссары должны быть отменены при первой возможности, но при указанных обстоятельствах в настоящее время без них—обойтись нельзя. Солдаты, часто недоверяя начальникам, доверяют комиссарам, и начальники часто через них и действуют. Комиссары, это те третьи лица, которые часто дают возможность сглаживать разногласия и недоразумения, происходящие между двумя сторонами.

В армии, пока в России есть революционная власть, должны быть глаза и уши у этой власти.

В бою комиссары показали, что они также могут увлекать солдат (например Шкловский, Сухомлин, погибший от русских штыков).

Во время отступления и дезорганизации, когда высший командный состав не мог для водворения порядка применить силу, комиссары находили эту силу и ее применяли. В 7-й армии, наводя порядки в тылу, комиссар остановил до 15 тысяч дезертиров.

Дабы не затруднять внимания высокого собрания, ограничусь лишь сказанным, чтобы утверждать, что комиссариат ныне логичен и неизбежен, и практически должен быть осуществлен.

Согласен с господином главнокомандующим Западным фронтом, что на ответственные должности комиссаров должны быть выбраны лица с тщательным разбором и также тщательно должны быть разработаны отношения между предста-

вителями революционной власти и командным составом. До настоящего же времени состав комиссаров—совершенно случайный.

Если бы я смотрел на положение наших дел, как господин главнокомандующий Западным фронтом, то я должен был бы сказать, что война нами проиграна. Но я с этим согласиться не могу, я говорю, что мы должны кончить войну без позора.

Правда, положение трудное, но не безнадежное. Рядом разумных и настойчивых мер мы приведем нашу революционную армию в такое состояние, что она не будет хуже армии старой.

Если разобрать причины разложения армии, то видим, что их можно устранить.

Главная причина—это падение дисциплины. Эта причина складывается из трех данных:

1) Наше военное законодательство не всегда было удачно. Приказ № 1—есть преступление, от него и пошла вся разруха. Дальнейшие законоположения не всегда были полны и не предусматривали жизни армии.

2) Преступная пропаганда, революционный карьеризм, когда некоторые, потакая солдатам, делали себе карьеру. Армия была наводнена большевистской литературой, не только „Правдой“, „Окопной Правдой“, но были и другие издания.

Главную опасность представляли, конечно, не эти большевистские издания, но издания с печатью высокого авторитета. В армию присылались в подарок от высокоавторитетного учреждения газеты и литература большевистского направления. Это недопустимо. Необходимо запрещение подобной литературы на всем театре военных действий. Если одновременно с этим будут приняты строжайшие меры, указываемая вторая причина падения дисциплины—отпадает.

3) Третья причина—это недоверие солдат к командному составу, ко всем, кто носит погоны. Конечно, степень недоверия в разных случаях—разная. Чем выше лица командного состава, тем недоверие возрастает. Я не могу согласиться с господином главнокомандующим Западного фронта, что эта вина Временного Правительства. От старого режима нам в наследство досталась темная масса солдат, не верившая своему командному составу, неграмотная. Армия боялась—и молчала. Угроза рухнула—и скрытые чувства вырвались наружу.

Демократическая армия должна быть построена на доверии. Наш высший командный состав должен сознать, что он не всегда и не во всем соответствует духу времени, не всегда и не во всем идет навстречу законным требованиям солдат.

Такие лица высшего командного состава в демократической армии оставаться не могут. Ведь армия составлена из

свободных граждан Российской республики, а командный состав поставлен еще старым Правительством. Я верю, что наша армия вновь станет боеспособна, и моя надежда—на младший командный состав. Он укрепит доверие к себе. Этих лиц надо видеть близко, чтобы вполне оценить их подвиги. Я их оценил во время отступления. Жизнь их была мучением, но тем не менее они показали подвиги. Я верю, что это молодое поколение возродит нашу армию, если не в полном ее составе, то в значительной части.

Я почти целиком присоединяюсь к мнению господина главнокомандующего Юго-Западным фронтом. Я присоединился бы вполне, если бы не вопрос о дисциплинарной власти в принципе. Я присоединяюсь к мнению его о необходимости восстановления дисциплинарной власти начальников, но наступило ли для этого время. В бою результат от принятия этой меры будет небольшой, а волнения будут огромные и эта мера встретит противодействие солдат. Для введения ее не наступило еще время.

Затем я настоятельно ходатайствую о сохранении войсковых организаций, в пределах, указанных Временным Правительством. Только опираясь на них, можно проводить меры, которые без них могут иметь неожиданные и тяжелые последствия.

Введение смертной казни признаю необходимой на театре военных действий, но не только против солдат, но и против начальников.

Генерал Лукомский замечает, что смертная казнь должна бы быть распространена на гражданских лиц, которые разлагают армию.

Генерал Алексеев. Уже все сказано было о состоянии нашей армии. Сейчас судьба России поставлена на карту, необходимо восстановить армию, иначе все будет бито, все завоевания революции будут потеряны. Без восстановления дисциплины спасти армию невозможно.

Безусловно, меры Правительства расшатали армию. Сперва—приказ № 1, затем декларация. Свое отношение к последней я высказал на совещании 4 мая в Петрограде, но тогда бывший военный министр Гучков сказал мне, что это дело одного момента. Да, за одним моментом последовал миллион моментов, и Россия за это платит слишком дорогой ценой. Когда я указывал на опасность принимаемых мер, от Военного Министра я получил совет не возбуждать теперь этих вопросов, „ибо теперь на все надо смотреть сквозь пальцы“.

Когда я указывал на недопустимость агитаторов в армии и заготовил соответствующий приказ, ко мне был командирован особый генерал, чтобы я взял мой приказ обратно.

Появилась декларация, как я сказал—последний гвоздь, заколачиваемый в гроб доблести, стойкости и дисциплины русской армии.

Для поднятия боеспособности армии, я вполне присоединяюсь к предложенным уже мерам, причем их обязательно нужно распространить и на тыл.

Я знаком с жизнью и деятельностью тыловых частей. Мы кормим громадное число бездельников. С утра до ночи все запасные части буквально ничего не делают (для примера генерал Алексеев приводит свой разговор с солдатами запасных частей, расположенных в Смоленске). В запасных частях—воспитания никакого, обучения—нет, разврат—полнейший.

Если мы будем подымать армию, ее дух, доблесть, и не обратим внимания на пополнения, то они сведут на-нет нашу работу и попрежнему будут вносить в армию разложение.

Дело дошло до того, что солдаты отказываются рабочих давать для приготовления себе пищи.

И так, запасных частей в настоящее время в России не существует. Это—толпы бездельников, вечно митингующих, а в остальное время лежащих и спящих.

Относительно офицеров—уже все было сказано главнокомандующим Западным фронтом. Вы говорите: солдаты им не верят. Веры нет, дайте хоть уважение, но и это исчезло, так как о воспитании солдата в настоящее время и речи нет.

Я разговаривал с солдатом, который до конца разговора не уяснил себе, с кем он говорит.

Внешний вид солдата—ужасный, надо его хоть немного привести в порядок.

Какое число офицеров выброшено по желанию господ „товарищей“ из армии... Все по причине „недоверия“. Я бы с этим согласился, если бы не знал фактов, когда недоверие выражали командирам, которые только что в данную часть были назначены и которых никто из данной части не знал. Говорят, что мы, как наследие старого, получили недоверие.

Но разве мы все без исключения пользовались недоверием. На это я скажу: неправда, мы пользовались доверием, так как среди нас было много людей, жертвовавших свою жизнь за солдата.

Надо только вновь вложить в сердце солдата заглушенные чувства; они спят, но не вытравлены. И когда это будет сделано, отступающие ныне части вновь пойдут вперед..

Менять личный состав, это еще более расшатывать армию. Конечно, негодных необходимо удалить, но выбрасывать сразу 120 генералов, среди которых много было хороших, недопустимо.

Необходимо обратить самое серьезное внимание на госпитали. Они переполнены. Возьмите хотя бы тот же Смоленск. Если врач признает кого-либо здоровым, то подвергается оскорблениям. „Что он понимает“, говорит подвергаемый осмотру солдат, „у меня все нутро болит“.

Генерал Лукомский замечает, что здесь, в Ставке, доктор Соколов просится в рядовые из-за оскорблений, которым он подвергается со стороны переосвидетельствуемых больных.

Генерал Алексеев продолжает:

Развращающая армия литература в массах наводняет армию и приходит туда скорее других. При таком положении бороться с ней немудрено.

Я вполне согласен с мерами для поднятия боеспособности армии, предлагаемыми главнокомандующими.

Относительно комитетов скажу, что какие бы приказы не писались, комитеты всегда будут вмешиваться во все. Их необходимо уничтожить. Конечно, сразу сделать этого нельзя, к этому надо придти постепенно. Военная история, насчитывающая тысячелетия, дала свои законы. Мы хотели их нарушить, мы и потерпели фиаско.

Но, повторяю, сразу уничтожить комитеты нельзя, надо выработать известную постепенность.

Относительно комиссаров я писал письмо князю Львову, в котором указывал, что если дается новое должностное лицо, необходимо одновременно с этим давать и „положение“, чего сделано не было.

Я смотрю на комиссаров, как на меру временную. Продолжительной она не может быть, так как это несовместимо с организацией вооруженной силы. Военная история уже знакома с институтом комиссаров во времена Директории, и тогда они, кроме вреда, ничего не принесли. Малая польза, приносимая их деятельностью, не окупает большого вреда, приносимого двоявствием.

Генерал Рузский. Картина нравственного состояния армии, нарисованная главнокомандующими, не только грустная, но я скажу прямо гнусная. Революционная армия—оказалась хуже царской. Когда мы получили свободу, войска шли в бой, а теперь...

Но дело не в царской или революционной власти, дело в расшатывании армии. Из нашей армии—сделали орду баранов. Кто виноват в этом—мы все знаем.

Моя третья армия в семь дней непрерывных боев взяла Львов. Армия потеряла 20 тысяч человек, 7 дней люди не спали, но дрались и шли вперед. Затем шли непрерывные, упорные бои под Равой Русской. Австрийцы были разбиты. Тогда мы вели наши войска в бой. Теперь же повели их просто на убой. Мы выставили впереди них красные знамена,

заменяв ими наши старые, славные знамена. За старыми знаменами люди шли, как за святыней, умирали. А к чему привели красные знамена? К тому, что войска теперь сдавались целыми корпусами, целыми корпусами бежали в тыл. Это — позор. Я извиняюсь, что говорю слишком горячо.

Я был на всех фронтах, видел все войска и потому знаю, чем они были раньше и чем стали теперь.

Прежде бывали трудные, тяжелые минуты, снарядов не было, но солдаты держались. От дивизий оставалось всего 1½ тысячи человек, и, несмотря на это, дивизии дрались, как львы.

А теперь что? Мы знаем, что в некоторых дивизиях осталось по 600 человек. Я спрашиваю вас, что это, все убитые, раненые? Нет. Позорно убежавшие.

Вот вам наглядная картина состояния армии — что было и что есть.

Я теперь проехал всю Россию. Был в тихих спокойных местах. Даже и там возмущение полное.

Относительно отношений между офицерами и солдатами скажу, что нигде не было такой армии, в которых отношения между офицерами и солдатами были более сердечны, чем у нас. Люди военные меня поймут, люди штатские — нет.

Вы не изучали военной истории, вы не изучали истории многочисленных войн, не изучали быта армии. А мы знаем.

В Кисловодске приходилось расспрашивать офицеров, раненых в последних боях. Оказывается, в некоторых полках осталось по 4—6 офицеров, а в одном полку совсем ни одного ни осталось. Произошло этого оттого, что на митингах солдаты обещали пойти в атаку, если впереди них пойдут офицеры. Офицеры в атаку пошли, а солдаты их кое-где не поддержали. Результаты известны.

В розданной нам записке о прошедшей операции приведены потери за время нашего наступления: 1200 офицеров и 37 тысяч солдат. Т.-е. 1 офицер на 35 солдат. Это очень красноречивая статистика. Прежде начальство говорило солдатам: „Братцы (заметьте — „братцы“, а не „товарищи“), бергите ваших офицеров“ и они их берегли. А теперь.

Говорят о недоверии. Недоверие всегда было, во все войны, как следствие неправильных распоряжений. Но ведь мы не боги, а люди, и можем ошибаться, поэтому недоверие всегда будет. Но в данное время недоверие искусственно увеличили.

Перейду теперь к мерам. Покидая армию, я никак не думал, чтобы дело пошло на ухудшение. Сейчас у нас армии нет, как выразился главнокомандующий Западным фронтом, и Правительство должно помочь начальникам восстановить армию, но лечить надо армию в корне, а не по симптомам.

На приказе № 1 необходимо поставить крест. Декларации, конечно, я не разделяю. Видно, что была написана людьми, не знающими ни духа, ни быта войск, так как люди, знакомые с военным бытом, не могли бы написать подобной вещи. Возьмем хотя бы вопрос об отдаче чести. Есть два вида дисциплины: внутренняя и внешняя. Чем разумнее солдат и народ, тем более развита внутренняя дисциплина и наоборот. При недостаточном развитии внутренней дисциплины, необходима дисциплина внешняя. Внешняя дисциплина выражается, между прочим, и в отдаче чести.

Возьмите французскую армию. Французский солдат развитее и сознательнее русского, а во французской армии отдача чести существует. Правда, они отдают ее небрежно, но все же отдают.

Агитаторы расшатали нашу армию. 1 марта, когда еще отречения бывшего царя не было, я получил сведение о том, что у меня на фронте появились агитаторы. Я считаю, что всякая агитация на фронте должна быть прекращена. Жонглирование словами, которых солдаты не понимают, очень вредно отражается на умах солдат, вносит смущение в их мозги, которые и без того шевелятся с трудом, и едва понимают даже самые простые слова.

Митинги должны быть запрещены.

Перейду к комитетам. Раз они внедрились, упразднить их невозможно, но надо их поставить в строго ограниченные рамки. Хотя и был приказ Военного Министра о том, что комитеты не могут вмешиваться в оперативные вопросы, но комитеты не слушают ни Правительства, ни начальников, так как они „революционная армия“. Они слушают только тогда, когда хотят. Я бы настаивал, чтобы меры в отношении комитетов были проведены. Какие меры—это дело Правительства.

Генерал Корнилов в телеграмме своей говорит о необходимости освежения командного состава. Я согласен с генералом Алексеевым, что его достаточно освежали и вряд ли освежили к лучшему. Назначались на высшие и средние должности лица, которые на них оставались не больше 7 дней.

Необходимо, чтобы все военные нововведения делались военным начальством: ведь нельзя же над Положением о полевом управлении войск поставить крест. Над Положением этим сидели люди годами. Если в нем есть недостатки, то их надо исправить, а отменять всего положения нельзя. Нельзя лишать начальника права назначать себе помощников и подчиненных: во-первых, потому, что кто лучше, как не начальник, знает тех, с кем он имеет дело, а во-вторых, кто, как не начальник, ответствен за действия подчиненного.

Допуск агитаторов в армию должен производиться только с разрешения командующего армией. Ведь большинство агитаторов—провокаторы. Например, кто такой нашумевший Хаустов. Сын жандармского вахмистра на железной дороге. В том же роде и другие.

Относительно комиссаров. Я смотрю на них как на копирование французской революции. В разговоре со мной один француз сказал: „Вы счастливы, что переживаете наш 89 год, не дай бог вам дойти до 93 года“. Ведь тогда, господа, было пустое дело. Вандея—раздута. А все же понадобилось 7 лет, чтобы сломить простых мужиков. Если мы, имея противником немцев, будем так воевать, как французы в Вандее, то потеряем все.

Нам нужна не революционная армия, а армия дисциплинированная. Только такая армия может победить, а не то—будет позор на веки вечные.

Как мы теперь изучаем историю, так наши потомки будут и нас изучать. И будет на нас лежать проклятие потомства за то, что мы сделали.

Для того, чтобы наше совещание имело реальные последствия, необходимо каждую из мер обсудить в отдельности и разобрать, насколько та или иная мера приемлема с точки зрения военной и правительственной.

Генерал Брусилов. Не может быть двух мнений относительно необходимости иметь строгую дисциплину. Пример—Германия, окруженная врагами, как держится и только благодаря дисциплине.

Конечно, не в том дело, что будет у нас республика или монархия, дисциплина все равно необходима, без нее армии нет. Оставляю в стороне причины разложения нашей армии, скажу, что вся беда России в том, что армия не дисциплинирована. На фронте у нас армии нет, в тылу—тоже. Затруднения, испытанные Временным Правительством в Петрограде, все бедствия внутри России имеют одну причину—отсутствие у нас армии.

Неудовольствие в стране, неуспехи на фронте происходят оттого, что у нас нет дисциплины.

(Читает телеграмму из Горок о производящихся там солдатами грабежах). Мирные жители просят оградить их от бесчинств серых банд. А эти самые банды на фронте бегут перед слабым противником. В сущности, они хорошие люди, но необразованных, неразвитых людей нельзя сразу сделать разумными гражданами.

Их надо привести к послушанию. Даже в Соединенных Штатах существуют такие суровые меры, как распинание солдата на земле (на подобие Андреевского креста), сажание на цепь. Сама по себе война явление жестокое, неестественное,

поэтому жестокими, неестественными мерами надо заставить солдата слушаться.

Как завести у нас дисциплину?

Что такое дисциплина. Слепое повиновение во что бы то ни стало начальникам, без критики и тем более без отказа от исполнения. Сразу это у нас ввести нельзя, но надо принять меры и завести правила, которые возьмут солдата в руки. Начальникам должна быть дана дисциплинарная власть, солдаты должны слушаться своего боевого начальника, иначе мы никогда войны не выиграем и даже не удержим нашего теперешнего расположения.

Дисциплину надо ввести не только на фронте, но и в тылу.

Недоверие всегда было и будет. Но вообще доверие солдат к офицерам было. Я это говорю нелицеприятно. В последнее время недоверие явилось следствием того, что солдаты свободу получили не сверху, а помимо этого. Этим именно и создалось недоверие.

Может быть Временное Правительство (я говорю про прежнее) не имело этого в виду, но так оно вышло. Солдаты заподозрили, что офицеры хотят отнять их права. Их окрестили „буржуями“. Но по существу офицер не буржуй, он самый настоящий пролетарий.

Генерал Рузский замечает, что и генералы—пролетарии.

Генерал Брусилов (продолжает). Если теперь у кого есть состояние, так это у крестьян.

Офицеры были более революционны, чем солдаты, которые стали революционными из-за посулов земли и воли.

Повторяю, может быть Правительство не хотело так остро ставить вопрос, но так вышло. Я много служил в армии и знаю, что недоверия к офицерам не было.

И так дисциплина в армии должна быть восстановлена, власть начальникам должна быть дана. Что же касается до войсковых комитетов, то их уничтожить нельзя, но комитеты должны быть подчинены начальникам, которые могут, в случае надобности, разогнать комитет. Не чувство озлобления говорит мной: я всегда работал хорошо с исполнительными комитетами. Но у одних это выходит, у других нет.

Нельзя допустить, чтобы комитеты, что хотели, то и делали. Например, председатель исполнительного комитета 12 армии Рамм, обращаясь непосредственно ко мне телеграммой, находит уход генерала Радко-Дмитриева с поста командующего армией несвоевременным. Я не имел даже в виду сменять генерала Радко-Дмитриева, но вмешательство в это дело комитета я считаю неуместным.

Комиссариат—желателен в настоящее время, только нужно определить размеры власти комиссаров. Долгом чести считаю

отметить полезную работу комиссара Юзфронта. Потом может быть надо будет уничтожить комиссаров, но пока они нужны. Сами начальники просят о комиссарах и агитаторах, но заменить начальников они не могут и должны помогать им.

Я слышу постоянные указания, что начальствующие лица назначены старым Правительством. Этого не имеют права говорить. Все солдаты, все вы также были при старом правительстве. Все одинаково были в России. Мы все одинаково раньше не были революционерами.

Теперь я служу этой революции, служу честно и никто не смеет утверждать, что я назначен старым Правительством. Нужно считать, что мы все назначены новым Правительством и поставить наконец точку над *и*.

Нет такой армии в мире, где младший не отдавал бы чести старшему. Например, Франция, про Германию я не говорю. Отдание чести—это известный привет людей одной и той же корпорации. Для нашего простонародья не отдавать честь кому-нибудь значит—ему „плевать“ на него. Конечно, если оба лица в штатском, то об отдавании чести нечего и говорить, но не отдавать чести, когда оба в военном,—недопустимо.

(Далее генерал Брусилов читает письмо).

Генерал Алексеев замечает, что игнорирование старых законов или искание новых—гибель для армии.

Генерал Рузский напоминает, что старые законы армии вырабатывались тысячелетиями.

Министр Керенский. По вопросу, возбужденному генералом Рузским, относительно баллотировки предложенных для поднятия боеспособности мер, я считаю, что делать этого не следует. Все равно это не могло быть проведено в жизнь. Самое важное и ценное для Правительства—выслушать мнения командующих и военных авторитетов.

Я не буду отвечать на нападки и вступать в область, носящую характер политического спора и сведения счетов с настоящей политической системой.

Генерал Рузский говорит, что во всем виновато новое Правительство. Прежде, по словам генерала, потеря особенных не было, а теперь людей ведут на убой. Но во время последней операции больших потерь не было. В газетах известного направления усиленно проводится мысль, что „наступление Керенского и Брусилова“ вызвало такие потери, каких раньше войска не знали (Русский вестник, Товарищ и др.). Но это неправда.

Многое, что говорилось, я не могу принять на свой счет. Ведь декларацию писал не я, а комиссия генерала Поливанова. Между тем, здесь указывалось, что ее писали люди штатские.

Генерал Рузский замечает, что он говорил, что писали ее люди, незнакомые с военным бытом, а генерал Поливанов военного быта не знал, так как всю жизнь провел в канцеляриях.

Министр Керенский (продолжает). При об'явлении декларации, пришлось выдержать целый поход слева в виду того, что декларация казалась недостаточной. Я декларацию не защищаю, и если бы я был министром во время того, как она выработывалась, декларация выпущена не была бы. Мне приходится ликвидировать многое, полученное в наследство.

Относительно вмешательства комитетов скажу, что я ни одного назначения по постановлениям комитетов не утверждал. Я всегда направлял поступающие просьбы соответственному начальству. Поэтому я эту часть совершенно отбрасываю.

Я понимаю, что многие не могут помириться с современным положением дел и стремятся вернуться к старому, но у русского народа хватит сил для борьбы с попытками возвращения к старому порядку.

Если принять максимальную программу генерала Деникина (я знаю, как работает генерал и знаю, что это не есть попытка реставрации старого режима), то надо ожидать громадных беспорядков. Я лично ничего не имею против того, чтобы сложить с себя должность Военного и Морского Министра, отозвать комиссаров, закрыть комитеты. Но я убежден, что завтра же начнется в России полная анархия и резня начальствующих лиц. Такие резкие переходы не могут иметь места.

Затем на совещании указывалось, что Временное Правительство подрывало авторитет офицеров.

Генералы Алексеев и Рузский заявляют, что такого обвинения Правительству не ставилось.

Министр Керенский (продолжает). Недоверие к власти—болезнь общая, оставшаяся после старого режима. В армии это вылилось в отношениях к офицерам, поэтому понадобилось назначение людей штатских (комиссаров).

То же сказалось и у рабочих, такое же недоверие к власти проявилось и в интеллигентных кругах. Я это испытываю на себе. В настоящее время к новой власти обращаются в такой форме, в которой раньше к старой власти никогда обратиться не смели. Это явление общее и в одинаковой мере относится также к солдатам; это—результат процесса, который переживает страна.

Мои стремления со времени вступления в Министерство сводились к созданию боеспособности армии, урегулированию взаимоотношений между офицерами и солдатами, между фронтом и тылом, но, однако, считаясь с историческим моментом и с тем, что возможно сделать в сегодняшний день.

Что касается предложенных мер, я думаю, что и генерал Деникин не будет настаивать на немедленном их проведении в жизнь. Надо заметить, что наиболее неудачные комиссары и комитеты оказались на Западном фронте, у генерала Деникина.

Верно сказал генерал Деникин, что он никогда и ни от кого не слышал об истинном положении Западного фронта. Генерал Гурко говорил, что все благополучно. Генерал Гурко — автор сформирования третьих дивизий в корпусах, тех дивизий, от которых пошло разложение.

Это не ошибка, что генерал Гурко был уволен. Он позволил себе обратиться в крайне дерзкой форме к Временному Правительству, заявив, что при создавшихся условиях он не может нести ответственности за порученное ему дело.

Пока я у власти, подобные явления мной не будут допускаться.

Я понимаю генерала Деникина, попавшего сразу в такие тяжелые условия.

Я не назначал комиссаров, пока Юго-Западный фронт не попросил у меня оказать им поддержку. Когда начали просить другие фронты, то у меня второго Савенкова не было, и я послал того, который был под рукой.

Я об'ехал фронт не только, как говорит генерал Рузский, чтобы устраивать митинги, но и потому, что большинство командного состава не могло обходиться без посторонней помощи.

Кто первый усмирил Сибирских стрелков? Кто первый пролил для усмирения непокорных кровь? Мой ставленник, мой комиссар.

Повторяю, если бы я был в свое время Военным Министром, то декларации не было бы. Но к моему вступлению в Министерство декларация была уже выработана комиссией Поливанова, и я принужден был ее подписать.

Ставя выше всего интересы Родины и революции, я не мог поступить иначе, чем я поступил. В настоящее время Россия спасается не только репрессией, но другим, и я верю в разум, совесть и патриотизм русского народа, в энтузиазм, и все это нельзя приносить в жертву ради железной дисциплины. Одной репрессией вряд ли мы вернем боеспособность армии.

Вчера у меня были французы и англичане и провели параллель между французской и нашей революцией. Это не так. Мы не копируем вовсе французскую революцию, а повторяются лишь законы революции. Возникла потребность в комиссарах и они появились.

Да, мы введем в армию революционный террор, но не для восстановления старого, а для поддержания нового.

Я формулирую свое отношение к высказанным мерам и пожеланиям: все, что является требованием для укрепления

дисциплины—все должно быть введено, но так, чтобы не были затронуты основные завоевания революции, чтобы в народе не было сознания, что мы возвращаемся к до-февральскому режиму. Поэтому я думаю, что некоторые вещи необходимо отбросить, чтобы введение их не имело вида отказа от новых форм, другие вещи—провести, и я сделаю все возможное, чтобы их провести. В настоящее время Временное Правительство действует решительными мерами и, вероятно, их придется усилить и я думаю, почти все, за немногими исключениями, может быть проведено в скором времени.

Михаил Васильевич говорит о назначениях молодежи. Но назначения—не считаясь с чинами—это постановление Временного Правительства, касающееся всех ведомств. От назначений, не считаясь чинами, отказаться нельзя, потому что это вызывается условиями момента.

Я молодеж Гучкова, однако, 120 генералов не уволил. Единственно отрешил командующего 7-й армией и назначил его начальника штаба, как человека, знакомого с протекавшей операцией и потому в моих глазах наиболее подходящего.

Генерал Рузский замечает, что подобное назначение согласуется с законом, который такой случай предусматривает.

Генерал Алексеев. Назначение прапорщиков—начальниками бригад—явление ненормальное. Нельзя назначать сплеча, так как только разумные назначения могут дать благие результаты.

Министр Керенский. Вы намекаете на назначение Змиева в Нижнем-Новгороде. Да, но тогда надо было принять экстренные меры, чтобы пресечь беспорядки, и это назначение Верховского, который очень хорошо справляется с своими задачами в Москве; он представил Змиева, а я это назначение утвердил.

Генерал Брусилов. Тогда его надо произвести в генералы.

Министр Керенский. В Казанском округе Мышлаевский внес разложение в войска округа. Относительно необходимости подтянуть округ я даже выступал в Думе. И я думаю, что назначение туда полковника поможет делу и он подтянет округ.

Генералы Рузский и Деникин. В вопросах о назначении мы указывали на необходимость назначения лиц с служебным и боевым опытом.

Ген. Рузский. Взять, например, последние приказы по в.-суд. управлению, как они составлены, и неудивительно при настоящем начальнике В.-Суд. управления.

Генерал Алексеев. Апушкин никогда не был ни судьей, ни прокурором.

Генерал Рузский. Поливанов—никогда в строю не был, все время был в канцеляриях, служебного и боевого опыта не имел. В последнее время был под большим давлением Совета Р. и С. депутатов.

Генерал Деникин. В его комиссии был солдат, который имел очень большое влияние.

Генерал Алексеев. В комиссии была компания из семи лиц, которая всем и ворочала. Один из председателей в этой комиссии сказал, что все эти люди—с перевернутыми мозгами.

Генерал Рузский. Как, например, решен вопрос об отдании чести? Уж лучше было совсем отменить ее, а то „отдавать честь по желанию“.

Министр Керенский. Конечно, все имеет свои отрицательные стороны. Сейчас все имеет ненормальный характер. Разве я, штатский, мог быть Военным Министром? Нет. Можно ли сейчас сделать поворот во всем? Нет, нельзя.

Что я не послал сочувственную телеграмму семье Носкова, то это промашка с моей стороны. Но утверждение, будто я хочу унижить командный состав, несправедливо.

Я отдаю должное доблести офицеров, но и офицеры не всегда были на должной высоте. Не было почти части, изменившей своему долгу, в которой бы офицер не вел пропаганды. Примеров много: случаи в 7-й армии, Хаустов. Где не было таких офицеров, там легко было справиться. Другая категория офицеров, главным образом на командных должностях, это нежелавшие считаться с моментом и устраивавшие итальянскую забастовку. Они предоставляли все комитетам, пока все не развалилось. Радко-Дмитриев мне давно казался не на высоте, он слишком поддался солдатам, я хочу его убраться, а он натравливает на меня комитеты.

Надо заметить, что ответственность всех так переплетается, что разделить всех на группы натравливающих, натравливаемых нельзя. Надо действовать по совести. Но кто не может примириться с новым порядком пусть не насилует себя и пусть уходит. Говорят о скороспелости некоторых мероприятий, но, если предлагаемые меры проводить узаконенным порядком, т. е. посылать по всем инстанциям, ждать отзывов и заключений, то пройдет слишком много времени и дело погибнет. А в настоящее время события летят. Эга спешность имеет и положительные, и отрицательные стороны. Но я в вашем распоряжении. Употребляйте меня, как аппарат с большой властью.

Я, как и все, стремлюсь к спасению Родины, но не к возвращению к старому. Однако, при принятии известных мер необходимо учесть, что при данном соотношении реальных сил возможно сделать и чего нет. Я так говорю не потому, чтобы я был против указанных мер, но потому, что должен

учитывать настроение масс. В этом настроении теперь уже можно ожидать перегиб.

Генерал Рузский. Напрасно вы, Алекс. Фед., все принимаете на свой счет. Конечно, исправить трудно то, что испорчено. Не вами испорчено, но все равно исправить то дело нужно, иначе Россия погибнет.

Было бы очень хорошо, если бы Правительство отрешилось наконец от боязни возврата к старому. Боязни не может быть, так как возврата к прошлому быть не может.

Все мы прослужили на военной службе десятки лет, нам больно видеть, что делается вокруг, поэтому так горячо и высказываем свои мысли.

Относительно демократизации армии замечу, что армия начала демократизироваться с конца 14-го года. Я об этом делал доклад бывшему императору. Какая огромная смена людей произошла в армии, видно хотя бы на примере полка, в котором я начал свою службу. Через этот полк за время войны прошло до 44 тысяч пополнений.

Министр Терещенко. Сейчас—я хотел бы только сказать несколько слов, как член Правительства. Упреки по адресу Правительства несправедливы, потому что оно занято теперь разработкой мер, которые идут иногда даже дальше, чем предполагает генерал Деникин. Говоря о мерах, необходимо отметить тот знаменательный факт, что настоящее совещание происходит в такое время, когда, по сложившейся обстановке, эти меры можно проводить в жизнь.

С комиссарами надо помириться, скрепя сердце, их уничтожить сейчас нельзя.

Еще месяц назад введение смертной казни представлялось невозможным. Теперь она Правительством принята единогласно и введение ее никаких осложнений не вызвало и население встретило это спокойно.

Вводить же смертную казнь в тылу сейчас нельзя, однако необходимо всячески ускорять в массах сознание необходимости указанной меры.

Уничтожить комитеты, как все говорят, сейчас нельзя. К этому надо придти постепенно.

Должен сказать, что в некоторых вещах Правительство пошло дальше здесь предложенных мер. В настоящее время разрабатывается привлечение к суду организаций за вынесение преступных постановлений и резолюций.

Вообще же теперь не время упрекать друг друга, а необходимо вместе работать для восстановления боеспособности нашей армии. Все мероприятия должны быть проведены постепенно, а не сразу, по мере пробуждения национального чувства, которое заметно выросло за последние 1½—2 месяца. Все, что можно будет провести теперь, будет проведено.

В 20 часов об'является перерыв.

Совещание возобновляется в 22 часа.

Министр Иностранных Дел Терещенко. Наше наступление, даже неудачное, подняло доверие к нам союзников, а для многих, в том числе для американцев, явилось неожиданностью, ибо они думали, что раньше осени мы к активным действиям не перейдем. Во всяком случае, в нашем наступлении союзники увидели вещественное наше желание наступать.

Сейчас меня интересует вопрос возможности взаимных наших действий с союзниками, при условии восстановления боеспособности нашей армии.

Как известно, сегодня должны были начать наступление англичане, в скором времени за ними французы. Я бы хотел знать, какой линии мне надлежит держаться при обращении ко мне союзников по вопросу о наших будущих действиях.

Когда началось наше наступление, которое вначале стало развиваться успешно, союзники послали нам самые радужные телеграммы, на которые я, однако, отвечал крайне сдержанно, указывая на то, что мы еще не производим того напора, который должен иметь решительные последствия.

Генерал Брусилов. При начале операции я вам указывал, что на успех ее особенно рассчитывать не следует. Во всяком случае мы произвели наступление в размере, на который мы были по настоящим условиям способны.

Что касается до будущих наших операций, то подготовиться к ним мы можем не раньше будущей зимы. Даже вернее не раньше весны. Условия зимней кампании таковы, что эта операция будет даже менее удачной, чем только что прошедшая. Может быть удастся провести небольшую операцию на Румынском или Кавказском фронте, но наверно об этом теперь говорить нельзя. Что касается до Юго-Западного фронта, то последний так расстроен, что рассчитывать на операцию раньше весны на этом фронте нельзя.

Министр Терещенко. Обязательства, которые мы дали союзникам, будут исходить отсюда, а не из Петрограда. Мне же указанные сведения нужны для моей личной ориентировки, чтобы знать, какой линии мне держаться. В настоящее время чрезвычайно сильно волнуются румыны.

Генерал Брусилов. Да, румыны сравнительно много сделали, у них был успех. Но в виду общего положения дел на нашем фронте, я послал телеграмму генералу Щербачеву с приказанием приостановить дальнейшее наступление. Я опасюсь, что, может быть, у Кирлибабы мы не удержимся.

Министр Терещенко. Главная наша забота должна заключаться в том, чтобы удержать за собой ту часть Румынии, которую наши войска сейчас занимают. В настоящее время румыны беспокоятся, что им придется очищать Румынию. Последнее обстоятельство вызывает два вопроса: 1) не-

обходимость перевода румынской армии на русскую территорию и переезда румынской королевской семьи в Россию, что вызывает некоторые неудобства в виду установления у нас республиканского строя, и 2) при наличии указанного условия Англия и Франция боятся заключения Румынией сепаратного мира, что возможно ожидать при новой игре Братиано.

Генерал Брусиллов. Да, возможно, потому что наши войска ведут себя крайне нетактично в отношении Румынии, вторгаясь в ее внутреннюю политику.

Министр Терещенко. Требовали отмены смертной казни, вмешивались в местное законодательство. Против всего этого приняты меры воздействия.

Генерал Брусиллов. Я телеграфировал генералу Щербачеву о неуместности вмешательства комитетов.

Я думаю, что румыны с большим удовольствием присоединились бы к немецкой коалиции, но этому препятствует нахождение наших войск в Румынии, которая чувствует себя недостаточно сильной для борьбы с нами.

Министр Терещенко. Теперь на очереди вопрос относительно Балканского фронта. В отношении Салоникской армии существует, как известно, два течения: английское, стремящееся к ликвидации этой армии, чтобы усилить Мессопотамскую, и другое франко-американское, которое придает чрезвычайно важное значение Салоникскому фронту, в виду предстоящего введения Греции в войну. Теперь, по видимому, второе направление берет верх, так как признается, что Мессопотамский фронт имеет третьестепенное значение и менее важен, чем Сирийский фронт.

Другой поднятый в настоящее время вопрос—это возвращение из Франции нашей 1-й особой дивизии. Возвращение в Россию признается нежелательным. Поэтому решено принять на месте все меры воздействия для приведения дивизии в порядок и направить ее затем на Салоникский фронт. Однако, генерал Дитерихс высказался против направления дивизии в Салоники, мотивируя это условиями снабжения и подвоза этого фронта.

Генерал Брусиллов. Если не хватало тоннажа в виду необходимости подвоза продовольствия, то теперь этот вопрос, после взятия Фессалии, значительно упростился.

Генерал Лукомский. Но сюда дивизию брать нельзя. Слишком различны условия войны здесь и во Франции. Займет только лишний тоннаж.

Генерал Рузский. А примут ли их на Салоникский фронт?

Генерал Брусиллов. Я обращаю еще раз внимание на важность Салоникского фронта, особенно из-за положения Румынии.

Министр Терещенко. Теперь вопрос о потерях материальной части.

Генерал Лукомский. Мы в материальной части артиллерии больше потеряли не при отступлении, а вследствие самой стрельбы.

Министр Терещенко. Об этом я писал еще 19 июня. Кроме того, союзники не выполнили еще 15% заказов. Желательно установить, какова наша потребность в поступающей из заграницы материальной части.

Генерал Брусилов. Надо просить союзников, чтобы они дали, сколько могут.

Министр Терещенко. Отпуск материальной части союзники связывают с работой фронта. Удалось ли установить потери наши в тяжелых орудиях во время истекшей операции?

Генерал Брусилов. Потери еще не выяснены.

Генерал Алексеев. Некоторые данные уже есть. По моим сведениям, потеряно до 35 тяжелых орудий (перечисляет категории орудий).

Министр Терещенко. Я прошу мне сообщить программу нашей несомненной необходимости, а также относительно того, что нам необходимо подвезти срочным порядком.

Генерал Брусилов. Я просил бы настоять на присылке нам авиационного имущества. У нас оно плохо и слабо.

Министр Терещенко. Много нашего груза лежит в союзных портах из-за отсутствия тоннажа.

О Персии сейчас говорить не буду. О Польше можно было бы говорить в случае удачи нашего наступления. Вообще же скажу, что в Польше серьезное неудовольствие Германией, в народе вырастает к Германии ненависть, так как винт политических и экономических репрессий завинчивается все больше и больше.

У меня есть еще другие вопросы, именно о выпуске Правительством акта международного значения относительно Польши, о польских легионерах, служащих в войсках противника, но их теперь касаться не буду.

С нашей стороны Правительством польские формирования разрешены, но отдельной армии формировать не желательно.

Я хотел бы выслушать теперь относительно нашего стратегического положения на фронтах.

Генерал Брусилов. Относительно стратегического положения могу сказать следующее. Из докладов главнокомандующих Северным и Западным фронтами явствует, что особой устойчивостью на этих фронтах мы обладать не можем, особенно в районе Риги, так как 12-я армия хуже 5-й.

Юго-Западный фронт потерял всю Галицию. Теперь войска фронта стоят на Збруче, т. е. по нашей границе. У Луцка генерал Корнилов для спрямления фронта хотел отвести войска на Рожище, но я не разрешил, ибо если нашим войскам дать повод к отходу, то их потом ничем не удержишь. На случай возможных активных действий противника на Ковельском направлении, генерал Эрдели принял соответствующие меры и вывел 3—4 дивизии в резерв.

Наше желание—стоять крепко на Збруче, но Збруч, сам по себе, препятствия, могущего остановить противника, не представляет. Поэтому уверенности, что мы не сдадим на Збруче, у меня нет.

Если мы сдадим Збруч и отойдем, то не на много, и если будем сражаться на своей земле, то думаю, что солдаты будут иначе относиться к своим обязанностям и будут драться упорнее. Кроме того, в этом помогут и принимаемые меры (расстрелы).

Гораздо важнее обстоит дело с I-й армией. Нам важно удерживать ее расположение, так как от нее зависит положение Румынского фронта. Чтобы удержать положение ее левого фланга, я передал генералу Щербачеву 29 корпус для подкрепления стыка I-й и 9-й армий. Левофланговые войска I-й армии—18 корпус—как все вообще войска, неустойчивы; поэтому что-либо сказать о положении здесь невозможно. Я направил на Юго-Западный фронт 10-й корпус, кроме него направлены еще 2 $\frac{1}{2}$ дивизии, всего пять пехотных дивизий; три кавалерийские дивизии кончают перевозку, перевозится еще одна (I Донская казачья дивизия), кроме того приказал генералу Щербачеву выделить в резерв еще один корпус. Больше этого невозможно оголять фронта, так как есть дивизии, имеющие в своем составе 400—600 штыков, большая часть которых разбежалась. В тылу у Проскурова было собрано 13 тысяч беглецов, южнее—17 тысяч. Их сразу вливать в части нельзя.

Не знаю, где по намерениям немцев должно остановиться их наступление. Теперь, когда начнется атака на французском фронте, немцы, по-моему, захватив Галицию, придержатся. Однако, не надо упускать из вида и того обстоятельства, что наша богатая продовольствием Подольская губерния может привлечь их внимание.

Генерал Лукомский. Сегодня обозначился некоторый напор противника у Збаража и Гусятина.

Министр Керенский. В виду возможных дальнейших неуспехов, представляется необходимым обсудить следующие три вопроса:

1) Вопрос об эвакуации населения. Наши внутренние губернии очень обеспокоены возможностью принятия на себя

волны эвакуации, и просят таковую производить не на Москву, а на Волгу.

2) Необходимо обсудить в порядке предвидения вопрос об эвакуации Петрограда и его окрестностей.

3) Вопрос о заготовлении Государственных бумаг, так как экспедицию эвакуировать нельзя.

Генерал Брусилов. Мы с Александром Сергеевичем (Лукомским) рекомендуем население оставить на местах. От этого особых бедствий не произойдет, да и надобности в эвакуации нет. При таком решении вопроса эвакуируемых много не будет.

Север—Петроград разгрузить следует от фабрик, но прямой опасности Петрограду нет. Чтобы захватить Петроград, немцам надо 4—5—6 свободных корпусов. Это—длительная операция. Пока немцы соберут нужные силы, наступит распутица. Это такое большое предприятие, что у противника не хватит войск. Мое мнение—Петроград вне опасности. Интересно, что скажет Михаил Васильевич.

Генерал Алексеев. Прежде я был того мнения, что Петроград вне опасности, но тогда у нас была армия, теперь же, когда осталась одна пыль человеческая, ни за что ручаться нельзя. Но поход на Петроград очень сложен. Другое дело операции против Риги и Полоцка, они возможны. В этих местах возможен прорыв нашего фронта, что заставит нас отойти от Двины. Противник будет теперь вести удар на правый фланг Румынского фронта, чтобы отрезать от нас Румынию.

Генерал Брусилов. В таком случае вы считаете, что немцы бесконечно сильны?

Генерал Алексеев. А сколькими дивизиями противник произвел настоящий прорыв? Четырьмя.

Генерал Брусилов. Даже тремя.

Генерал Алексеев. Немцы сами говорят, что контратака у них развилась в целую операцию. Теперь к ним надо применять другой масштаб. Набравши 7—8 дивизий, они могут произвести большую операцию.

Генерал Брусилов. Но с ними далеко не пойдешь.

Генерал Алексеев. Согласен. Да, Петроград вне опасности. А Риге, Полоцку и Румынскому фронту противник угрожать может.

Генерал Брусилов. Скорее всего надо ожидать наступления немцев на Северном фронте.

Генерал Алексеев. Из-за образования единой Латвии и последняя ее треть перейдет к немцам. Завладение Ригой и нижним течением Двины имеет слишком большое для немцев значение.

Генерал Брусилов. Все это мы предполагаем, но сказать, как будет на деле—нельзя. Во всяком случае, я не со-

ветую начинать эвакуировать Ригу, так как, если немцы об этом узнают, они наверное ударят. Кроме того, Рига была уже почти совсем эвакуирована. Сейчас, конечно, некоторые громоздкие вещи отправить можно.

Министр Керенский. Значит, мер никаких принимать не следует?

Министр Терещенко. Относительно Финляндии—особенно опасаться нечего. Перемена настроения флота отразилась на настроении Финляндии. Принятые для поддержания порядка меры лишат возможности итти на открытое восстание.

Генерал Величко. Прошу разрешить сделать заявление чрезвычайной важности. Дело касается устройства тыловых рубежей. Предусмотрительность Верховного Главнокомандующего в 1915 году привела к укреплению целого ряда рубежей.

Генерал Брусилов. Вы их хотели уничтожить, но я вам это запретил.

Генерал Величко. Да, вы с величайшей предусмотрительностью запретили мне это. Но эти рубежи представляли из себя одну лишь линию околов, второй совсем нет. Можно было бы создать ее в два месяца, если бы были рабочие руки. Теперь рабочих нет. Организованных рабочих дружин—мало, да и в дружинах вместо 1000 человек всего человек 200. Таким образом, с наличными рабочими средствами работать в тылу мы не можем. Кроме того, скоро начнется жатва, когда отрывать от полей рабочие руки нельзя.

Генерал Брусилов. Да, невозможно одновременно и окопы рыть и жатву собирать, иначе будет голод.

Генерал Величко. При своем отходе, войска бросили чудные позиции, с бетонированными блиндажами и т. п. Однако, тем не менее позиции готовить нужно. Я вижу источник рабочих рук—сотни тысяч бездельничающих в тылу. Есть беглецы, которых можно свести в рабочие роты.

Генерал Брусилов. Я должен вас прервать. Если вы намекаете на дезертиров и предлагаете их послать на рытье позиций, да еще и деньги им платить, то на фронте никто после этого не останется. Я на такую меру согласиться никак не могу, потому что в таком случае у нас будут рабочие, чтобы рыть позиции, но некому будет их защищать. В армии надо пополнить ряды, к чему надо стремиться всеми способами.

Генерал Романовский (Нач. Ген. Шт.). В составе запасных полков в настоящее время 500 тысяч человек и условных также 500 тысяч. Весь людской запас равен 800.000—1.000.000 человек. У нас излишка людей нет.

Генерал Величко. Может быть господин Военный Министр найдет возможным формирование инженерных ра-

бочих дружин из негодных к окопной службе и бездействующих в тылу.

Генерал Брусилов. Из какой категории?

Генерал Лукомский. Из 80.000 Петроградского гарнизона.

Министр Керенский. Я—согласен.

Генерал Романовский (Нач. Ген. Шт.). 5 полков Петроградского гарнизона расформированы. Зачинщики предаются суду, а пассивный элемент будет послан на фронт с выдачей им жалованья по старому окладу. Всего будет вывезено из Петрограда около 90.000 человек.

Генерал Брусилов. А они не разбегутся? Ведь организованные полки и те разбегаются.

Министр Терещенко. Я думаю, что карательные меры удержат.

Министр Керенский. Не думаю. Всех не расстреляешь. Я думаю, что из части их можно сформировать инженерные рабочие дружины.

Генерал Романовский (Нач. Ген. Шт.). Их за наказание посылают в окопы. Назначение в рабочие дружины не будет для них наказанием.

Генерал Деникин. Можно им сказать, что это на время, чтобы они работали и учились.

Генерал Клембовский. А кто будет их окарауливать?

Генерал Брусилов. Казаки.

Генерал Клембовский. А откуда их взять? Я уже и так израсходовал для поддержания порядка три дивизии.

Комиссар Савенков. Расформирование — большой соблазн для армии. Относительно Петроградского гарнизона скажу, что в лучших частях очень сильное негодование по адресу Петроградского гарнизона, их считают хуже дезертиров. Если солдаты армии узнают, что петроградские солдаты „устроились“, можно ожидать нежелательных последствий.

Генерал Деникин. Однако, брать их фронты не хотят. Выйдет с ними, как с жандармами и полицейскими.

Генерал Брусилов. Я согласен с мнением комиссара Савенкова.

Комиссар Савенков. В отношении жандармов мы пришли к такой мере: делать из них небольшие боевые единицы. Так же можно поступить и с чинами Петроградского гарнизона.

Генерал Брусилов. Можно из них составить роту при каждом полку?

Комиссар Савенков. Если их разбить по частям, то они незаметно будут вести пропаганду, если же из них сформировать отдельные части, то остальные солдаты будут знать, что это изменники.

Министр Керенский. Резюмируя сказанное, из солдат Петроградского гарнизона составить роту на полк или послать их на Кавказ.

Генерал Лукомский. На Кавказ всех нельзя.

Генерал Величко. Но ведь надо рабочих для тыловых рубежей в районе 1-й армии.

Генерал Брусилов. Мы не в состоянии теперь укреплять тыловые рубежи. В Германии взяты все до 60 лет, а мы не можем привлечь 40-летних. Правильно высказался комиссар Савенков, что нельзя оставить их в тылу.

Министр Керенский. Так значит их надо направить на фронты.

Генерал Брусилов. Да, на фронты и на Кавказ.

Генерал Романовский (Нач. Ген. Шт.). По 15 тысяч на фронт.

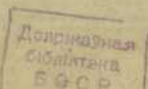
В 23 часа совещание заканчивается.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПИКЕЛЬ. ПРЕДИСЛОВИЕ.

	СТР.
Глава I. Подготовка к кампании 1917 г. Перемены в Ставке. Предложение союзников. Соотношение сил враждующих сторон к декабрю 1916 г. План Главнокомандующих фронтами и Ставки на 1917 г. Совещание в Ставке 17—18 (30—31) декабря 1916 г. Окончательное установление плана кампании 1917 г. Предположения союзников и состояние их армий. События в феврале 1917 г.	11
Глава II. Революция. Реформы Гучкова. Разложение армии. Действия в марте и потеря Червищенского плацдарма. Опасения за Петроград. Колебание относительно плана действий	39
Глава III. Усиливающийся развал армии. Предположения о вступлении Северного фронта. Замена Алексеева Брусиловым. Наступление Юго-Западного фронта. Действия на Северном и Западном фронтах. Отступление Юго-Западного фронта	63
Глава IV. Совещание в Ставке 16 июля. Замена Брусилова Корниловым. Окончательный отход Юго-Западного фронта. Действия в июле—августе на Северном фронте. Опасения за Финляндию. Рижская операция. Замена Корнилова Керенским	87
Глава V. Операция немцев против Моонзундских островов. Некоторые мысли о кампании 1917 г. Конец войны. Заключение	106
Приложение № 1. Боевое Расписание к 15/XII 1916 г.	115
Приложение № 2. Сравнительная ведомость числ. русских и непр. арм. к 11/XII 1916 г.	117
Приложение № 3. Письмо Гучкова Алексееву 9 марта 1917 г. № 33.	121
Приложение № 4. Документы о назначении Алексеева Верховным Главнокомандующим	122
Приложение № 5. Письмо Алексеева Гучкову 30/III 1917 г. № 2639.	130
Приложение № 6. Протокол совещания Главнокомандующих 1 мая 1917 г. в Могилеве на Днестре	133
Приложение № 7. Протокол Совещания, бывшего 16-го июля 1917 г. в Ставке	151
Схемы №№ 1—11.	

274086

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА, Смоленский бульв., 53. Тел. 2-15-20.

СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Глазовский пер., д. 1. Тел. 2-45-98.

НОВЫЕ КНИГИ:

- Волков, А.**—Укрепленная позиция („Библиотека Красноармейца“ № 4). 76 стр. с 17 рис.
- Голиков, А.**—Уход за лошадей. („Библиотека Красноармейца“ № 6). 42 стр. с рис.
- Головкин, В. К.**—Опыт методики строевой и полевой подготовки пехоты. Курс лекций, прочитанных в Высшей Стрелковой Школе в 1922—23 уч. г. 86 стр. с прилож. 1 схемы.
- Краев, М.**—Как воюют теперь. (С рис. в тексте). 22 стр. („Библиотека Красноармейца“ № 2).
- Красная Звезда.**—Хрестоматия. Составил Д. Кин. Под редакц. М. Рафеса. 391 стр.
- Куль, Г.**—Воспитание мирного времени и опыт войны. Перевод А. Таубе, под ред. проф. А. Е. Снесарева. 39 стр.
- Кюльман, Ф.**—Курс общей тактики по опыту великой войны. Перев. со 2-го франц. изд. под ред. проф. А. Е. Снесарева с 4 рис. в тексте. 304 стр.
- Морозов, Н.**—Тактика пехоты. 2-е переработанное издание, согласно прогр. и указан. Гувуза. 280 стр. 96 черт.
- Памятка.**—Пособие для политрука. 102 стр.
- Пуськов, В.**—Борьба с газами („Библиотека Красноармейца“ № 5). 38 стр. с 9 рис. в тексте.
- Сведения по военно-химическому делу.** (Сборник ГАУ). 164 стр. с 58 рис. в тексте.
- Слуховский, М. И.**—Пути подготовки библиотекаря политпросвётчика. 67 стр.
- Смысловский, Е.**—Орудийный начальник. („Библиотека Красноармейца“ № 3). 18 стр. с рис.
- Ходьба и бег.** Вып. 2. Серия физической подготовки Р.-К. Кр. Арм. и допризывной молодежи. 25 стр.

Заказы адресовать в В. В. Р. С.

При покупке скидка от 15% до 30% в зависимости от числа приобретаемых экземпляров.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА, Смоленский бульв., 53. Тел. 2-15-20.

СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Глазовский пер., д. 1. Тел. 2-45-98.

Л. ТРОЦКИЙ

КАК ВООРУЖАЛАСЬ РЕВОЛЮЦИЯ

Том I

434 стр., 6 схем. Цена 3 руб. 75 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ

(Размер 16 × 24 вершков)

В НЕСКОЛЬКО КРАСОК

ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ КОРПУСОМ
ВОЕННЫХ ТОПОГРАФОВ

Цена 1 р. 50 к. по предварительной подписке
(до выхода из печати)—65 к.

Заказы адресовать в В. В. Р. С.

При покупке скидка от 15% до 30% в зависимости от числа приобретаемых экземпляров.

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА, Смоленский бульв., 53. Тел. 2-15-20.

СКЛАД ИЗДАНИЙ В. В. Р. С.—Глазовский пер., д. 1. Тел. 2-45-98.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ ПЯТАЯ КНИГА

(СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ)

ЖУРНАЛА

„ВОЕННАЯ МЫСЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ“

под общей редакцией: С. С. Каменева, В. А. Антонова-Овсенко, П. П. Лебедева, Д. А. Петровского, В. П. Полонского и К. В. Скерского.

СОДЕРЖАНИЕ:

Г. Г. Димма.—Приемы борьбы вооруженных сил Германской Республики с революционным пролетариатом в 1918—1919 г.г. Проф. **А. Свечин.**—Вторая часть мировой войны. **С. Венцов.**—Уроки гражданской войны в Финляндии. **А. Р.**—Равнение на фашизм. **Ф.**—Современная Польша и ее границы. Проф. **Д. Позднеев.**—Что потерял СССР с захватом Сахалина Японией и что выиграла последняя. **Н. М. Попов-Татива.**—К истории гражданской войны в России (особое совещание по участию Китая в мировой войне). **И. Калинин.**—На болгарском плацдарме (из истории взаимоотношений Врангеля и болгарского правительства). Проф. **Г. Попов.**—„Газовая дисциплина“. **А. Яковлев.**—Химическая война и мирное население. **С. Покровский.**—Оперативная деятельность авиации. **Н. И. Шабашев.**—Воздухоплавание в Красной Армии и флоте. **Ве-эр-ве.**—Артиллерия и войсковые начальники. **Е. Брысов.**—„Артиллерия сопровождения“. Проф. **К. Величко.**—Крепости в мировой войне 1914—18 г.г. Проф. **М. Сухаревский.**—Минноподземное дело в войне будущего по опыту мировой войны. **Военная жизнь СССР. Военная жизнь за границей. Библиография иностранной и русской периодической и непериодической военной печати. Литературная хроника.**

306 стр. с иллюстрациями. Цена 3 руб. черв.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ в В. В. Р. С.

При покупке скидка от 15% до 30% в зависимости от числа приобретаемых экземпляров.

Схема №1а

Схема № 1^б

° БАЛСК

° ШАВЛИ

° ЛОНЕВЕЖ

Ново-Александр

оз. Дрисвяты
6 п.д. + 1/6 к.
(68 б. + 8 эск.)

Полоцк

Г I

Глубокое

Докшицы

Вильна

11 п.д.
(127 б.)

Солы
Жуйраны
Ошмяны
Гражишкй

Крево
Мартышки
Сморгонь
К. Гр. II

Х X

Кунава
Молодечно

XXVIII
Листопадды

XXIV

3.

° МИНСК

С

Ю

Гродна

° Белосток

Слоним

9 п.д.
(107 б.)

Лабуза
Барановичи
2 гр.

Гр. Несвиж

IX

42
5
31
9

Ур.к. X

Сиб. каз. св.

° Кобрин

8 п.д. + 4 1/3 к.
(102 б. + 96 эск.)

Пинск

Г III

Домбровица

Сарны

Ковель
19 1/2 п.д. + 1 1/3 к.д.
(188 б. + 8 эск.)

Владимир Вол.

° Сокаль

Дубно

Г VI

Кременец

Броды

9 п.д. + 1 к.

° Львов

(119 б. + 24 эск.)

МАСШТАБ:

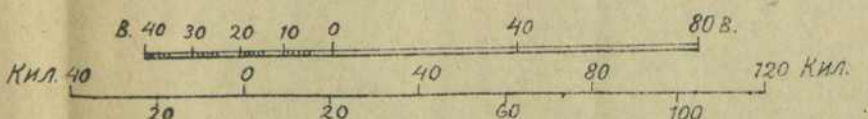

Схема № 16

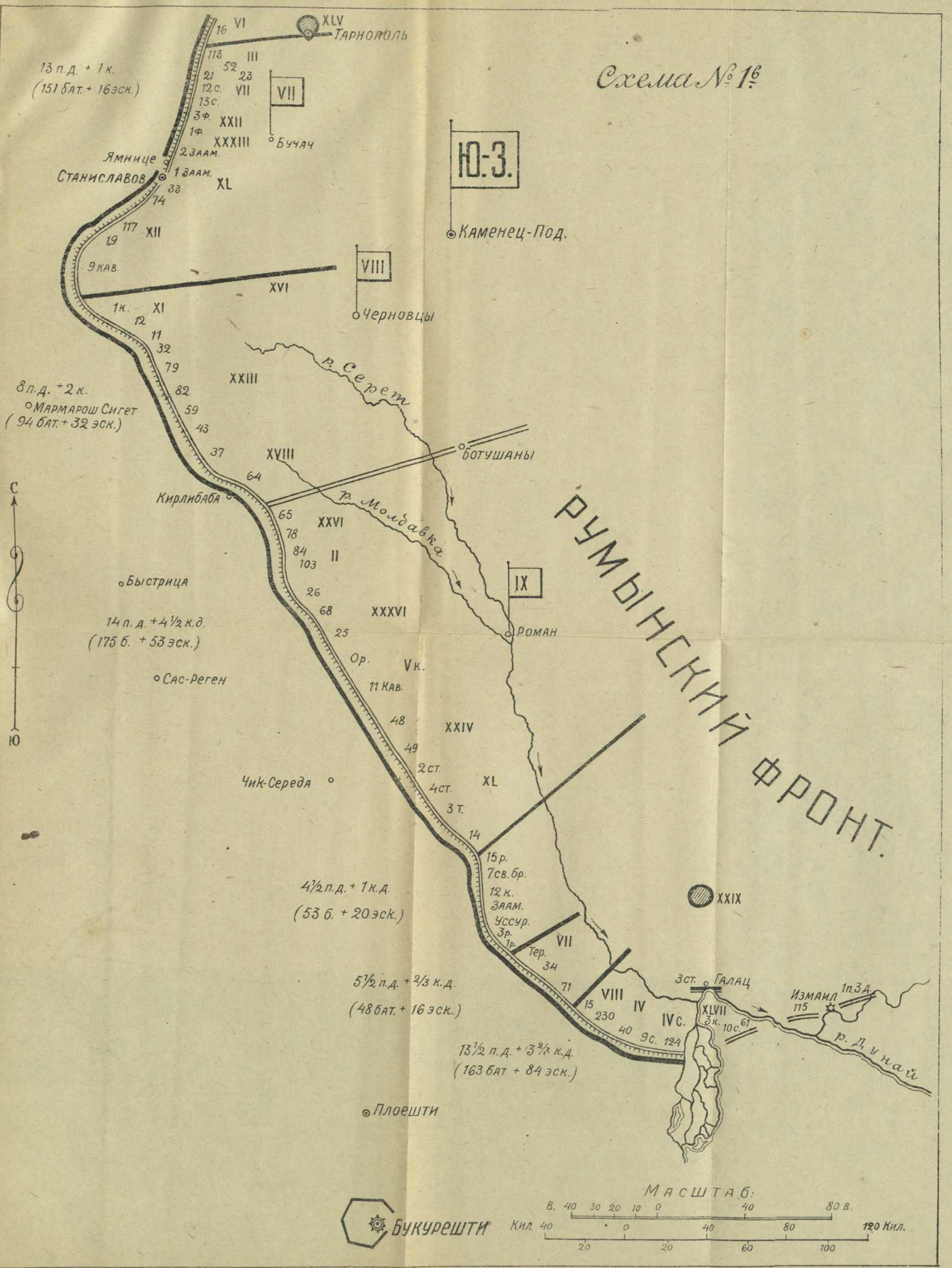

Схема № 2.

Ковель о

о Владимир-Вол.

08. АР.

о Луцк

Сокаль о

о Миллятин

Бялы-Камень о

о Броды

о Кременец

о Львов

о Глиняны

о Злочев

11 АР.

о Бобрка

о Хукалов

о Манилув

о Могила

Бжежань о

о Баранувка

о Потуторы

о Мечищув

р. Днестр

о Стрый

Галич о

о Станиславов

о Бучач

7 АР.

Пантир перевал

Каменец-Подольск о

Корошмезо

Черновцы о

о Форешек

8 АР.

о Рушполянка

о Мармарош-Сигет

о Кирлибаба

МАСШТАБ:

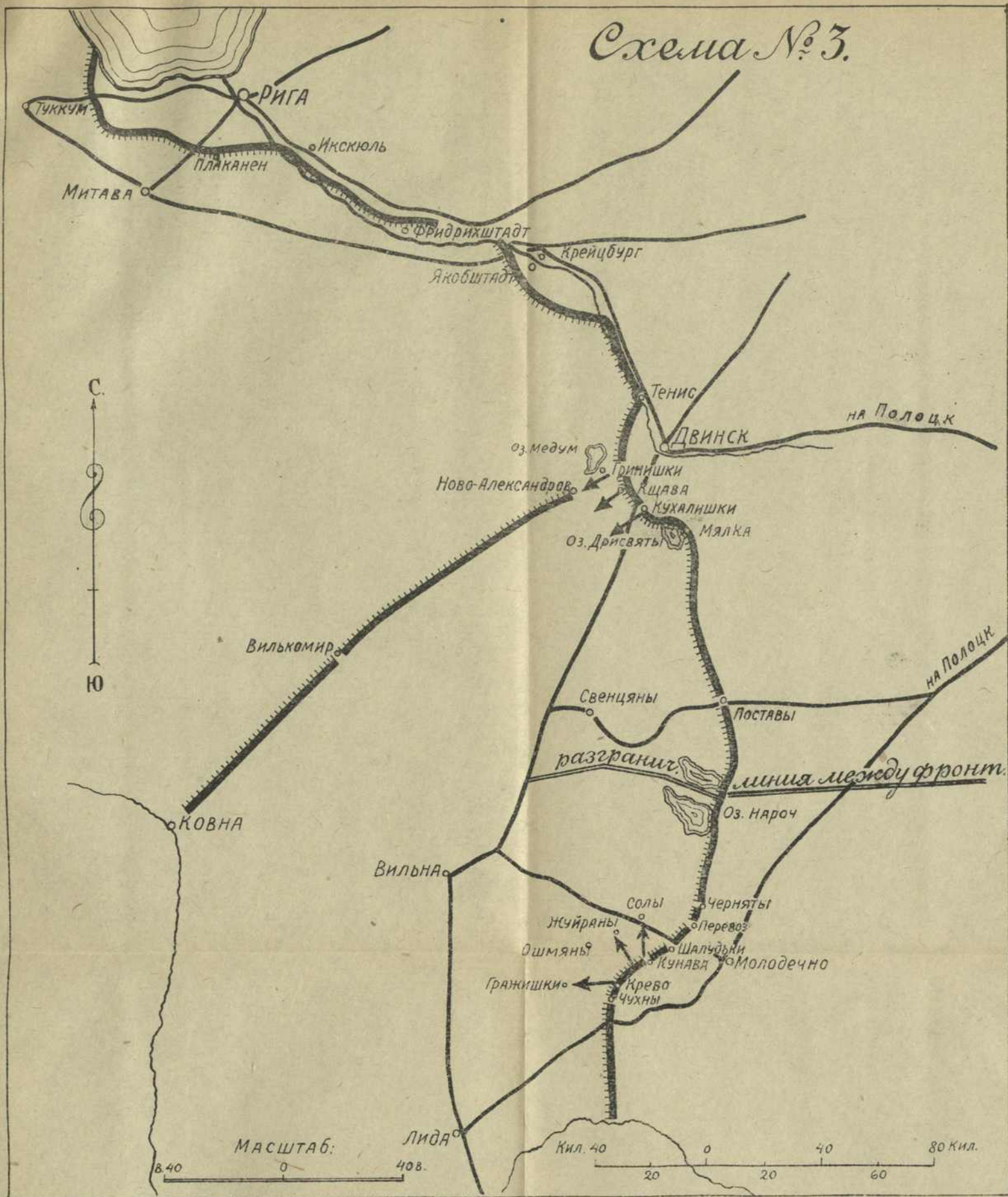
в. 40 30 20 10 0 40 в.

Кил. 40 0 40 80 Кил.

С

Ю

Схема № 3.

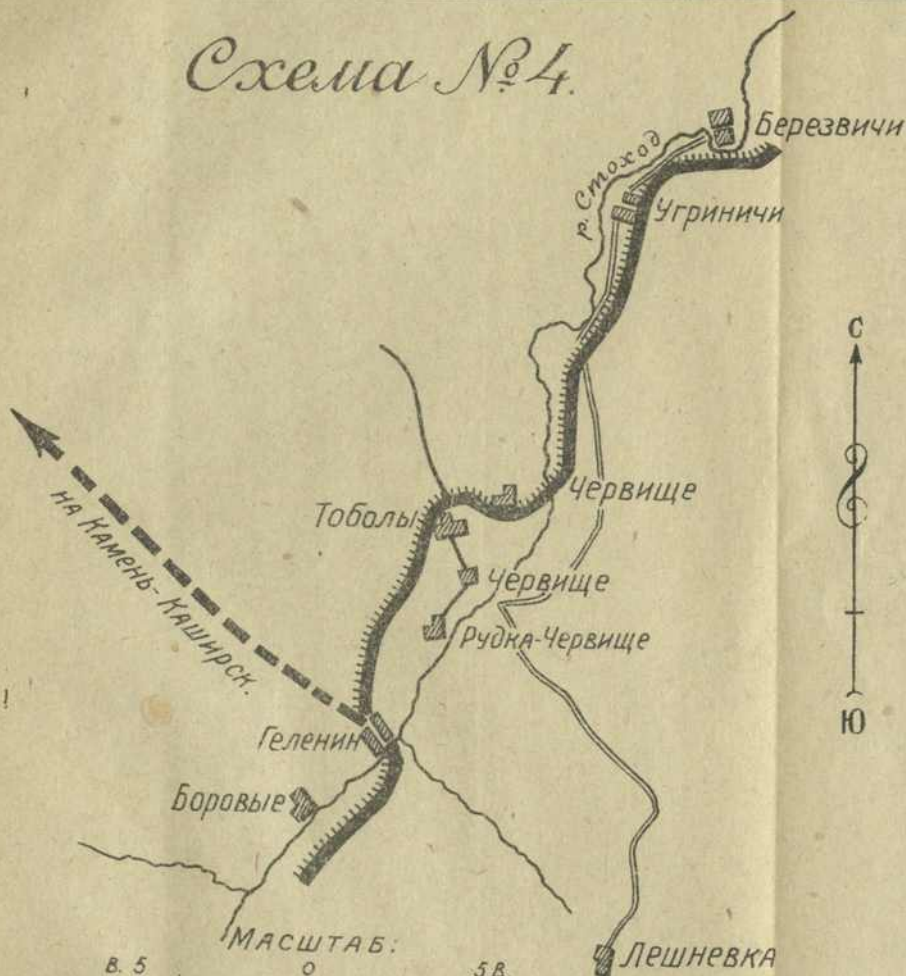

С.
Ю

МАСШТАБ:
0 40 в.

Кил. 40 0 20 20 40 60 80 Кил.

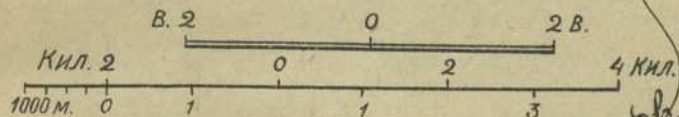
Схема №4.

МАСШТАБ:
0 5 10
Кил. 5 10
0 5 10
В. 5 10

Схема №5.

МАСШТАБ:

Усл. зн.

Мост

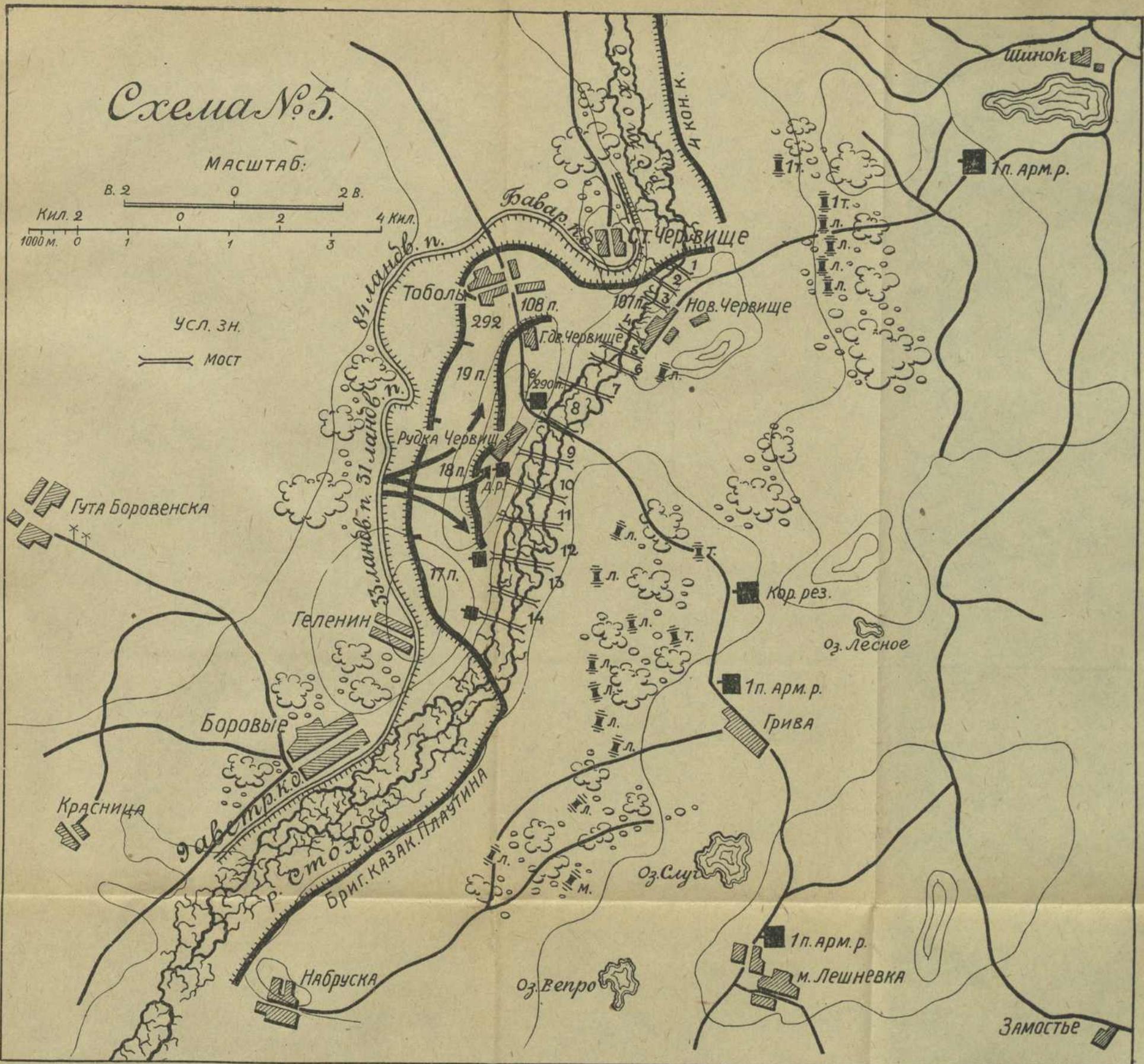

Схема № 6.

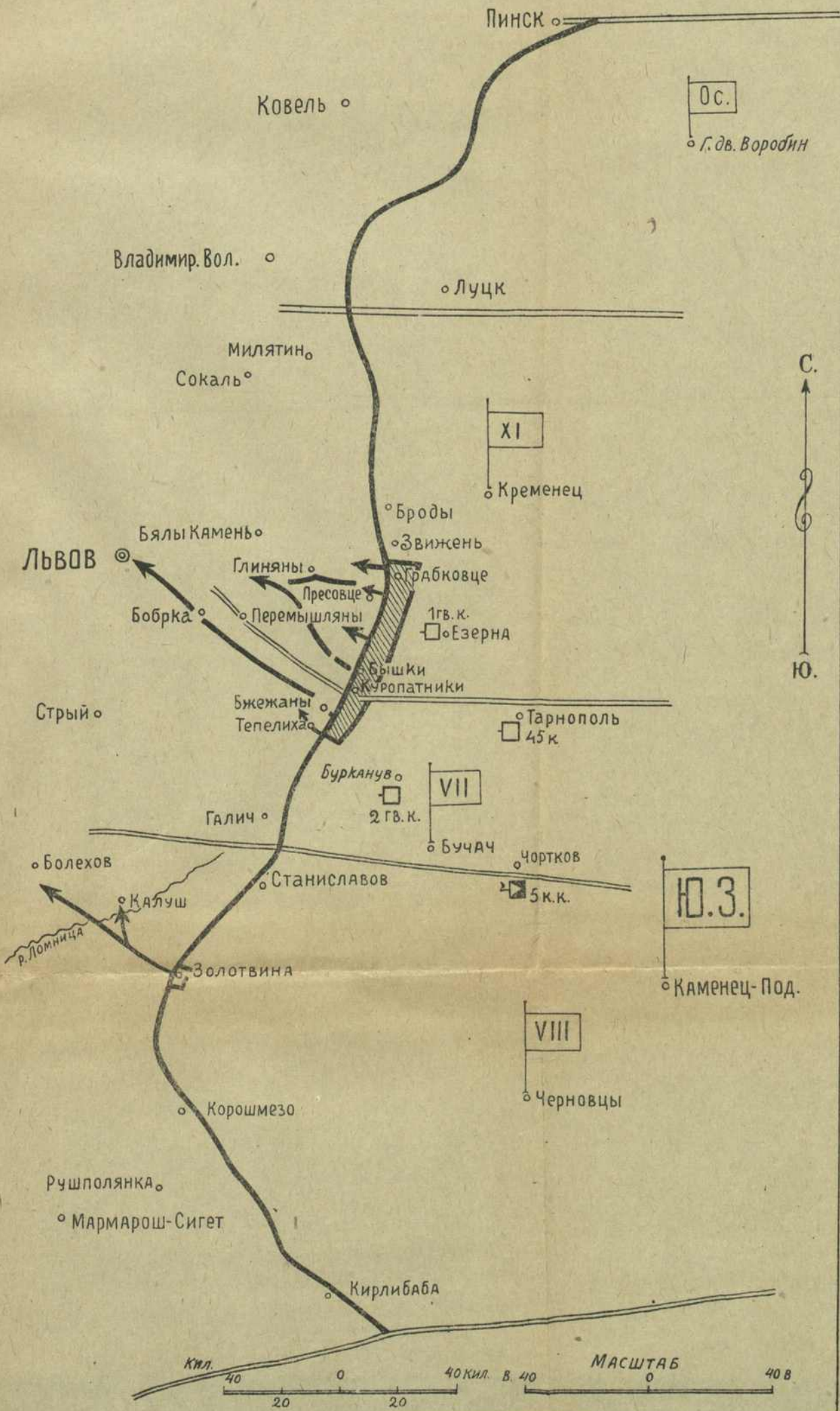

Схема №7

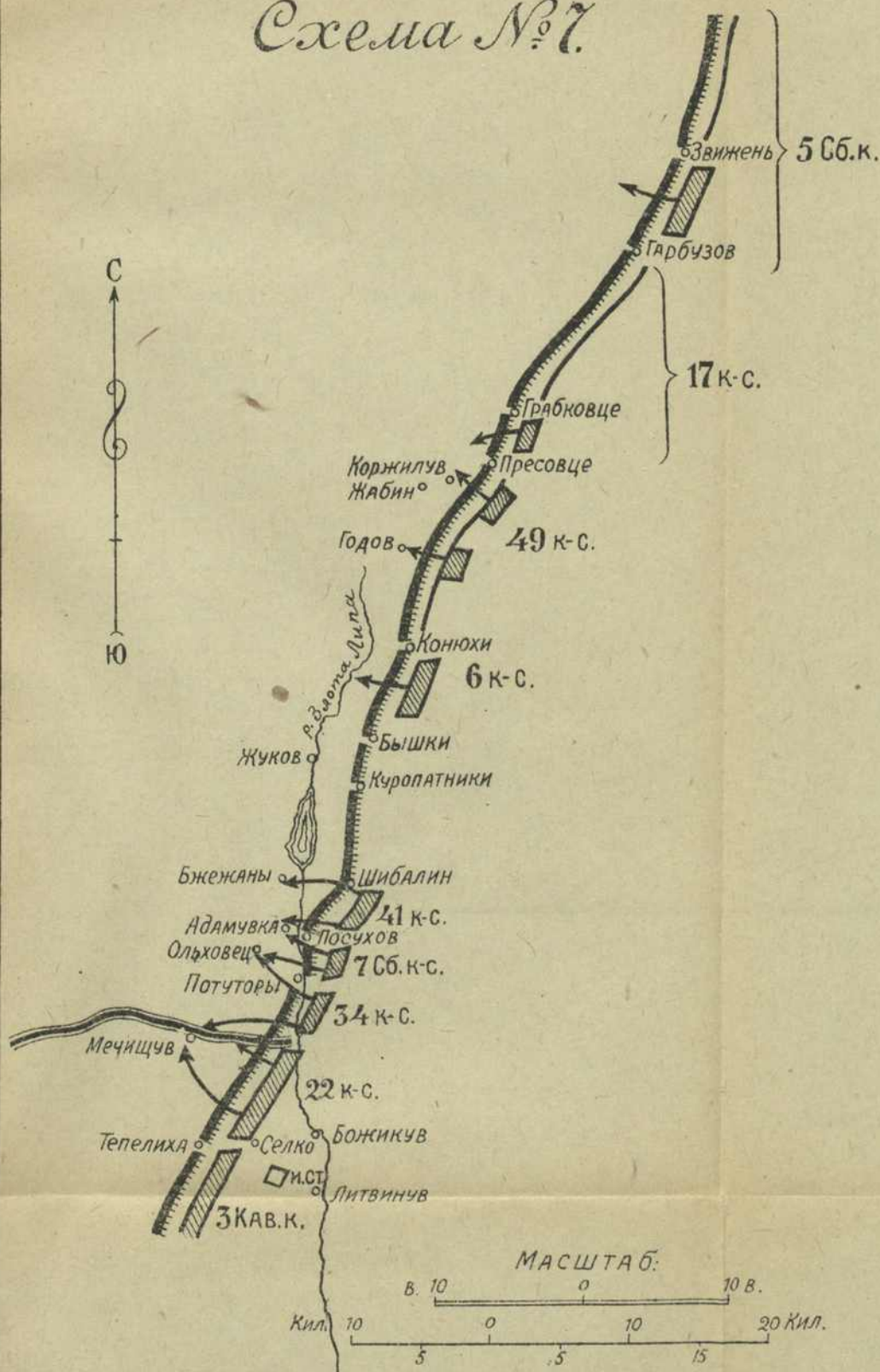
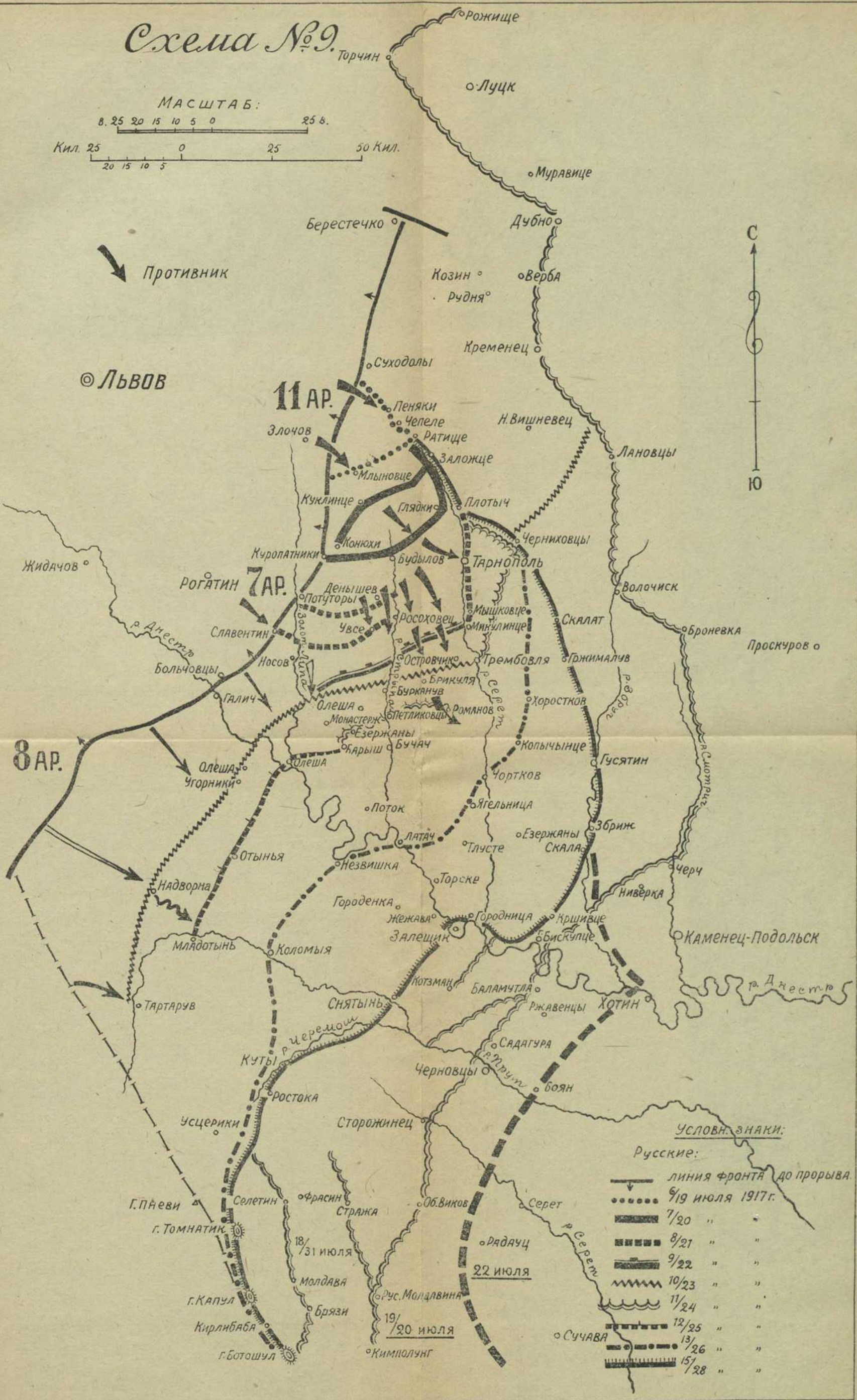
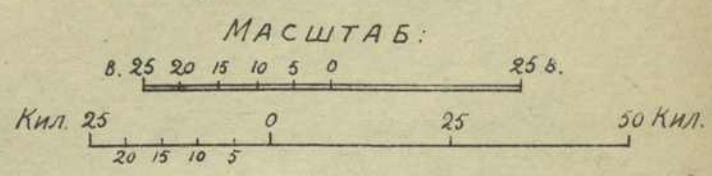

Схема №9.

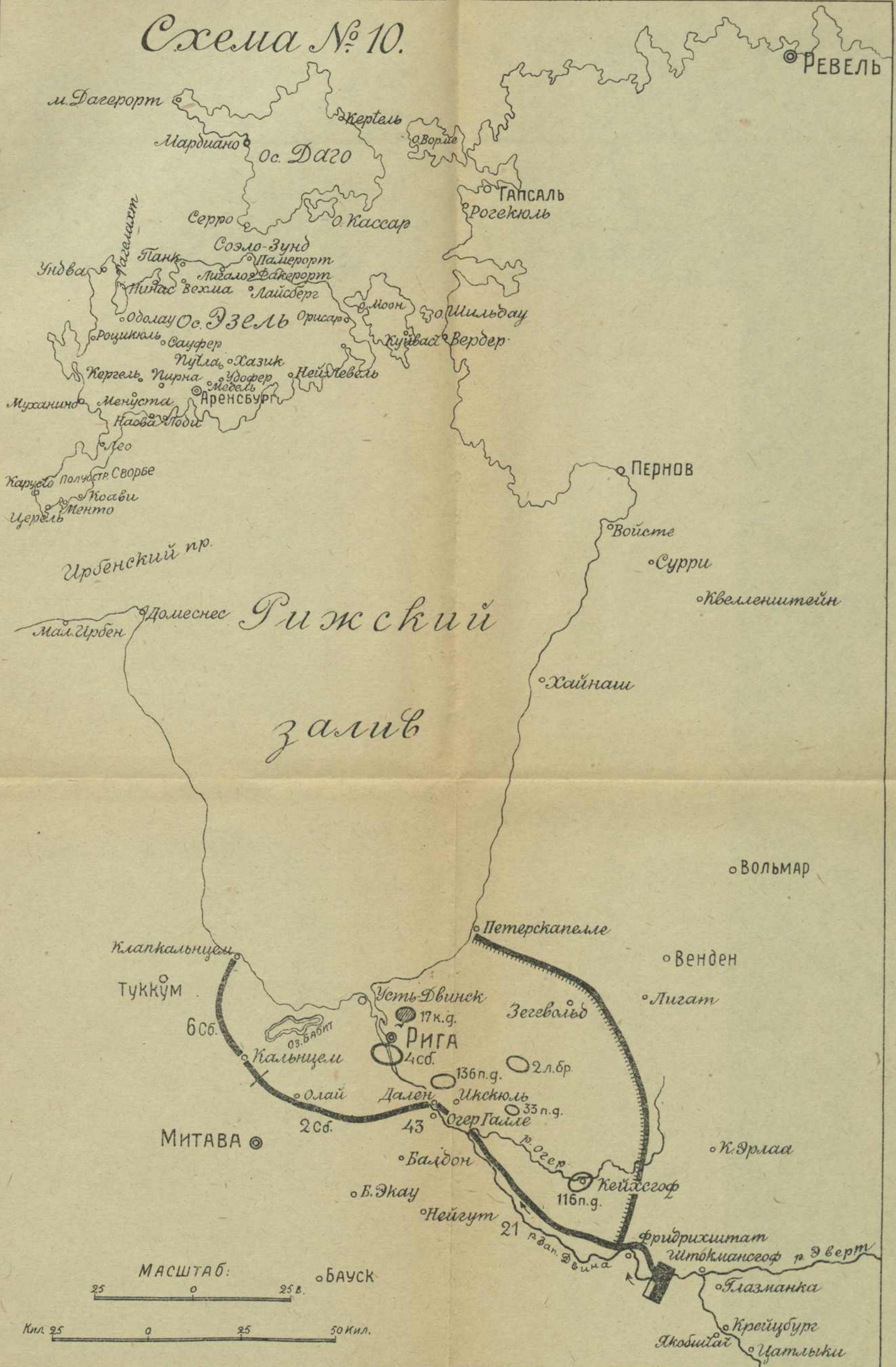

Условн. знаки:

Русские:

—	линия фронта до прорыва
	6/19 июля 1917 г.
————	7/20 " "
■■■■■	8/21 " "
■■■■■	9/22 " "
~~	10/23 " "
~~	11/24 " "
~~	12/25 " "
~~	13/26 " "
~~	15/28 " "

Схема № 10.

B0000004002478